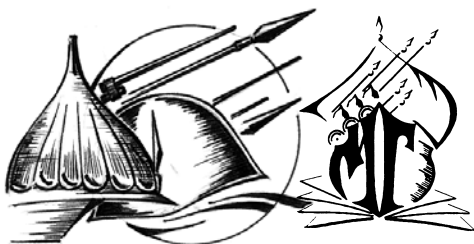

Россия, Русь! Храни себя, храни!

9
2012

Союз писателей России

**Ежемесячный литературно-художественный
и общественно-политический журнал**

Основан в 1922 году

В НОМЕРЕ:

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Владимир НЕСТЕРОВ. Мировые тупики: есть ли выход?	3
Михаил АНТОНОВ. Русский идеал и корпоративное государство. Продолжение	32
Игорь ПАНКРАТЕНКО. Последний полёт «кандагарского зверя»	81
Эмма МЕНЬШИКОВА. Провинция Отечества. Очерки русской жизни. Продолжение	113
Иван УХАНОВ. Голос чистой совести	140

ПРОЗА

Геннадий КЛЕПИКОВ. Рассказы	10
Валерий ВОЛОДЧЕНКО. Кислые воды, где нет огородов. Рассказ	90
Виктор МЕЛЬНИКОВ. Прощался старик со старухой. Рассказ	100

ПОЭЗИЯ

Вячеслав БОГДАНОВ. По праву сердца. Стихи	71
Николай РАЧКОВ. Я верю. Я плачу. Я живу. Стихи	106

Константин КОЛЕДИН. Не остывающий родник.	
Стихи	109
Александр ЖУКОВ. Миниатюры	137

РУССКИЙ ВОПРОС

Валерий ХАТЮШИН. Главный вопрос нашей жизни	148
Дмитрий ДАНИЛОВ. Клей из народа	153
Владимир СМЫК. Ружьё на стене	159
Георгий ЗНАМЕНСКИЙ. Шабаш русофобов	165

ДОСЬЕ МГ

Владимир ПОЛЕВАНОВ. Распродажа страны	224
Юрий РУБЦОВ. Перевалочный пункт НАТО в сердце России	230

ПИСАТЕЛЬСКОЕ БРАТСТВО

Валерий КОЖУШНЯН. Горнюха. Повесть	172
---	-----

ИСКУССТВО

Нина БОЙКО. Рассказы о русских художниках	235
--	-----

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

Василий КИЛЯКОВ. Камертон сердца	255
Владимир ДЕСЯТНИКОВ. Дневник русского. Продолжение	265

ПИСЬМА НАШИХ ЧИТАТЕЛЕЙ

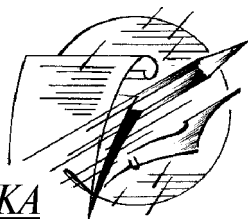
Владимир ЧЕРДЫНЦЕВ. О «переселении соотечественников»	287
--	-----

МИРОВЫЕ ТУПИКИ: ЕСТЬ ЛИ ВЫХОД?

С началом нового столетия люди всегда связывают новые ожидания. Однако уже идет 2012 год, а перемен к лучшему в мире не видно. По мере углубления долгового кризиса стран ЕС происходит «укрошение» Европы. Количество войн и конфликтов продолжает расти. Со дня на день может запылать весь Ближний и Средний Восток. Разрыв между богатыми и бедными увеличивается. Между тем человечество остро нуждается в действительно справедливом миропорядке, где не будет места делению на «золотой» и остальные миллиарды.

Разрыв увеличивается

На планете продолжается углубление экономического неравенства между развитыми странами и остальным миром. По данным академика В. Иноземцева, к началу XXI века разрыв в среднедушевом ВВП между богатой и бедной частями человечества достиг 15,4 тыс. долларов, увеличившись за последние 40 лет в три раза. Если в 1960 году 20% самых богатых людей мира

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

получали доходов в 30 раз больше, чем 20% самых бедных людей, то к 2000 году это соотношение увеличилось до 60 раз. Если в 1960 году 20% богатого населения имело 70% от всего мирового дохода, то сегодня эта цифра достигает 90%. Самые бедные 20% населения мира в 1960 году имели 2,3% планетарного экономического дохода, а сегодня они имеют менее чем 1,1%.

На долю стран «золотого миллиарда» приходится примерно 15% населения Земли, при этом они получают около 80% мирового продукта, в то время как на долю 85% населения других стран мира приходится лишь около 20% мирового ВВП. По данным ООН, 500 самых богатых людей мира, большинство которых является гражданами США, имеют такой же доход, как и 416 миллионов самых бедных.

Наконец, как было сказано в недавнем докладе Мирового экономического форума, один процент (!) населения Земли владеет почти половиной мировых активов. В мире растет количество нищих и голодных людей. Выступая в 2011 г. в Давосе, исполнительный директор Всемирной продовольственной организации (ВПП) Жозетт Ширан отметила: «Сегодня в результате финансового кризиса миллиард людей на Земле просыпаются и не знают, как наполнить чашку едой». По данным ООН, ежегодно в развивающихся странах из-за недостаточного питания умирает около 5 млн. детей.

Венгерский экономист Михай Шимаи, анализируя эти процессы, подчеркивает, что «неравенство и неблагоприятные последствия асимметрии во взаимозависимости ведут к международным конфликтам, если они запирают страны в положении постоянно проигрывающих... Сопряженные с этим потери и маргинализация могут подстегивать жесткий национализм, политическую нестабильность, бунты и терроризм».

На последнее обстоятельство обратил внимание ныне уже покойный французский геополитик Пьер Галуа. Говоря об истоках терроризма, он отметил: «Может, можно найти ему объяснение в обостренном чувстве несправедливости, обиды, глубочайшего неравенства, которое подспудно настраивает одни народы против других. Именно в этом, по моему мнению, нужно искать корни терроризма. Если бы было возможно вернуть оскорбленным народам чувство независимости и достоинство, не подвергая их пыткам и бомбардировкам, как это было в Ираке или в Афганистане! Может быть, можно обойтись без унижения или жестокой пропаганды...»

Капиталистическая миросистема

Наиболее адекватную картину современной капиталистической миросистемы, как представляется, создал американский ученый Иммануил Валлерстайн. Общий смысл этого концептуального подхода состоит в следующем.

Капитализм как мировая экономическая система основан на буржуазном способе производства, но не сводится к нему. Капиталистическая миросистема состоит из стран центра или нескольких центров, связанных и конкурирующих между собой, и стран периферии. Во времена СССР можно было говорить только о странах центра во главе с Соединенными Штатами. В нулевые годы можно было говорить о попытке ЕС стать самостоятельным центром, конкурирующим с Америкой. Однако в США вовремя разгадали замыслы европейских интеграторов и с началом в 2008 году мирового финансово-экономического кризиса делают всё, чтобы развалить еврозону, подорвав интеграционный процесс в Европе. Возможно, можно было говорить и о Японии, которая в нулевые годы была на пороге преодоления затянувшейся рецессии. Однако начавшийся кризис, а затем ядерная катастрофа на Фукусиме прервали этот процесс. Как считает Евгений Примаков, «по оценкам и прогнозу ИМЭМО, которые зарекомендовали себя как надежные, в Соединенных Штатах темпы роста ВВП в 2011 году превысили 2,2% и в 2012 году будут увеличиваться. Нереалистичны выводы и о резком ослаблении доллара, чуть ли не расстающего с миссией общемирового платежного средства».

Особое место на планете занимает Китай. Вступив в открытую игру на мировых рынках и потеснив конкурентов, он быстро превращается в самостоятельный центр экономической и политической силы. В прежние годы транснациональные корпорации, активно размещая здесь свои производства и дешево покупая местную рабочую силу, использовали население Китая в интересах «золотого миллиарда». Сейчас, когда Пекин обратил внимание на увеличение покупательного спроса населения, времена «дешевой рабочей силы» уходят в прошлое. При том, что минимальная зарплата в городах Китая в 2011 году составляла в среднем 178 долларов в месяц, рабочий в Шанхае получал 830 долларов, а хороший инженер-программист до 2100 долларов. Это значительно меньше, чем, скажем, в Чикаго, но следует иметь в виду и то, что в Китае иной масштаб цен. То есть Китай все больше работает на себя, чем на «золотой миллиард».

Еще раньше И. Валлерстайна к сходным выводам пришел советский историк Борис Поршнеv. В работе «О начале истории», изданной в 1974 году, уже после его ухода из жизни, Поршнеv писал: «Социально-экономические системы, наблюдаемые нами на «переднем крае» человечества, существуют и развиваются лишь благодаря всасыванию дополнительных богатств и плодов труда из всего остального мира и некоторой амортизации таким способом внутреннего антагонизма. Этот всемирный процесс перекачки в эпохи рабства, феодализма и капитализма лишь иногда (при первой и третьей) выступал в виде прямого обескровливания метрополиями и империями окрестных «варваров» или далеких «туземцев» в колониях. Чаще и глубже перекачка через многие промежуточные народы и страны как через каскад ступеней, сверху которого высоко-развитые, но и высокоантагонистичные общества переднего края. Ниже — разные менее развитые, отсталые, смешанные структуры. А глубоко внизу, хотя бы и взаимосвязанные с внешним миром самыми скудными сделками, но — вычерпанные до бесконечности и бесчисленные в своем множестве народности пяти континентов, почти неведомое подножие, выделяющее капельки росы или меда, чтобы великие цивилизации удерживались. Насос, который непрерывно перекачивает результаты труда со всей планеты вверх по шлюзам, — это различия в уровне производительности труда и в средствах экономических сношений».

В результате уже в 1985 году из каждого доллара доходов в США 52 цента были результатом неэквивалентного обмена со странами «третьего мира». То есть, установись на Земле «справедливый экономический порядок», о котором так любили рассуждать западные политические лидеры в 80-е годы, доходы американцев упали бы более чем вдвое. Однако США — вовсе не лидер в этом списке: в крошечном и вроде бы незаметном Люксембурге из каждого франка доходов 86,5 (!) сантима — украдены у стран «третьего мира».

За счет неэквивалентного обмена западные страны получают доходы, позволяющие им щедро субсидировать сельское хозяйство. В результате продукция аграрного сектора развивающихся стран, которые таких субсидий позволить себе не могут, оказывается неконкурентоспособной на мировых рынках, и они лишаются внешних поступлений.

Особенность страны, представляющей собой периферию капиталистической миросистемы, состоит в том, что она зависит от центра, от создаваемой им конкретной формы мирового разделения труда. Она включается в рыночный об-

мен, но всегда остается зависимой и отсталой. Попытка отдельной страны преодолеть отсталость вне капиталистической миросистемы, несмотря на все ее усилия, приводит лишь к появлению новой формы зависимости.

Возвращение Мальтуса?

На первый взгляд, с окончанием конфронтации по линии Запад — Восток развивающиеся страны могли бы рассчитывать на то, что их участь облегчится. Но не тут-то было! В тамильских племенах существует беднейшая каста, название которой стало нарицательным. Ее представителей называют париями, и им отводится участь отверженных. Современный Запад определил на роль париев большую часть человечества. Неожиданно для себя развивающиеся страны оказались в намного более сложной ситуации, чем прежде: их стали цинично именовать варварами.

Что же в этой ситуации предлагает Запад? В октябре 2006 года по случаю Всемирного дня экологии британская газета «Independent» поместила подборку статей, в которых пришла к выводу, что потребляемые человечеством ресурсы уже превысили способность природы планеты к естественному возобновлению. Земля, как отметила газета, просто не в состоянии прокормить 6 млрд. человек (ныне уже 7 млрд. чел. — **Авт.**), сохраняя при этом равновесное состояние природной среды. Наиболее остро это отражается в глобальном кризисе нехватки пресной воды, от которой уже сейчас страдает 800 млн. человек.

Борьба за воду, мрачно пророчествует издание, станет основным конфликтом будущего, и ученые пока не видят способа решить эту проблему техническими методами. Пик дефицита настанет к 2050 году, после чего численность человечества начнет быстро снижаться в результате падения рождаемости и роста смертности от голода и болезней в странах «третьего мира». Только когда она достигнет устойчивого уровня в 2—3 млрд. человек, появится шанс на восстановление природной среды.

Всё это очень напоминает теорию англичанина Мальтуса, который в начале XIX века советовал избавляться от «лишнего» населения посредством голода, эпидемий и войн! С тех пор прошло 200 лет, а «рецепты» остаются все те же. С одним только уточнением: население планеты должно сократиться за счет «третьего мира». Желательно также, чтобы оно сокращалось и за счет «разных менее развитых, отсталых, смешанных структур». На примере той же Украины, потерявшей за

годы независимости около 7 млн. человек, и России мы видим, что этот процесс уже происходит.

«Золотой миллиард» остается в неприкосновенности. Если что, он восстанавливается за счет привлечения способных и талантливых людей из других регионов. Между тем, получи ученые средства на исследования или откажись Запад от сверхпотребления, проблем такого рода не было бы вообще. Однако они есть и будут, пока Соединенные Штаты ежегодно тратят до 700 млрд. долларов на военные расходы и насаждают «умными» бомбами и ракетами «западные ценности» по всему миру.

Новые веяния

Наряду с этим существует немало признаков того, что монополярный мир, еще не успев до конца сложиться, уже начинает рушиться. Растущее могущество Китая, поднимающаяся с колен Россия, процесс суверенизации «старой» Европы — это первые ростки начинающихся в мире серьезных перемен, причем не в пользу одного известного государства и его ближайших союзников.

Неудачи Америки в борьбе за мировую гегемонию, в частности, по сути, проигранная война в Ираке; предстоящий бесславный уход из Афганистана; «демократизация» Северной Африки и Ближнего Востока, вылившаяся в разрушение существующей государственности и повсеместный приход к власти исламистов; новые вызовы со стороны Китая и стран Латинской Америки, экономическое замедление внутри самих США — это прямые свидетельства того, что лучшие годы Америки уже позади.

Даже такая простая категория, как государственный долг, достигший в США, как пишет Валентин Зорин, «немыслимой цифры в 16,7 трлн. долларов» и превысивший ВВП страны, говорит о многом. Он означает закабаление как ныне живущего, так и двух последующих поколений американцев. Ведь для того, чтобы его оплачивать, необходим ежегодный рост ВВП как минимум на 6,5%. Но возможен ли такой рост в условиях углубляющегося кризиса?

Известный финансовый спекулянт Джордж Сорос, который, как утверждает «Newsweek», финансировал движение «Захвати Уолл-стрит» накануне экономического форума в Давосе, заявил, что Америку ожидают уличные бунты, поскольку у людей «есть причины досадовать и злиться» по поводу расходов на спасение банковской системы, которые несут в первую очередь налогоплательщики, а не держатели

акций или облигаций. А дальше в Америке последует установление репрессивной политической системы, «общества, где свобода личности ограничена гораздо сильнее, что означало бы разрыв с традицией Соединенных Штатов».

По мере того как процессы деградации Америки будут набирать силу, у средних и малых государств появятся новые возможности для проведения внешней и внутренней политики в соответствии с национальными интересами, выбором народов, а не указаниями из одного мирового центра.

Вместе с тем появляется возможность вернуть ООН ту роль, которая предполагалась для нее в момент создания в 1945 году. Но для этого нужна серьезная реформа этой организации. В первую очередь, речь идет о давно назревшем увеличении постоянных членов Совета Безопасности ООН за счет таких государств, как Индия, Бразилия, Япония, ФРГ, Италия, Нигерия, ЮАР. Можно было бы при этом руководствоваться такими критериями, как объем ВВП, начиная, скажем, с 1—1,5 трлн. долларов.

Рост авторитета ООН привел бы к признанию всеми международного права в качестве единой основы, на которой можно решать конфликтные вопросы, возникающие в мире. В любом случае это лучше, чем действовать на основе решений, принимаемых в НАТО или пресловутой «восьмеркой», существование которой вообще не имеет под собой никакой легитимной базы.

Человечество остро нуждается в действительно справедливом миропорядке, в котором не будет места делению на «золотой» и остальные миллиарды, а будет место для основанного на взаимопонимании тесного сотрудничества региональных цивилизаций, из которых состоит человечество.

В мире нет развитых и отсталых наций, высших и низших цивилизаций, продуктивных и непродуктивных культур. Каждый народ занимает в современном мире свою нишу, внося свой вклад в развитие человечества. Только на пути развития самобытных культурно-исторических начал каждого народа можно рассчитывать на лучшее будущее мировой цивилизации.

РАССКАЗЫ

От редакции

Геннадий Кузьмич Клепиков всю жизнь проработал журналистом в Забайкалье и в родном селе Быстрый Исток на Алтае, где в местной печати изредка помещали его рассказы. Других публикаций у него не было, да он и не обращался в центральные издания, видимо, считая свое творчество недостаточно высоким для выхода на всероссийского читателя.

И только теперь, когда Геннадий Клепиков ушел из жизни, его рассказы принес в редакцию наш постоянный автор Сергей Щербаков. Теперь и мы можем услышать биение доброго, страдающего сердца, прочесть эти рассказы, наполненные дыханием прошлого века, согретые глубокой любовью к людям, к красотам родной земли, и восхититься вслед за автором душевной щедростью русского человека.

ТРЕТЬЯ

— Я не воевал, год мой не подошел, да и фигура подкачала: горбат с малых лет. Но война у меня вот здесь, в горбу засела. Голоду натер-

ПРОЗА

пелись — само собой, в нашем селе старики и посеи́час сухарики сберегают. Но не голод запомнился — страх.

Как мужиков на фронт забрали, меня при нашем сельсовете в почтальоны определили, по-тогдашнему, в письменности. Здоровье было никудашнее, но почтальонскую сумку таскать мог, они тогда совсем тощие сумки-то были. В зону моего обслуживания, как бы сейчас сказали, входило два села да семь колхозов: в окружности километров пятнадцать наберется. Сегодня в один колхоз, завтра — в другой, так всю неделю и кружу. Когда на попутной подводе подъеду, но больше, дело понятное, пехом. Сапоги мне казенные выдали, да боялся прирвать по бездорожью: снег только сойдет — босиком и зажвариваешь. Ног, бывало, под собой не чуешь, как на копытах ступаешь, до того околечнеешь, а идешь. Потом я приспособился: ходить старался за коровьим стадом. Как пальцы начнет от холода скрючивать, сейчас заберусь в свежую коровью лепеху — они и отойдут. Вот таким макаром и скороходил с сумкой на горбу, с плеча-то сумка соскакивала.

Только смекаю я сейчас, скороходы да марафонцы надобны для вестей добрых. Но немного радости приносила военная почта, мало было добрых вестей в солдатских треугольниках. Хорошо, если «жив-здоров, воюю помаленьку, гоним немца...» А чаще такие получали: «Пишу с госпиталя. Царапнуло малость. Руки-ноги целы. Доктор говорит, в рубашке родился...» Опустится баба на лавку, ребятишки по углам забьются, да так и сидят. Думаешь, хоть бы без рева обошлось, без причитаний, успокаиваешь: «Все же хорошо, пишет. Руки-ноги целые пишет. Радоваться надо». А баба словно окаменев, и скажет безразлично: «В голову, наверное, угодзило... О голове-то ничего не прописал...» С тем и уйдешь.

Но были письма и пострашнее — те самые казенные бумаги, которые похоронками прозывались. Похоронные извещения я словно через конверт видел, как получу такой конверт — меня потряхивать начинает. Сейчас я полагаю, что извещения такие должен вручать не малолетний письменосец, а кто-то из сельского Совета или военкомата. Но военкомат был от нашего села далеко, а председатель сельсовета в народе появляться не любил: в селе его грыжистым бугаем звали. Да и, надо сказать, сволочь был — не мужик. Тогда же налоги были — на мясо, на молоко, на кожу, на картошку. И вот, кто налог не вносил в срок, председатель самолично приезжал на лошади и вынимал в избенке печные заслонки да вьюшки, а то и двери с петель снимал. Потопи печь на ветер, померзни. И шли в безвьюшные печи последние плетни.

Понятно, каким почетом пользовался председатель. А похоронки приходилось разносить мне с обычной почтой.

Навидался я бабьих слез да причитаний. Сейчас плачущего человека видеть не могу — трясет. С того самого дня, как вручил я похоронку старику Бондаренко с хутора «Красный боец».

Старик Бондаренко поселился на хуторе уже в войну. В наши места перебрался он откуда-то с Запада, избенку купил — они тогда дешево стоили. Людей он как-то сторонился, да и люди его побаивались: был старик громадного роста, с копной белых седых волос и с крестом на шее. «Баптист какой-то», — предполагали люди, хотя, кто такие баптисты, и ведать не ведали. Потому и отношение было к старику настороженное: живет себе на отшибе, ну и пусть живет. А кроме него, на хуторе еще две семьи проживало, но кто проживал, я не упомяну сейчас.

Вот старику Бондаренко с хутора «Красный боец» и предстояло мне доставить письмо, в котором я угадал похоронное извещение. До хутора было около десятка километров: дорога туда петляла березняком среди огромных кучугуров, через старый заброшенный омшаник до крытой риги — признак довоенного колхозного изобилия. А там и рукой пожать до хутора.

У своротка, где телефонная линия убегала от березняка вправо, я делал первый привал, первую передышку. Усаживался у телефонного столба и, прижавшись ухом, вслушивался в его монотонно-тревожный гуд. В ветряную погоду столб гудел надсадно и безрадостно, и в этом гуде слышались мне страх и отчаяние, среди которых прорывались вдруг невнятное бормотание и стоны, рыдания и вопли о помощи. Я все надеялся услышать однажды победные салюты, мне говорили, что по проводам они при сильном ветре доносятся, но салютов все услышать не удавалось. Но о чем мог еще мечтать полуголодный, больной письмоносец с корочкой коровьего навоза на ногах! Но это — так, к слову.

В тот день стало гудеть особенно печально и тревожно, словно предугадав ту недобрую весть, которую нес я в сумке для старика. И мне стало не по себе от жалости к этому одинокому хуторскому жителю, которого мы хотя и побаивались, но который ничего худого не сделал. Одно успокаивало: старик, а все — мужчина, уж он-то не станет биться в падучей, не станет голосить истошно, рвя на себе волосы, как старая Афанасьевна из колхоза «Красное поле». Его не придется отпаивать водой, как тетку Нюру Паутову, которая как получила казенную бумагу, так замертво и упала. И нету у старика Бондаренко малых ребят, которые захлебнутся криком от первого же вопля взрослых.

Так успокаивал я себя, свертывая на тропку, ведущую к заброшенному омшанику, откуда уже виднеется колхозная крытая рига.

У омшаника я привал не делал: здесь в войну развелось множество змей-огнянок, прозванных так за свою красноватую кожу. Змеи эти имели способность скручиваться обручем и так обручем передвигаться, развивая бешеную скорость. Правда, мне самому не доводилось встречаться с ними, но мимо омшаника я всегда проходил скорым шагом.

Рига уже виднелась, а скоро из-за поворота открылась и избенка, в которой проживал Бондаренко. На крыльце сидел старик, плетя из ивовых прутьев вершу для рыбы. За ригой начиналось озерцо, где водились караси. Для них-то, видать, и готовилась снасть.

Мне хорошо запомнилась безмятежность хуторского полдня: у крыльца перебирала ножками коза с козленком, она пыталась дотянуться до ивового лакомства, но старик взмахивал кнутом, и коза, а за ней козленок отскакивали от крыльца. И тут же две дворняжки напали на козу, вынуждая принять ее оборонительную позицию. Собаки отходили, а коза снова тянулась к прутьям. Мне стало легче, когда я все это рассмотрел, и подумалось, что ничего страшного не случится, если сразу же вручу старику свою страшную почту.

Я вышел из кустов, и дворняжки, завидев меня, с лаем помчались мне навстречу. Старик цыкнул на них и крикнул мне:

— Не бойсь!.. Они того... пустолаи!..

И эти простые слова придали уверенности, что ничего страшного не произойдет: старик вовсе не выглядел немощным. И все же я медлил, старался хоть на миг отодвинуть ту страшную для старика минуту. Не знаю, что чувствовал он в те мгновения, когда я копался в своей сумке. Наверное, ничего не чувствовал.

— Да ты заходи в избу. Чего на земле-то стоишь. Прозяб, чай? — сказал старик, но я уже вытащил конверт, протянул. И тут я увидел, как вздрогнула рука, протянутая за письмом. Я отвернулся и стал гладить одну из пустолаев — черную собачонку с белым ошейником, а она понарошку пыталась укусить меня за руку. «Все ладно! Все обойдется!» — успокаивал я себя.

— А-а-а-а! — вдруг услышал я за своей спиной.

Вздвогнув, я обернулся. Старик сидел на ступеньке и, обхватив руками седую голову и, раскачиваясь, тянул на одной ноте, — а-а-а-а! — и от этого мычащего стоны у меня горб, я это отчетливо чувствовал, стал увеличиваться в размерах, расти. Я задыхался, удушье давило меня. Не помню, как у меня нашлось силы вбежать в сени, зачерпнуть ковш воды.

— А-а-а-а! — все тянул старик, наводя ужас на этот безмолвный хутор, на обожженные траурные кусты, на собак. Я беспомощно совался с ковшом — этой жалкой подачкой для обезумевшего от горя старика. Я пытался напоить его, но он неожиданно выбросил руку, и ковш, грохоча по ступеням и, разбрызгивая воду, скатился на землю, отпугнув козу, которая уже добралась до ивовых прутьев. И тогда нервы мои не выдержали:

— Молчи, старик! — закричал я. — Молчи, молчи, старик. Не у тебя одного... У Афанасьевны убили... У тети Нюры убили, с тремя малыши осталась. В каждом доме горе. В каждой избе беда... Или не знаешь... Или бог твой ничего тебе не говорит. — Я с ненавистью смотрел на крест поверх белой рубахи. — Нам выть да оплакивать некогда, будем выть, немец и сюда до Сибири припрет...

Так орал я на старика, и откуда только слова, у гаденыша, брались. Верно, страху натерпелся по самую макушку. Но вот ведь какое дело: подействовали мои слова на старика Бондаренко. Он разжал голову, глаза его были мутны, но сухи.

— Прости, сынок, — сказал. — Прости... Два раза не плакал... Это третья, последняя...

И я почувствовал, как у меня снова зашевелился горб на спине, стал увеличиваться в размерах. И, боясь, что я задохнусь и упаду здесь, у крыльца стариковой избенки, я бросился бежать, напрямик, через кусты, через заброшенный омшаник и кучугуры. Больше я почту не разносил.

Рассказчик замолчал. Он чиркнул спичкой, и сразу же вслед за вспышкой на стене зашевелилась уродливая горбатая тень. Тихо было в сельской гостинице: ни шороха, ни звука. Лишь изредка гостиничные окна освещались розоватым всплеском: играли далекие зарницы.

— К урожаю зарницы... добрый хлеб зреет, — сказал мой сосед. — Заговорил я тебя, давай-ка спать.

Но еще долго не спалось, и зарницы все вспыхивали и вспыхивали.

«И БУДЕТ ПОМИЛОВАН В ПОЛЕ И ДОМА»

На исходе вторых суток глубокой ночью вышла она к лесному бараку и побарабанила негнушными костяшками пальцев в переплет рамы. Усталости она не чувствовала, не могла ее чувствовать: одеревеневшие мышцы выполняли работу автоматически.

— Кого там черт еще несет? — спросил знакомый бабий голос, и тогда она заплакала.

Она плохо помнила, как ее втащили в успевший остыть барак, как раздевали ее, растирали онемевшее тело, о чем расспрашивал знакомый голос. Она не отвечала на расспросы, и дивились поутру бабы, работавшие в дешевой округе на лесозаготовках: лошади нет, а есть сани, есть и хомут, и вся полагающаяся сбруя. Разные высказывались предположения, пока, наконец, не была высказана догадка, что «сани-то она, Маруська, на себе приперла. Это от города-то семьдесят пять верст. А значит, случилась с Маруської беда, раз вернулась без лошади».

Когда она проснулась, догадка подтвердилась: пропала лошадь, на которой нарочная леспромхоза увезла в город новобранцев. И страшно было явиться к директору леспромхоза — жесткому однорукому человеку, чтобы объявить о пропаже, потому что знала — перед ним не помогут ни молитвы, ни слезы, ни стакан самогона, ни бабья улыбка. Кремень был однорукий.

— Рассказывай, как коня проворонила! — только и сказал директор, когда она бочком проскользнула в его кабинет, где от раскаленной докрасна «буржуйки» пробежали теплые волны воздуха. «Рассказывай!» А что рассказывать? Привезла новобранцев в райвоенкомат, всплакнула маленько. А дело к вечеру, конь приустал, стала о ночлеге думать. Городишко небольшенький, а все чужой. Новобранец, племяш Петька Перестонов, и дал адресок: хорошие, говорит, люди живут и за ночлег берут недорого.

Приехала по адреску: домик кривобокий, со всех сторон разгороженный: пожгли ограду, видать, дровишками бедствуют. Но из трубы дым идет, печка топится. Постучалась в двери, выглянула в сенцы старуха. «Чего тебе?» — спросила. Она и ответила, что в поселок возвращаться поздно, вот люди добрые к ней направили. «Ночуй!» — разрешила старуха. Распрягла Карьку, привязала к задку саней, мешьюшко с овсом пододвинула. Хомут, сбрую на руки — и в дом к теплу. А как в домок вошла, забоялася. Сидят на лавке два мужика, в нарисованные картишки играют. Малый парнишка на мешке сухарик грызет, точно мышонок. «Ты не бойсь! — ободрила ее старуха. — Полезай на печку, она теплая. Да хомут с собой не тащи. Кого там-то запрягать будешь». Но она хомут с собой на печку, под голову его, да угрелась в тепле, задремала. Казалось, на минутку, а проснулась — печка холодная.

Но не холод разбудил, — тревога. Сунула руку под голову — хомут на месте, малец прикорнул рядышком. В темноте окошко белеет. Соскользнула она с печки, огляделась: мужики «валетом» на лавке угнездились, старуха под лоскутным одеялом скорчилась на железной кровати.

Толкнула она избяную дверь, не поддалась дверь, в затворе замерзла. Толкнула сильнее, заскрипела дверь вполголоса. Опахнуло холодом, она поплутала в сених, пока сенные двери искала. Отодвинула запор, на улочку вышагнула. Далеко вокруг луна высвечивает, слезалый наст под ногами похрумкивает. Сани на месте, мешок с овсом на санях, а коня нет. Протерла она глаза кулаками, уж не сон ли снится — нет коня.

Обежала вокруг кривобокий домик, — и хоть бы следочек. Может, оторвался конь, а может, свели. Захолонуло сердце, не помня себя, вбежала в избу, голосом в плаче зашла. Повскакали мужики с лавки, со сна понять ничего не могут, поднялась старуха с постели, зашаркала босыми ногами по полу, выдула огонь из загнетки, зажгла лампу. На нее никто не рассердился: пропажа коня — дело нештучное. Хорошо, коль откупиться дадут, да есть чем откупиться, а то и срок корячиться: конь-то казенный, небось, к мобилизации приписанный. А, порешив между собой, посоветовали обратиться в городскую милицию, чтобы как бы оправдательную бумагу выдали.

Дождалась рассвета, расспрашивая встречных-поперечных про коня, она и добралась до милиции. Дежурный милиционер пил кипяток из железной кружки и, наверное, хорошо выпался. Выслушав историю о пропаже, он деловито отставил пустую кружку. «Плохи твои дела, тетка, — сказал, — совсем плохи. У нас на прошлой неделе паровоз из депа угнали, найти не можем, а тут лошадь. На махан твоего коня пустят, если с вечера не пустили. Да ты не реви, похожу по базару, может, кого с пирогами из конины и выявим... Тогда и в известность поставим... А то, может, в леспромхозе конь-то и объявится, ты из какого леспромхозу-то? Да и не врешь ли про коня, тетка?»

Тетке в ту пору двадцать шестой год накатывал: была она бабонька ядреная, кровь с молоком, из сибирячек, собой не робка. Ночной испуг с рассветом как бы отодвинулся. И, когда милиционер попробовал потрепать ее по плечу при последнем невразумительном вопросе, она брезгливо отбросила его руку:

— Ну, ты, плешивый, — милиционер был без головного убора, — ты сначала лошадь сыщи, потом уж с руками... может, чего и получится, — пообещала она зло.

— Выметывайся отсюда, — озлился милиционер, — ходю тут всякие. А «тройку» не желаете?

С тем и выкатилась из отдела милиции, себя в горячах ругнула. Милиционера-то за что, может, у него и в мыслях ниче-

го плохого не было. Отыскала дорогу в военкомат, но там все было закрыто, может, рано еще, может, выходной. Едва добралась до кривобокого домка, и там — замок, по пословице: поцелуй пробой да айда домой. Хорошо, что сани на месте. Хомут и все прочее с собой по городу таскала.

Присела на сани, подумала. А выходило к одному: надо домой вернуться, теплилась надежда: вдруг конь ненароком отвязался да и ушел знакомой дорогой. А сидеть — чего высидишь. И, решив так, стянула она оглобли чересседельником, навалилась грудью на сыромятный ремень и тронула поклажу с места. И показалось ей совсем не тяжело и не страшно. И только на исходе вторых суток дотянула она глубокой ночью свой воз до знакомого лесного оврага, где коротали ночь односельчанки и чужие женщины, призванные выполнять план лесозаготовок, обременительней которых была, может, только окопная мужская работа.

И вот стоит она перед директором леспромхоза, у которого одна рука настоящая, живая, другая — протезная, в кожаной перчатке, и который роняет жесткое слово «проворонила». И ему некогда слушать сбивчивые объяснения своего нарочного. Да и она не станет ему рассказывать, как проворонила. Она молчит, и однорукый человек, устав слушать ее молчание, произносит:

— Даю неделю сроку... Не найдешь лошадь, корову конфискуем... Корова есть?

— Есть, — одними губами подтверждает она и выходит из кабинета леспромхозовского директора, благодаря судьбу, что имеет корову, что имеет недельную отсрочку, а то бы страшно подумать... тюрьма...

Она не сразу вошла и к себе в дом, хотя не была три дня, а сначала заглянула в сараюшку, откуда пахло коровьим теплом и сенной пылью. Корова — рыжебокая Зорька потянулась к хозяйке мордой, шершавым языком сунулась в ладонь, и не найдя в ней ничего, обидчиво отвернулась. Корова уже отдаивалась, молока давала «с литру», но его хватало Саньке с Любкой — довоенной поросли ее, которые, конечно же, заждались мать, заждались гостинца из города и которые, слава Богу, на попечении свекрови — костистой и печальной старухи, получившей с начала войны две похоронки: на старшего и младшего сына. Среднего сына, мужа Маруси — Егора война пока не тронула, но старухе снились страшные сны, от которых она кричала по ночам и слепла. А может, не от снов слепла, от горя, и Маруся решила не пугать свекровь сообщением о пропаже лошади. «Скажу, что в город сызнова посылают, а там — видно будет».

— Маманя, мне завтра с утра обратно в город, — только и сказала с порога.

— Раз начальство посылает, куда денешься, — не стала возражать свекровь. — Ты садись, щец покушай, пока ребятенки-то спят.

Весна в тот год выдалась ранняя, но санная дорога, по которой она держала путь в городишко, за ночь подмерзла, и лишь кое-где в ложбинках ноги нащупывали неверный ледок. Ни по сторонам, ни впереди не виднелось огонька, но светили звезды с морозного неба, они словно перепархивали в просветах хвойного бора, когда сосны отступали от дороги, открывался Большой Ковш, ручкой указуя направление к городу.

Прошлой ночью, когда она тащила по темному бору сани, ей не было страшно, ей некогда было бояться, тогда безмерная усталость заслонила все остальное. Сейчас же затемненный, подступавший к санной колее подлесок, каждое дерево таило опасность, внушало страх: лесным ли зверем, дезертиром, другими ли темными людьми, появившимися, по слухам, в здешних борах, нечистой ли силой. Она все шла и шла, творила про себя сон Богородицы — молитву, запавшую в памяти с детских лет и словно сгодившуюся для дня сегодняшнего: «И кто сон этот будет знать и три раза в день читать, будет спасен и помилован в поле и дома, в пути и дороге. И даст ему Господь всякой радости и благодати».

Многие слова забылись, вылетели из головы, и она не умела определить, где слова молитвы, где придуманные ею, и уже начинался рассвет, впереди над лесом обозначилась белесая полоска. «Шла мать Мария из города Иерусалима, шла — приустила, легла — приуснула и увидела сон чуден и страшен». Сорвался с сосны глухарь, а может, какая другая птица, сронил с веток ком снега, умчался, заполошно хлопая, в глубину бора.

К полудню и без того некрикливый базар пошел и вовсе на убыль, редел торговый ряд, распались кучки людей, а она, стоя на булыжной улочке, откуда вытекал базар, все всматривалась: не появится ли ее карий?

Окликнули ее неожиданно. А когда она оглянулась, узнала в подходившем к ней человеке плешивого милиционера, с которым она так споро рассчиталась три дня назад.

— Ну, что, не отыскала конягу? — только и спросил.

Она помотала головой.

— Плохи твои дела, — заговорил милиционер. — У нас из депа паровоз угнали, сыскать не можем. — Он, вероятно, забыл, что уже рассказывал ей про паровоз. — Но пользовался я слухом, что в Верх-Угренево обнаружился пришлый конь...

— Карий с белыми бабками?.. — перебила она вопросом.

— Вот про это ничего не известно, — ответил милиционер.

Она забыла поблагодарить милиционера, а, спохватившись поблагодарить, обнаружила, что его нигде нет, что она даже не успела узнать, в какой стороне это Верх-Угренево.

Ей указали выход на Угреневскую дорогу, и она, пожевав купленный на углу холодный базарный пирог, пройдя лабиринтом улочек, стала снова удаляться от города, посчитав в уме, что тридцать верст ей по силам: за оставшиеся полдня да два-три часа вечерних сможет добраться до недалекого теперь уж села. Дорога тянулась бором, наверное, Угреневским бором чужим, а оттого неприветливым. Все чаще к дороге вплотную подступали овраги, заросшие дубодерником, откуда уже подступала темнота. Болезнь, как будто отступившая с утра, снова давала себя знать ознобом и плывущей перед глазами паутиной. А может, была это вовсе не болезнь, а смертельная усталость.

Но в тот день ей повезло. Когда дорога выбралась из бора, запетляла пологими увалами, ее догнала лошаденка, запряженная в розвальни. Она отступила в снег, пропускская обгонявших, но розвальни остановились. Тщедушный мужичонка в облезлом треухе махнул рукавицей, приглашая в сани.

Мужичонка попался из тех, кто, видать, мыкнул на своем веку, и не пускался в понапрасные разговоры: «зачем?», «куда» да «откуда», знал, вероятно, не от хорошей жизни пускается человек в дальнюю дорогу пешком, нужда гонит кого от родного порога, кого, наоборот, к родному очагу. Он все подремывал себе, и внучка его уснула, прислонившись к неожиданной попутчице и во сне отдавая ей частичку тепла.

И уж которую ночь ночевала она в чужой избе, чутко вслушиваясь в тишину, прерываемую людским ли бормотанием, шуршанием ли мышей, вздохами ли домового. Утром она снова протянула деньги за ночлег, но денег снова не взяли, сказав: «Чего на них купишь-то на деньги в нынешние-то времена. Вот если б кусок мыла или катушку ниток... Да ты сиди, девка, куда в этакую-то рань?..»

Из переднего угла с божницы на нее смотрел суровый лик какого-то святого, и она вдруг решила рассказать о своей пропаже, о несгибаемости однорукого директора, о недельной отсрочке на увод коровы.

— Слышал я, есть у нас пришлый конь, а вот какой он масти — врать не буду, — сообщил хозяин, который в белой домотканой рубахе и без заячьего треуха походил на святого. — Наш-то председатель — трусоват. Ты его на арапа и бери. Если твой конь — отдаст... куда ему деваться, да милицией припугни, раз милиционер знакомый в городе...

Милицией пугать не пришлось. Разговор с колхозным председателем был коротким.

— А пачпорт при тебе? — спросил председатель, выслушав ее претензию.

— А у тебя колхозники при паспортах? — в свою очередь спросила она председателя.

— Да не о твоём пачпорте речь держу. Пачпорт на конягу при тебе, спрашиваю?..

Краем уха она слыхала, что на всех лошадей оформляются бумаги, где указывается кличка и масть, возраст и особые приметы, высота в холке, и прочая, и она твердо ответила:

— А как же без паспорта!

Они шли с председателем мимо завозни, мимо амбарушек и сараюшек, мимо изб с дымящимися трубами. Дорога привела их к конюшне, где во дворике уже выводили лошадей. Часть колхозного табуна подбирала остатки соломы, заданной с вечера, а отдельно темнел ее карий с белыми, как в носочках, бабками.

— Карька, Каренька!.. — позвала она обмершими губами. — Миленький ты мой...

Конь прынул ушами, вытянул морду в ее сторону и, словно боясь ошибиться, осторожно заржал.

НА БОЛОТЕ ВО МОХУ..

С утра мост через речку Укосную самое оживленное место: мчатся, погромыхивая ветхим деревянным настилом, «жигулята», «москвичи», «уралы», «ижи», другая техника. А чуть позже, к выходу бригадного автобуса собирается народ «безлошадный», скрюченный да горбатый от лет и бед прожитых, но настырный, все еще старающийся держаться за коровенку. Как моя тетка Агаша. И разговоры ведут скрюченные и неспешные. Да и куда спешить...

— Не угостишь, сосед, табачком?..

— Сам не курю и тебе не советую. Мой тятка еще говаривал, чем коптить душу, лучше ее прополоскать. И уж полоскал, покойный, через день да кажин день... Никак у тебя литовка новая?..

— Зять из городу привез...

— Я и гляжу, что новая. Вот, дожились, и литовки в городе нам покупают... А чего они в литовках понимают? Литовку надо выбирать со смыслом... по звону или по волосу...

— По звону надежней... Травишка-то как?..

— Ни к черту травишка, вся выгорела!..

— А у нас только и косить...

Подходит еще один, притормаживает около мужиков.

— Ты что ж, Ефим, без оружия?..

— А у меня удочки на берегу спрятаны...

— Да кто ж в покос удит?..

— Вот и удю... Пусть ей клоп полевой сено косит...

— Да на кого разгневался?..

— Ясно дело, на кого. На бабу.. Я из больницы выписался, а она быка в заготскот сдала и деньги — на книжку. Спрашиваю: «На сколько сдала» — «На сколь сдала, на столь и сдала, — отвечает. — Не твое собачье дело...» Что ж получается: косить, копнить, метать — мое дело, скотину сдавать — ее. Вот и пусть клоп полевой ей сено готовит, я ныне так решаю...

У женщин свои разговоры.

— Ведра-то стоит, ведра...

— Вот грибков и не будет!..

— Да, сказывают, уж появились...

— В сушь-то этакую?..

— Да бросьте вы спорить, бабы. Какие уж грибы, если мужики совсем с кругу сбились... Вон Ефимушка рыбалить собрался... Я утром мимо их дома иду, а он литовку ка-а-ак об дорожку звезданет...

— Ефим звезданет, взяла тоже моду.. А вон и андатеры пылят...

— Анадатеры! — поправляет моя тетка. Так на нашей улице прозывают «арендаторов».

Подкатывают «анадатеры» на «Беларуси» с тележкой: парни рослые. Жилистые, арматуристые. Братья Волковы — «Волки» по-уличному. Останавливаются прямо на мосту, и старший, рыжий Федор, свешивается с тележки:

— Такси подано... Залезай, кому жить надоело...

У моста мнутя: отчаянные ребята, да и тележка какая-то косенькая — недолго вывалиться.

— Ну, что ж, тетя Агаша, давай к нам, — подбадривает мою тетку Федор.

Тетка посматривает на меня и вдруг решительно схватывается за борт косенькой тележки, и тут же пять-шесть рук подхватывают ее на воздух — только резиновая обувь мелькнула.

— Убьете, родимые! — притворно голосит тетка.

— Нам не впервой! — успокаивает кто-то из братьев.

В тележке — крепкий запах лугового сена, того самого запаха, который преследует меня с детства. Мне было лет шесть, когда я заболел и пролежал в постели целых полгода. Впер-

вые после болезни мне разрешили выйти на улицу зимой. Узкие тоннели в сугробах разбегались лучиками к колодцу-журавлю, к баньке, к сараюшке с копешкой сена вместо крыши. Эта сараюшка была для меня до болезни и наблюдательным пунктом, и парашютной вышкой, и крепостью, и местом засады. Но была она еще и надежным тайником, где у меня хранились рыболовные снасти, самодельный нож с деревянной ручкой, затвор от старой берданки и другие ребячьи богатства. И, конечно, я решил проверить, все ли на месте, не побывал ли в тайнике чужак.

Кое-как я добрался до сараюшки, и в голову мне ударил дурманящий запах сена, словно я попал из зимы в знойный полдень на луг. Тогда я выдернул пук сена и стал разбирать его, рассматривая и сортируя каждую травинку. Тогда я не предполагал о существовании гербариев, но какой богатейший гербарий мог бы получиться из нашей копешки: пырей и лопушок, повитель и хвощинка, побуревшая ромашка и не растерявший своей синьки колокольчик, осиновый листочек и кисточка высохших ягод, в которой я признал костяничку. В копешке были травинки — колоски, стрелки, зонтики, трубки, вьюнки. Здесь были листочки, схожие с лопаточками и хвостиками, серпочками и ушами, метелками и лапками, листочки округлые и узорчатые, гладкие и колючие, шелковистые и шершавые на ощупь. Здесь было собрано все наше луговое разнотравье, и, повторяю, среди зимы я попал в полдень лугового лета. Этот запах преследовал меня...

Дурманяще пахнет сухим сеном тракторная тележка.

— Пряма как в огороде! — Тетка словно угадывает мои мысли.

— Почему как в огороде? — спрашиваю я, хотя давно привык к такой несколько необычной квалификации теткинских запахов. «Как на пасеке» — значит, луг наполнен медвяным настоем. «Как в аптеке» — значит, преобладает настой валерьяны. Но почему «как в огороде»?..

— Анисом пахнет, укропом! — охотно поясняет тетка.

Пробую наугад травинку зубами, ощущаю во рту острый горчащий холодок. Верно, луговой анис.

А тетка Агаша, охая и пугаясь на каждом ухабе, уже заводит разговор с братьями:

— Опять ноне отца без сенов оставите?..

— Это мы можем, — подлаживаясь в тон тетки, соглашается рыжий Федор.

Тетка намекала на прошлогодний случай, когда братья в совхозный стог сметали и отцовские копны. А дело было так. Работая одним звеном, Волковы расчали такой зарод, что

когда подошло время вершить его, совхозное сено было сметано. Нисколько не сумняшись, братья подвезли копны с отцовского покоса, благо, он оказался рядом, и разом завершили совхозный зарод. Отец, узнав о неразумной расторопности сыновей, схватился за голову и пообещал лишить всех родительского крова. Но братья, посоветовавшись, объявили отцу, что они готовы уволиться из совхоза и уехать в тропическую Анголу, где старший из Волковых — Володька обучает африканцев механизаторскому мастерству и куда в каждом письме приглашает младших братьев. Отцу пришлось отступить перед столь дружным и неожиданным решением своих сыновей, отступить, тем более, что вскоре его вызвали в совхозную контору, где вместе с благодарностью «за воспитание младшего поколения» ему объявили о бесплатной выдаче сорока центнеров клеверного сена. Семейный инцидент, как говорится, был исчерпан. Но братья все же из совхоза вышли, отхватив в аренду хороший кус земли.

— Володька-то чо пишет? Еще не обженился на азиатке-то? — допытывается тетка.

Парни довольно хохочут:

— Ну, тетя Агаша, — говорит один из них, — какие там азиатки. Он же — в Африке. А там — африканки...

— Сама знаю, что не русские, — не дает себя поймать на слове тетка Агаша. — А что там, в Африке, с покосом управились? — Неожиданно она меняет тему разговора.

Снова Волки хохочут.

— Там и косить не надо!..

— Как это не надо косить? — строго спрашивает тетка.

И снова ей терпеливо объясняют, что в Африке круглый год лето, что скот там круглый год на подножном корму...

— Эка, куда его забросило, бедного... и покосить не дадут, — жалеет тетка старшего Волкова. — А уж он-то любил с литовочкой пройтись... Да и мне всегда копешки поддернет, — не знаю с умыслом ли, по простоте ли своей сердечной сказала тетка. И добавила: — Впрямь как родной...

— А мы что, не родные?.. Не поддернем? — Вероятно, Федора задело за живое теткино замечание. Да и вообще, как я заметил, заводился он с полуоборота. — Поддернем, Волки?

— Да у меня копешки подвезены, — пошла как бы на пятую тетка Агаша.

— Еще лучше... смечем. Так, мужики? — обратился он к братьям.

— Командуй!..

— Нам хоть Крым, хоть Нарым...

— Мы — мухой!..

— А у меня и бражки нет, чтоб угостить! — забоялась тетка.

— Бражкой мы и сами угостим, кого надо! — сказал Федор. Пронзительно свистнув, он остановил трактор, и когда из кабины высунулся еще Волков — Алешка, объяснил ему, что маршрут меняется, сначала надо завернуть на Заимку — на теткин покос.

— Ясно, — ответил Алешка, ни о чем не расспрашивая и ничему не удивляясь.

А покосный день набирал силу, солнце поднималось все выше, оставив под собой многоярусные облачные стога. За ближними кустами незнакомые мужики уже возили заготовленные с вечера копны. А дальше, где речка Укосная делает излучину, поднимались к небу стога земные. А запах!..

— Как в магазине!.. — комментирует тетка.

— Что? — переспрашиваю я.

— Запах, говорю, как в магазине. Прямо дикалоном, — уточняет тетка. — Так кашка пахнет!..

— Клевер? — уточняю.

— Нет, — разочаровывается тетка моей недогадливостью. — Цветок такой метелочкой... изжелта... Целебный цветок. Из него ... вырабатывают капсин, очень от ревматизму помогает. — Совсем она забила меня своими познаниями. — Да, сюда, надо, сюда...

Давно, вероятно, теткин покос не видел такой работы. Ее самочинное предложение — стоять на стогу, Федор отклонил с хозяйской категоричностью.

— Баба на стогу — стог созреет!..

Вызвался я.

— А не угоришь? — строго спросил.

Ох, не угореть бы. С кряканьем, с продыхом, с потрескиванием вильных черенков валяются на меня волны дурманящего сена. Валятся неудержимо, раз за разом. Как неопытный боксер на ринге, мечусь на валком своем пяточке, успеваю, а чаще не успеваю принимать все новые навильники сена. Воздух раскален и сух, пот застилает глаза, а снизу горячим смерчем взлетает если не копна, то полкопны. Сколько их осталось: шесть, пять?..

— Центр набивай поплотней, — командуют снизу.

Мелькают темные от пота тельные рубахи братьев, и не понять, который из них Федор, который — Санька, Алешка, Петро?.. С аханьем, оханьем, гиканьем ворочают они полуцентнеровыми — никак не меньше — навильниками, — успевай поворачиваться. А между ними белый платок тетки Агаши. Как она успевает в одни грабли за такой-то артелью? Пролетает по воздуху и складывается в пышный стог вели-

колепие летнего луга: кашка, из которой вырабатывается капсин, и кашка, которая клевер, мятлик луговой и камышок, лисохворост и эспарцет, тысячелистник и визиль, цветок-синяк, так любимый пчелами, и просто трава.

— Перекур! — кричит кто-то.

— Я тебе перекурю, черт конопатый! — грозит Федор.

— Так крикнем под стогом. Стогомет железный — и то крикает...

— И то правда, передохните, а я пока стог пообдергаю, — поддерживает Алешку тетя Агаша.

— Как считаешь, вершильщик? — держат со мной совет.

— Айда без перекура, — вспоминаю прибаутку, услышанную на мосту. — Чем душу копитить, лучше ее прополоскать...

Осматриваюсь со стога — не более трех копен осталось.

— Тогда верши! А то снова за отцовскими копнами ехать! — смеются снизу.

Стог слегка пружинит и пошатывается, и я замечаю, как налетевший ветерок ерошит отдельные травинки, напоминая о той давней зиме, о той перевозданной радости, которую испытал я когда-то после болезни. А снизу уже подают притуги — гибкие ветлины, которыми внахлест пытаюсь осадить стог: ветлины, связанные макушками, едва достигают половины высоты стога. Для спуска мне перебрасывают веревку — и вот уже под ногами земля. Отсюда стог кажется еще выше и круче, под стать опорам высоковольтной линии, убегающей в соседний район.

— Ладно сработали, — говорит Федор и, закуривая, отходит подальше от стога.

Закуривают и остальные братья. Лишь конопатый Алешка обхаживает стог с боков, то уминает примеченную им выпуклость, то поправляет притугу. Приплясывая и взбрыкивая, как молодой жеребенок, он оббегает вокруг стога и вдруг высоким голосом выкрикивает:

— *На болоте во мху
Уточка несется...*

— Ну-ну, — предостерегает разошедшегося брата Федор. Вероятно, песня про уточку, которая несется во мху, имеет забавное продолжение. — Ну-ну, распустил крылья-то...

— А что и распустил, — неожиданно соглашается Алешка. — Вот возьму.. и женюсь... Корову куплю... ребятишек нарожаем... пацанов семь, чтоб на одного больше, чем нас у бати... А вы мне сено косить станете... Не оставите же вы племянников без молока...

— Не оставим, если конопатые уродятся, — смеется Федор.

А тетя Агаша уже зовет с теневой стороны стога, где она разворачивает скатерть-самобранку с нехитрым покосным обедом.

ПЕТУШКИ ДА КУРОЧКИ

Изба под раскидистыми ветлами. На крылечке — старик и старуха, похожие, как брат и сестра. В углу — два батожка, отполированные от долгого употребления. Батожки на отдыхе: старик негнушными пальцами сращивает концы порванной веревки, старуха скоблит ножом молодую картошку. Рябая курица вывела из-под сеней рябенькое, явно незапланированное стариками потомство, намереваясь проникнуть в огород. Но старуха взмахивает руками, кшыкает, и наседка, сердито квохча, уводит выводок в дальний угол ограды.

— Все цыпушки-то? — спрашивает старуха.

— Все, — отвечает старик. — Семь петушков, две курочки.

— Три курочки, — поправляет старуха.

— Две...

— Да вон с белыми крапинками-то — курочка, — упорствует старуха.

— С гребнем-то? Да рази кура с гребнем бывает? — снова не соглашается старик. — С гребнем только петухи... — Он осматривает выводок. Новая мысль приходит ему в голову. — Дура-кура: все под себя гребут, она — от себя. — Старуха никак не реагирует на стариково замечание, и он продолжает: — Вот и у людей, все к себе норовят, от себя одни ... дураки!

Старуха все скоблит и скоблит картошку, затем оборачивается:

— Ты бы всех учил...

— Кого это... всех, — неожиданно обижается старик. — Мне учить некого... рази тебя... Да и тебя поздно...

Московский диктор по радио закончил передавать прогноз погоды, и бравые голоса ударили:

Родительский дом —

Начало начал —

Ты в жизни моей

Надежный причал...

— Хорошо поют! — одобрил старик и поинтересовался: — «Песняры»?

— А черт их разберет, — не поддержала разговор старуха. — Ухи-то развесил... а курчонка опять в огород прокралась... Все помидоришки порешит...

-
- Порешит... — охотно согласился старик.
 - А ты-то все сидишь... рассуливаешь...
 - А что я, куре глаза завяжу?
 - Всю жизнь так... тын бы поправил...
 - Поправлял уже... боле пасынков нет...
 - Каких пасынков? — не поняла старуха.
 - Столбов для укрепу...
 - Сруби вон ветлину, и будет тебе укреп...
 - Ветла много лет росла, чтоб ее рубили...

Ветлы просвечиваются лучами вечернего солнца, лучи светлыми пятнами падают на крыльцо, на омуток под некрутым бережком сразу же за калиткой. С ветел уже срываются первые листочки, и омуток — рябенький от продолговатых красноватых листочков.

— Она не для того росла столько лет, чтоб ее в укреп, — верно для большей убедительности повторяет старик.

Старуха всплескивает руками, вероятно, готовясь отругать старика, но скрипит калитка, и не старый еще, по всему виду, жизнерадостный человек шагнул к крыльцу.

— Вот проходил мимо. Что это, думаю, за шум, а драки нет...

— Мы свое отодрались, — сказал старик. — Да проходи... Табуретку сейчас вынесем.

Старуха молчит, язвительно не замечая пришедшего, вероятно, есть на это причина.

— Обойдемся без табуретки, — успокоил сосед, бывший учитель, которого с легкой руки его бывших учеников весь околоток за глаза называл Биномом. — Мне за скотиной бежать. Одолела скотина, спасу нет. Хоть в пастухи прописывайся. Две коровенки держим, два подтелка, да три телка нынешнего года. В итоге — семь единиц крупного рогатого скота. — Чувствовалось, сосед любит считать. — Да боров с подвинком, да свинья с поросятами. С ног сбили... Взял бы ружье и перестрелял бы всех... — Бывший учитель умело, но неискренне выругался, на что старик так же неискренне посочувствовал:

— Так перестреляй...

— Ружья не имею. — Сосед вдруг и сам поверил, что дело за ружьем. Но тут же поправился: — Нельзя скотину переводить... Мы программу выполнять должны. Нам доверено...

— Это какую еще программу? — не понимает старик.

— Продовольственную, понятно. Хорошая программа... насчет индивидуального скота которая... экономическая. Выражаясь научно, НЭП в квадрате... бином Ньютона, — ошарашивает бывший учитель старика.

— Ньютон — это дело понятное, — поддакивает старик. — А ты чем этукую прорву кормишь, если твой Тимка из совхоза выпасался да во вчермет устроился?

— Сношенька-то в совхозе осталась. Как-никак бухгалтер, — охотно пояснил бывший учитель. — А что Тимка во «Вторчермет» устроился, тоже для пользы государству. Железа не хватает, вот Тимка и дает металлолом. Тоже экономическая политика...

— Так-то оно так, — соглашается старик, не желая вступать в бессмысленные споры и повертывая разговор другой, всякому понятной стороной — покосной. — С сенами-то управились?

— Управились—не управились, копешек пяток поставили... На первой поре хватит, а там совхоз поможет. Потому как мы за программу...

— Ну, выделит совхоз две арбы, это на твою-то ферму... — наконец не соглашается старик.

— Арбы, конечно, две, — подтвердил бывший учитель, помнящий бином Ньютона. — Но нам лишь арбу к стогу подпятить...

— Подпятишь арбу, кинут тебе полтора навильника, — встряла в разговор старуха.

— О навильниках и позабудь. Нынче — стогомет в ходу. Как накрядим с Тимкой, аж рессоры до земли провисают, — похвалился сосед. — В прошлом году на двух арбах увезли центнеров сто. Во как утоптали.

— Утапывать ты мастер. А вот что мне скажи, — начал старик, — ты сотню центнеров хапнул да другой сотню. А что же совхозу останется?

— Другого разоблачат! — уверенно сказал сосед.

— Да, другого разоблачат... — согласился старик и зачем-то проговорил словно про себя: — Вот дура-кура... А бывает и не дура... на семи сидит, девять выпарит...

— Это ты о чем? — насторожился сосед.

— Да вон... о рябенькой... выпарила цыпушек, а куда их к осени, одна морока: ни в лапшу их, ни в похлебку...

— В зиму пускай! — подсказал сосед.

— Куда в зиму, ежели семь петухов, две курочки.

— Три курочки, — снова заспорила старуха.

Сосед заинтересовался.

— Это как же получается: на семи сидела, девять выпарила?

— А, просто, — сказал старик, — по Ньютону. Ты телков на совхозном откормишь, забьешь да мясо в город. Шахтерам втридорога. А себе бухгалтер по четыре рубля в совхозе выписет. Вот и выходит по тому Ньютону.

— А ты расти мясо и продавай. У нас вон и кооперацию разрешили, — заобижался сосед.

— У меня сноха не бухгалтер. И в арбу подавать не с кем. А у самого вон пальцы скрючило.

— Это, конечно, так, — успокоился сосед. — Твой-то все сидит?

— Сидит, — сказал старик без интонации. — Сидит, посиживает. Кому, пишет, тюрьма, а мне мать родна...

— Что пишет-то?

— Картинка, пишет, снится.

— Картинка?

— Ну, вот она, на которой львов убивают...

Бывший учитель внимательно осмотрел картину, подвешенную на крыльце.

— «Эжен Делакруа. Охота на львов в Марокко», — прочитал вслух. — Дерзкий у вас парень... И картина какая-то первобытная... охотник... в красных шароварах... Такие и не носили никогда... Выбросил бы, — посоветовал сосед.

— Нам и в красных сойдет... да и Ванька пишет, чтоб не выбрасывали.

— И сами живем, как первобытные, — все наставлял бывший учитель. — Вон и песни поем... первобытные...

В соседнем доме, отгороженном от стариковой избы ветлами, давно уже пиликала гармошка, словно боясь вспугнуть тишину уходящего предосеннего дня. Но вот она попала по всей вероятности в смелые и удалые руки, заиграла плясовую:

*С сербияночкой молодка
Не садится на бревно...*

— А песня никакая не первобытная, наша песня...

— Затростил одно «наша». Слышишь, про сербиянок поют, — неожиданно заспорил сосед. — Сербы — это нация такая на Балканском полуострове проживает. Мужики у них, значит, сербы, а бабы сербиянки... Красивые бабы, вроде бы цыганок...

— Обыкновенные бабы, — не согласился старик.

— Все-то ты знаешь!..

— И знать нечего... Я весь сорок четвертый на этих самых Балкановых в партизанах провоевал... А в песне не про баб вовсе поется... Про гармошку «сербиянку». Были «ливенки», а были «сербианки».

Гармошка, словно заслушав про себя спор, замолчала. Оборвался и голос.

— Опять застопорилось... Стопорится и стопорится.

— Водкой не запаслись, а магазин не торгует, поневоле застопорится, — высказал догадку сосед. — Ну да я засиделся, коров проклятуших искать побегу.

— Вот... Нютон, — язвительно сказал ему вслед старик.

— Ты за что его лаешь? — не поняла старуха. Она давно ошкурила картошку, помыла ее и теперь, нарезаая кругляшами, направляла на сковородку.

— А то и лаю, что отца его вспомнил. Тоже добрый Нютон был. Мы с братом Михаилом в работниках у него жили. Бывало, измочалимся на покосе, а за обедом дадут кусок хлеба и скажут: «Вы, ребятюшки, идите в березнячок, там клубники красно. С клубничкой и хлеб слаже». А какая там клубника, кто ее нам насыпал? Едим хлеб всухомятку да давимся.

— Отработался Михаил-то... — сказала старуха.

— Отработался, — согласился старик. — Теперь моя очередь в могиловскую губернию. Ты вот что, мать, умру.. все можешь продать, а лепродукцию сохрани.

— Какую лепродукцию? — не поняла старуха.

— На которой на львов охотятся... Видишь, Ванька ее ногами видит... — пояснил старик.

— Скучает он, — затосковала старуха.

— Скучает, пока там. Выйдет и... завихрит.

— Может, не завихрит...

Гулянье в соседском доме налаживалось сызнова. Гармошка завелась, и диковатый голос выкрикнул:

*Эх, тетка моя, голубятница,
Наварила голубей, нынче пятница...*

— В пятницу какие голуби, — сказал старик, дослушав частушку до конца. — По ранешным временам пятница навсегда была днем постным.

— И среда постная, — добавила старуха.

— Постные дни для желудка пользительны. Вон в городских столовых разгрузочные дни завели...

— А ты вчера из города? — живо любопытствовала старуха.

— Люди говорят...

— Говорят, в Москве кур доят, — начала старуха, но вдруг спохватилась, — курчонка-то где с цыпущками? Обратнo в огороде... Мне картошку жарить, а он с веревкой... Кого призывать-то собираешься?

К огороду примыкала усадьба тетки Натальи, у которой налаживали гулянье приезжие городские племяши. Старик

видел через невысокий тын, как двое из приезжих рыскали по грядкам, собирая помидоры, прочую огородину для вечернего застолья.

— Помидоры от печени, редька от похмелья, — радостно приговаривал старший с виду племяш. — Сейчас мы помидорчики аннулируем, утром — редьку..

— Хороша закуска: хрен да капуста, — радостно откликнулся второй.

Старик стоял, слушал, думая о том, что у него и аннулировать некому, им со старухой много ли надо?

Наседки нигде на грядах не обнаружилось, вероятно, она уже увела свой выводок под сени. Старик поправил выпавшие тычинки, постоял, направился к избе.

— Загнал курчонок-то? — спросила в дверях старуха.

— Загнал!..

— Все цыпушки-то? — не унималась старуха.

— Петушка с беленькими крапинками нет, — зачем-то солгал старик.

— Курочки, — заспорила старуха. — Искать надо...

— Да съшется, куда он денется, — сказал старик.

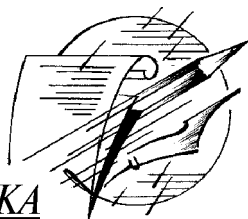
А на дворе уже закатные лучи солнца прочесывались через частый гребень тына. Тихо и смирно было на стареньком крыльце, лишь белели два батожка, отдыхая до утра.

РУССКИЙ ИДЕАЛ И КОРПОРАТИВНОЕ ГОСУДАРСТВО

Глава 5. ОТ КОРПОРАТИВНОЙ ПОРТУГАЛИИ — К НАТОВСКОЙ ГОЛЬФЛЯНДИИ

Провидец Салазар: «Европа будет корпоративной»

Судьба корпоративного «Нового государства» диктатора Салазара в Португалии после Второй мировой войны сложилась вполне благополучно. Салазар не дружил с нацистской Германией, считал её власть охлократической, властью черни, а самого Гитлера — плебеем и выскочкой. Не жаловал он и режим Муссолини, и фашистскую Италию, хотя и позаимствовал некоторые идеи из её опыта. Даже со своим соседом, испанским диктатором Франко он встретился всего три раза за несколько десятилетий, пока они были у власти в своих странах. Однако демократические страны Запада, которые несколько лет держали Испанию «в чёрном теле» и лишь затем приняли в свои ряды, в отношении режима Салазара не вводили каких-либо серьёзных санкций. Правда, как и Испания, Португалия осталась вне программы американской помощи европейским странам по плану Маршалла, но не потому, что её в

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

эту программу не приняли, а потому, что она сама отказалась от этой чести. В целом отношении мировой общественности к Португалии Салазара было гораздо более мягкое, чем к режимам Франко и Муссолини, а тем более Гитлера. И это не случайно.

Режим Салазара установился в Португалии не вследствие мятежа и гражданской войны. Ему не пришлось запрашивать иностранную вооружённую помощь. Не опирался он на массовые движения, не выковался в буре классовых битв. Салазар был призван возглавить страну её правящими кругами и пользовался, как это ни странно, поддержкой широких слоёв населения (по крайней мере, в течение четверти века). При Салазаре в Португалии не было смертной казни, ему удалось до некоторой степени соединить диктатуру с европейскими понятиями о правах человека. Ряд авторитетных западных исследователей приходит к выводу: «Фашизм в Португалии потерпел полное поражение».

«Новое государство» Салазара в большей мере служило интересам «верхов». Однако он всё же добился известных успехов как в деле развития экономики страны, так и в повышении уровня жизни и подъёме культуры «низов».

Салазар открыто объявил своё «Новое государство» «корпоративным государством». И даже после Второй мировой войны, когда в мире стало модным связывать корпоративизм с фашизмом или даже с нацизмом, он не только не отказался от этого определения, но и гордился им. Он даже высказывал **убеждение в том, что со временем вся Западная Европа пойдёт по пути построения корпоративных государств (и оказался в этом отношении пророком)**. А воцарившуюся там парламентскую демократию он открыто называл «декадансом», упадком.

Если Гитлер презирал христианство, Муссолини в начале политической карьеры боролся с религией, а затем заключил соглашение с Ватиканом, Франко был просто верующим католиком, то Салазар одной из своих задач считал «рехристианизацию» Португалии, и Церковь была не менее прочной опорой его режима, чем армия.

Салазар пришёл к власти, когда Португалия оказалась на грани краха. Анархический республиканский строй, установившийся после свержения монархии в 1910 году, довёл её до хаоса. Государственный переворот, совершённый в 1926 году правыми силами, отдал власть в руки военных. Однако генералы, пришедшие к власти, мало смыслили в экономике и финансах, а именно эти стороны жизни страны находились в плачевном состоянии. И тут генералам подсказали:

есть очень грамотный специалист по финансам, профессор университета Салазар, к тому же очень порядочный человек правых взглядов. Салазар не стремился к власти и отказывался принять её, пока такой отказ не становился изменой его идеалам. Он согласился управлять финансами страны при условии, что его указания будут исполняться беспрекословно. Затем, в 1932 году, он стал всевластным премьер-министром и начал строить корпоративное государство, положив в основу всего **принцип единства нации**. Наёмные работники и работодатели именовались «производителями» и объединялись в корпорации, которые не вмешивались в управление предприятиями, но выступали арбитром в случае возникновения конфликтов между сторонами.

В Португалии идеи корпоративизма были восприняты как нигде положительно, потому что они опирались на глубинные народные традиции. Там в Средние века были особенно широко распространены корпорации, гильдии, братства и пр. В гильдиях ремесленников состояли и мастера, и ученики. Гильдии были не просто экономическими организациями, а образом жизни. Португальцы свои воспоминания о золотом веке страны связывали именно с корпоративным строем тогдашней жизни. А потому, когда Салазар объявил корпоративизм основой создаваемого им режима и сущностью осуществляемой им экономическо-социальной революции, в его поддержку в Лиссабоне прошла стихийная стотысячная демонстрация.

Суть строя Салазара и проводимой им политики мною разобраны были в книге «От лжекапитализма — к тоталитаризму». Но необходимо сделать несколько дополнений.

Португалия после Второй мировой войны

Послевоенный застой. После 1945 года профессор Салазар, как и следовало ожидать, был озабочен главным образом повсеместным наступлением коммунизма. Перед лицом расширения зоны коммунистического влияния и неудержимой советизации Восточной Европы он старался реализовать весь имевшийся у него потенциал сопротивления коммунизму.

С началом «холодной войны» Португалия беспрепятственно вступила в НАТО (в отличие от Испании). На базе успешного довоенного развития с начала 50-х годов XX века были взяты на вооружение новые программы экономического развития. Процессы, протекавшие в Португалии и в Испании, были во многом аналогичны — режимы, первоначально во многом напоминавшие фашистские, в ходе этих процессов

постепенно превращались в «диктатуры, ориентированные на развитие», что приносило ощутимую пользу колониям. В то же время в колониях (Анголе, Мозамбике, Португальской Гвинее и на Островах Зеленого Мыса) португальским войскам приходилось вести изнурительную «малую (контрпартизанскую) войну» против марксистских «национально-освободительных движений». Повстанцев в колониях усиленно вооружали и поддерживали Советский Союз и другие страны «социалистического лагеря» (в первую очередь — Куба и ГДР, но также и маоистский Китай). Эта война отнимала у Португалии много сил и средств. Но Салазар считал своей миссией сохранение колониальной империи и цивилизаторскую работу со стороны метрополии в колониях: «Мы верим, что существуют расы упадочнические и отсталые, и наша миссия заключается в том, чтобы приобщить их к цивилизации, вовлечь в семью человечества. Мы имеем право на колонии, эту вотчину португальцев, которые проливали свою кровь на землях пяти частей света».

Ещё в 1930 году Салазар укрепил вертикаль власти, издав «Колониальный акт», по которому все заморские территории были лишены самоуправления, а губернаторы поставлены в полную зависимость от центрального правительства.

Позиция Салазара по колониальному вопросу сначала получила широкую поддержку в обществе. Ведь Португалия — это страна гордых аристократов и отважных мореплавателей, создавших когда-то великую империю. Не только в среде элиты, но и в народе не угасала идея восстановления величия страны и расцвета её империи. Кирилл Новиков в статье, напечатанной в журнале «Коммерсант-Деньги» (13.09.2006), напомнил, как одна из официальных газет, например, писала, что, пока другие империи «находятся в процессе саморазрушения», Португалия вот-вот займет подобающее место под солнцем: «Нам будет принадлежать руководство новым миром, возможно, очень близким по своей структуре к той империи... о которой мечтали наши предки».

Одно время правительством Португалии была взята на вооружение геополитическая доктрина «лузо-тропиканства», согласно которой на португальцев (или, по древнему названию, лузитанцев) возложена особая мировая миссия, и вместе с бразильцами они составляют ядро особой цивилизации, характеризующейся отказом от индивидуализма, капиталистического стяжательства и расизма, а также наличием высокой христианской духовности. Салазар задумал грандиозный стратегический союз с Бразилией. Диктатору удалось найти общий язык с бразильским президентом Жоао

Кафе Фильо, и в 1955 году был подписан договор о дружбе, имеющий целью создание в будущем «лузо-бразильского сообщества». Предполагалось, что Бразилия получит доступ в португальские колонии, а Португалия — к неограниченным человеческим и природным ресурсам южноамериканского гиганта. Казалось, до возрождения португальского могущества было рукой подать. Ниже будет показано, почему эти планы (конечно, утопические) не сбылись.

Новые времена — новая политика

Уже в первые послевоенные годы казавшееся незыблемым положение премьера стало шатким, и Салазар даже пообещал провести свободные выборы и уйти в отставку. В отставку он, разумеется, не ушел, а выборы провел через два месяца после обещания, так что ни одна партия не смогла составить конкуренцию Национальному союзу. Через несколько лет общество остыло, и в стране воцарилась прежняя атмосфера застоя.

С 1945 года Португалия вдруг стала именоваться «органической демократией», в которой не было места плюрализму. Впрочем, не только плюрализм оставался под запретом. До конца своих дней Салазар был убежден во вредности всеобщего избирательного права. Он не собирался ничего менять в своем режиме.

В 1945 году нейтральная Португалия была в более выгодном положении, чем разрушенная Западная Европа. Это был шанс для Португалии наверстать упущенное в своём развитии, но этого не случилось. К 1950 году валовой национальный продукт Португалии вырос по сравнению с предвоенным 1938 годом на 31 процент, а во Франции — на 45 процентов. Но можно ли винить в этом Салазара, и сравнимы ли были тогда производственные потенциалы Португалии и Франции?

Салазар с его глубоким консерватизмом испытывал настоящий страх перед социальными последствиями быстрого промышленного развития. Как уже отмечалось, когда ему доложили об открытии нефтяного месторождения в Анголе, он возмущенно воскликнул: «Этого нам еще не хватало!» Но это не было его чудачеством: диктатор знал, что на новые месторождения нефти в мире найдётся немало охотников, и Португалии вряд ли дадут пользоваться новыми богатствами её колоний.

В 1955 году были построены целлюлозная фабрика и сахарорафинадный завод. План предусматривал индустриальный

рост — 8 процентов ежегодно. Но план не был выполнен в сельском хозяйстве.

Несмотря на известные успехи в экономике, Португалия и в начале 60-х годов всё же оставалась самой бедной страной в Европе. Предпринимательство Португалии развивалось в условиях бросовых цен на сырьё из колоний, строгого протекционизма внутриимперского рынка, подавления конкуренции, то есть всё противодействовало возникновению среднего класса. Страной правил диктатор при поддержке благодарных ему крупных монополистов. Салазар, отвергая свободную конкуренцию, поощрял возникновение олигархического капитала.

Результатом салазаризма был жуткий контраст между малочисленной группой богатых и абсолютным большинством населения, жившим в нищете. На душу населения доход в Португалии в 1960 году составил 162 доллара — самый низкий уровень в Европе, тогда как в США он исчислялся в 1453 доллара. В Британии он был в 5 раз больше, чем в Португалии, но в 1961 году пять самых богатых людей Португалии были существенно богаче, чем пять самых богатых британцев. В Португалии в это время 55 процентов прибыли доставалось владельцам капитала, а 45 процентов — людям труда, в промышленно же развитых странах 30 процентов — первым и 70 процентов — вторым. В результате в 1960 году детская смертность в Португалии была самой высокой в Европе (88,6 на 1 тысячу рождённых детей), самая высокая смертность от туберкулеза (51 умерший на 1 тысячу жителей в 1962 году), который относится к социальным болезням. Первый министр здравоохранения появился в Португалии лишь в 1958 году.

Второй шестилетний план (1959—1964 годы) был направлен на индустриализацию и привлёк 25 процентов капиталов из-за границы, обеспечив такие же темпы роста, как и в предыдущие 6 лет. Третий план (1965—1967 годы) был коротким и направленным на увеличение экспорта, а четвертый (1968—1973 годы) опять был нацелен на индустриализацию.

Только в 1965 году Салазар издал декрет, разрешавший иностранные капиталовложения в португальскую экономику, иностранные инвестиции выросли с 1,5 процентов в 1960 году до 27 процентов в 1970-м. Перелом наступил после того, как в колониях начались войны за освобождение, и потребовались новые ресурсы для армии, при этом часть прежних колониальных поставок прекратилась. Причиной интереса иностранных инвесторов стала низкая стоимость рабочей силы в Португалии.

К 1972 году немецкий капитал стал главным инвестором, в отличие от начала века, когда лидировали англичане. За 12 лет Германия увеличила инвестиции в 24 раза. Этому способствовали существовавшие двусторонние связи: например, португальские рабочие отправлялись в Германию на работу, а немцы — в Португалию на отдых. Влияли на инвестирование в португальскую промышленность и политические причины, например, база военно-воздушных сил в Бежа использовалась для тренировок Люфтваффе.

Бельгия, Франция, Швеция, Нидерланды и Швейцария инвестировали в португальскую промышленность традиционно. А с 70-х годов стали поступать капиталы из Японии, Канады и США.

Говоря об экономических успехах режима, нельзя забывать о том, что у этого процветания была и другая сторона — салазаровские корпорации действовали вопреки идеалам «Нового государства». Уже в 1943 году одна из правительственных газет била тревогу: «Продовольственные товары исчезают именно тогда, когда ими начинают заниматься «органы экономической координации»... Надо наконец доказать на практике, что корпоративные организации существуют не для того, чтобы мешать людям жить».

Страну поразила коррупция, и самым выгодным средством обогащения становилась близость к власти. Наибольшего успеха в годы войны добивались корпорации, возглавляемые людьми, близкими к министрам (сам Салазар был человеком неподкупной честности и коррупции не подвержен). Внезапно нахлынувшее богатство быстро развратило режим и подорвало веру населения в своего лидера. Но Салазар сумел удержать власть.

Последние годы правления Салазара были именно годами застоя. Это не удивительно. Некоторые руководители «Нового государства» открыто заявляли о благе безграмотности для бедных, считая, что умение читать заразит низшие слои вредными литературными идеями. По их мнению, всё, что должен был знать простой человек, — это три главных достижения Португалии: Реконкисту, Великие географические открытия и восстановление независимости в 1640 году. Но ещё большее значение, чем сохранению безграмотности, придавалось религиозному обучению детей, которое должно было способствовать восприятию идейных основ режима. Это было и убеждением самого Салазара, которого он придерживался всю жизнь, несмотря на более поздние заявления в пользу образования. Следствием такой позиции диктатора была 40-процентная безграмотность населения в 1950 году (сократившаяся до 15-про-

центной в 1970-м). И хотя с 1960 года в круг властвующей элиты вошли технократы, осуществлявшие перестройку экономики страны на более либеральных началах, это мало изменило картину. К тому же в Португалии сохранилась частная собственность на средства производства, хотя отчасти и ограниченная государственным регулированием.

Говорят, что Салазар виновен в стагнации Португалии в послевоенные годы. Он был не только антикоммунистом, но и чрезвычайно узким доктринером. Для него имена Кейнса или Гэлбрейта были не более приемлемы, чем Маркса и Ленина. Он не пустил на финансирование экономического развития страны накопленные за время Второй мировой войны золотые запасы (433 миллиона долларов США в конце войны вместо 93 миллионов в её начале). Португалия к концу войны не имела долгов и сохранила колонии. У Салазара была навязчивая идея экономического развития внутри Португальской империи, что сужало рынок, приводило к самоизоляции. В конце своего правления он заявил: «Мы одиноки, но горды в своем одиночестве». Но, может быть, он поступал так не из своего доктринёрства, а потому, что знал, какими угрозами для независимости страны чревато вхождение её в мировой рынок?

Политолог Федор Лукьянов, отмечая печальный финал деятельности Салазара, всё же напоминал, что ведь в конце 20-х годов он, талантливый экономист, спас страну от хозяйственного коллапса («Газета.ru», 16.07.2004). Возможно, Салазар продолжал бы свой курс на сохранение сложившихся в Португалии общественных отношений, но изменились условия в стране и в мире.

Начало конца колониальной империи

Наступил кризис и колониальной политики Салазара. Сильный удар по его режиму нанесло возникновение национально-освободительного движения сначала в Анголе, а затем и в других заморских частях империи, покончившее с мифом о «единстве» Португалии и её колоний.

Первые удары по португальскому великодержавию были нанесены в 1960 году, когда президентом США был избран Джон Кеннеди, слывший принципиальным антиколониалистом, а в Бразилии пришел к власти Жуселину Куличек, который считал «лузо-бразильский» союз утопией. «Тропиканский» проект пошел насмарку, и стареющему А.Салазару оставалось ворчать: «Меня обвиняют в том, что я проиграл выборы в Соединенных Штатах и в Бразилии».

Чем сильнее становилась международная изоляция, которую устроили Португалии из-за ее упорного нежелания предоставить независимость колониям, тем активнее вели себя оппозиционеры внутри страны.

А в Анголе началась кровопролитная война между сторонниками независимости и португальской армией. На первых порах она была достаточно популярна в Португалии, и правительственная пресса с успехом призывала «давить шакалов». Власти демонстрировали публике пленных наёмников, говоривших только по-французски, сообщали, что порядок почти восстановлен, что боевики «выдавлены» на территорию Конго, что их осталось не больше 5—6 тысяч, но война всё не кончалась и количество гробов из Анголы не уменьшалось.

Желая успокоить аборигенов, правительство принялось закачивать деньги в ангольскую экономику. В джунглях строились асфальтовые дороги, электростанции, осушались болота, но добиться мира никак не получалось. Мировое сообщество при этом было явно не на стороне Португалии: ангольские алмазы и железо интересовали слишком многих. Когда же в 1967 году в Анголе нашли нефть, шансы удержать под контролем столь лакомый кусок стали еще меньше.

Режим Салазара попал в список одиозных диктатур, а идеи Нового государства находили всё меньше сторонников. К тому же устойчивое экономическое развитие, которое Салазар обеспечил стране, перестало устраивать португальцев, успевших познакомиться с транзисторами, телевидением и другими прелестями цивилизации. Все большее число жителей Нового государства мечтало об интеграции в общий рынок, а Салазар продолжал настаивать на уникальности португальского пути.

В 1961 году из колониальной империи вышли Гоа, Даман и Диу. Вспыхнула революция в Анголе, за которой вскоре последовали Гвинея-Бисау и Мозамбик.

В 1968 году у Салазара случился инсульт, и в 1970 году он скончался. Созданный им режим продержался ещё четыре года.

Революция и салазаризм

Созданное Салазаром португальское «Новое государство» в 1974 году было сметено военным путчем. Для того чтобы рухнул режим, просуществовавший в Португалии полвека, понадобился всего один день. Организаторы переворота выбрали 25 апреля — днем Икс. И 25 апреля с военной базы,

расположенной в 80 км от Лиссабона, вышли восемь бронемашин и десять грузовиков с пехотой и двинулись на столицу. Восставшие практически не встретили сопротивления. Так офицеры, входившие в Движение вооружённых сил (ДВС), осуществили военный переворот и свергли режим Каэтану (преемника Салазара). Жители Лиссабона встречали победоносных путчистов цветами, и переворот вошел в историю как **«революция гвоздик»**.

Когда смотришь документальные фильмы об этом событии и читаешь впечатления его участников и свидетелей, невольно вспоминается атмосфера Февраля 1917 года в Петрограде. Улицы Лиссабона были переполнены народом, и это был настоящий праздник. Бронемшины ДВС тонули в восторженных толпах. Тысячи школьников маршировали по центру города и скандировали: «Долой фашизм!» Красные гвоздики, ставшие символом произошедшей революции, были повсюду: и в руках людей, и в дулах винтовок. Это была «счастливая революция», «революция цветов».

Как и тогда в России, теперь в Португалии встречали возвращающихся из эмиграции лидеров политических партий. Через три дня после переворота вернулся на родину лидер социалистов Мариу Суариш. Несколько позднее приехал лидер коммунистов Альваро Куньял.

В России власть царя сменилась властью Временного правительства, которое предоставило россиянам невиданные демократические свободы. В его состав вошёл (страшно сказать) социалист (эсер) Александр Керенский. И в Португалии образовалась хунта, возглавляемая генералом Антониу ди Спинолой. Она восстановила демократические свободы. 15 мая было сформировано временное правительство во главе со Спинолой. Пытаясь сбить революционную температуру, ди Спинола под давлением событий привлек в правительство представителей социалистической и коммунистической партий. Социалисты были популярны среди «белых воротничков», профессионалов и интеллигенции. Компартия занимала лидирующие позиции в профсоюзах, пользуясь поддержкой индустриальных рабочих. Вторая широкая база её массовой поддержки находилась на юге, среди сельскохозяйственных рабочих.

Начались неизбежные столкновения и конфликты между этими партиями и Движением Вооружённых Сил.

Капиталисты, потеряв контроль над властью, с ужасом следили за событиями в стране. Запад испытал реальный шок, когда в правительстве Португалии оказались коммунисты. Они чувствовали печёнку — коготок увяз, всей птичке про-

пасть и дело идет к новому «коммунистическому государству» на самом западе Европы. Но что они могли сделать? Слишком мало времени и пространства для маневра было в их распоряжении. Мировая буржуазия была парализована «вьетнамским синдромом» только что закончившейся войны и столбняком мирового экономического кризиса. А динамика революции сводила в полный нуль базу реакции в самой Португалии.

Спинола был не только военным, но и бизнесменом и очень богатым человеком. Видимо, поэтому он противился планам ДВС предоставить колониям независимость и осуществить радикальные реформы. На этой почве разгорелся конфликт между Спинолой и левыми офицерами, который в воспоминаниях одного российского аналитика выглядел следующим образом.

Преобразования, начатые после революции, к осени того же года стали вызывать неприятие в различных кругах португальского общества. Часть офицерского корпуса, правые политические партии, финансово-промышленные круги были обеспокоены усиливавшейся ориентацией на социализм левого крыла армии во главе с премьер-министром Вашку Гонсалвишем, падением престижа армии и утратой колоний в Африке, откуда изгонялись белые колонисты. Усиливавшаяся нестабильность вызывала недовольство в обществе, привыкшем к жесткой стабильности при свергнутом «корпоративном» режиме Каэтану. В стране, параллельно с левой агитацией, развернулась полустихийная антикоммунистическая кампания. Кавалерийские (бронетанковые) полки и специальные подразделения десантников оказались полностью на стороне президента и не всегда выполняли приказы руководства ДВС. По провинции прокатилась волна праворадикального насилия — погромам и поджогам подверглись штаб-квартиры компартии. 7 августа 9 влиятельных членов ДВС выступили против дальнейшей радикализации революции: «С каждым днем растет пропасть между находящейся в явном меньшинстве социальной группой, у которой есть свой революционный замысел, и практически всей остальной страной, резко реагирующей на те изменения, которые известный «революционный авангард» решил ей навязать без учета сложной исторической, социальной и культурной реальности португальского народа».

Президент ди Спинола считал, что необходимо приостановить процесс деколонизации, преобразовать африканские повстанческие организации в полноценные политические партии и образовать с колониями федерацию, сохранив, та-

ким образом, значимое место в Европе. Будучи поклонником бывшего президента Франции генерала де Голля, Спинола настаивал на скорейшем принятии конституции, в которой была бы закреплена президентская форма правления. Его поддерживали несколько влиятельных в армии военачальников и бывших министров.

Руководители ДВС, учитывая деморализацию частей экспедиционного корпуса в Африке и нарастающие требования возвращения на родину, настаивали на скорейшем избавлении от колоний. Уходить с политической арены и передавать власть наспех избранному президенту с диктаторскими полномочиями они тоже не желали.

Сторонники президента организовали заговор, который должен был развиваться по следующему сценарию: происходит переворот, при котором правое крыло вооруженных сил берет власть в свои руки, а его хорошо вооруженные сторонники, формально не служащие в армии, начинают разгром левых партий. Установка организаторов заговора была следующая: партийных активистов нужно просто уничтожить. Но этого нельзя делать тем, кто инсценирует переворот. Для этого нужно иметь по всей стране своих людей, которые, как только начнется восстание, выташат этих парней из кроватей и ликвидируют их. В глазах общественности руки организаторов путча должны оставаться чистыми.

10 сентября ди Спинола выступил с речью, в которой решительно разъяснил свою позицию относительно политических процессов в Португалии. Он обратился к «молчаливому большинству португальского народа» с призывом «пробудиться и защитить себя от экстремистов». Но левые силы не дали «молчаливым» из северных районов страны войти в Лиссабон. **Активисты левых партий и профсоюзов на автомобилях с мегафонами разъезжали по Лиссабону, призывали к строительству баррикад и кричали «Революция в опасности!» Лиссабон был заполнен манифестантами, которые скандировали: «Да здравствует союз народа и ДВС! Смерть фашизму!»** И 30 сентября ди Спинола покинул пост президента Республики. Перед тем, как убежать в Испанию, он заявил, что теперь в стране «неизбежны кризис и хаос». Совет национального спасения назначил новым президентом начальника Генерального штаба генерала Франсиску да Кошта Гомеша. Но шаткое равновесие, не позволявшее ни одной из сторон полностью взять власть, продолжалось пять месяцев.

Сторонники социализма убеждали народ в том, что они самые ярые противники советского «нищенского социализма», что в Португалии будет всё по-другому.

Среди португальского народа, однако, тоже не было всеобщей безоговорочной поддержки движения к социализму, пусть даже с человеческого лицом. Один из советских диссидентов, ярый антисоветчик, пустил даже в обиход выражение: в Португалии «красные кхмеры».

Леворадикальные организации в этих условиях требовали разгона «Учредиловки» и создания «Правительства рабочих, солдат и матросов». Возникло солдатское движение «Объединенные солдаты победят!», которое пыталось создавать «ассамблеи делегатов подразделения» — аналог солдатских советов. Оно подняло восстание против правительства. Не поддержанное ни коммунистами, ни левыми в генералитете, оно было быстро подавлено войсками. Это выступление было использовано в качестве предлога для чистки вооруженных сил, государственного аппарата и СМИ от леворадикальных элементов.

Одержав победу над Спинолой, левое крыло ДВС не смогло удержать власть. «Коммунистическая диктатура» в этой стране не прижилась. Когда были проведены свободные выборы, большинство получила социалистическая партия во главе с Марио Соарешем. Социалистическая партия взяла курс на переход к гражданскому правлению под лозунгом «Социализму — да! Диктатуре — нет!» Под социализмом понималось социальное государство западноевропейского типа. Однако революция продолжалась. Собрания рабочих выбирали комиссии с широкими правами рабочего контроля. ДВС поддержало этот процесс и 8 июля выступило за создание «демократии нового типа», основанной на «базовых народных организациях» (выборных комиссиях жителей и предприятий), которые получают права местной власти и производственного самоуправления, объединяются в федерации и формируют Национальную народную ассамблею. Эта концепция не была поддержана Учредительным собранием, но всё же в конституцию вошли положения о рабочих комиссиях и социалистической перспективе португальского общества. Рабочий коллектив захватил даже крупную газету «Республика», близкую к СП, и она стала «открытой трибуной» левых. Левые захватили также крупную католическую радиостанцию «Радио Ренашенса». Росло их влияние в комиссиях и среди солдат. Комиссии жителей захватывали мелкие предприятия и магазины, которые переходили под контроль местного самоуправления.

Но, как считают некоторые авторы, именно духовное наследие Салазара не позволило ни революционерам 1974 года,

ни их оппонентам свергнуть страну в полный политический и экономический хаос, разрушить национальные основы жизни страны.

Кое-что недосказанное о португальской революции

На Западе с одобрением говорят о «революции гвоздик», происшедшей 25 апреля 1974 года в Лиссабоне, как об образце, по которому впоследствии развёртывались «цветные революции» во многих странах мира. Но о социальной направленности португальской революции почти нет материалов, и это не случайно.

В странах Западной Европы социалисты (или социал-демократы) пришли к власти мирным путём, через парламентские выборы, по сути, вследствие сговора с буржуазией. А португальская революция была бескровным **военным переворотом левого толка**. Нередко можно было даже прочесть, что «**прокоммунистически настроенные военные** свергли диктатуру и начали демократические реформы».

26 апреля ДВС объявило, что «хунта национального спасения» будет стоять у власти в течение года, пока не пройдут выборы и не будет сформировано временное гражданское правительство. Правящая партия, тайная полиция и другие прежние государственные структуры распускались. Провозглашалась свобода слова и объединений, свобода вероисповеданий, амнистия политзаключенным и независимость судебной власти.

ДВС не представляло собой идеологического единства. Многие португальские офицеры уже находились под влиянием марксистских идей. Одни были знакомы с трудами Мао Цзэдуна, Че Гевары и Карлоса Маригеллы (бразильского поборника городской герильи 60-х). Другие находились под влиянием социалистических идей в их сталинистском варианте. Они видели образец будущей Португалии в Восточной Европе, Кубе и Алжире. Третьи искали связи с социал-демократами.

Рабочий класс никогда не переставал бороться с системой. В стране действовали подпольные профсоюзы. Португальская коммунистическая партия (ПКП), созданная в 1921 году, сохраняла свою нелегальную организацию. Периодически вспыхивали студенческие волнения, забастовки, в том числе на предприятиях, принадлежащих иностранному капиталу. И теперь интуиция рабочего класса подсказывала ему иной путь. Подвергаясь в течение 50 лет жестким притеснениям со стороны хозяев предприятий и землевладельцев

цев, рабочие начали с того, что стали изгонять их с заводов и с земли. Рабочий класс попытался шагнуть как можно дальше в борьбе за свои права и улучшение условий существования. Начались массовые забастовки с требованием увеличения заработной платы и установления 40-часовой рабочей недели.

Под массовым давлением снизу ДВС провело ряд радикальных реформ. Первой из них было повышение минимальной заработной платы, коснувшееся 65 процентов трудящихся. Был установлен контроль над ценами и квартплатой. Также были повышены налоги на людей с высокими доходами, неиспользуемые земельные угодья (прежде всего большие землевладения на юге) и предметы роскоши. Тысячи директоров ведущих предприятий, которые были связаны со старым режимом, были уволены. В целом изменилась социальная политика государства. Была пересмотрена под углом зрения интересов низкооплачиваемых слоев населения политика в области заработной платы и цен, обеспечено участие трудящихся в управлении системой социального страхования. Все категории занятых получили право на оплаченный отпуск. Введены пособия по безработице; улучшено пенсионное обеспечение, находившееся в дореволюционной Португалии на чрезвычайно низком уровне. Яркое проявилось стремление новой власти к радикальному преобразованию социально-экономических отношений в социалистическом и государственно-монополистическом духе. Был распущен (как фашистская организация) «Португальский Легион». Цели этой военизированной государственной организации состояли в том, чтобы «защитить духовное наследие Португалии» и «бороться с коммунистической угрозой и анархизмом». (Во время Второй мировой войны «Португальский Легион» был единственной португальской государственной организацией, которая открыто приветствовала Гитлера.) «Португальский Легион» сотрудничал с политической полицией, которая была главным инструментом авторитарного режима репрессий.

В марте 1975 года группа правых офицеров попыталась совершить государственный переворот, но этот «контрпутч» провалился. **Новый орган ДВС, Революционный совет Португалии, в котором преобладали крайне левые, национализировал многие отрасли промышленности и большинство частных банков и страховых компаний (кроме иностранных), а также крупных землевладений.**

Аграрная реформа стала неизбежной после того, как начались стихийные захваты малоиспользуемых земель, а так-

же земель, принадлежавших владельцам, не проживавшим на земле. Власть вынуждена была принять закон об экспроприации земель. Большая часть земель сменила владельцев.

Большие земельные участки не дробились, а использовались для эксплуатации целиком. Были созданы два типа новых производственных единиц: крупные капиталистические хозяйства и союзы коллективного производства, причем последние были крупнее. Социалисты поддерживали первые, а коммунисты — вторые.

Правительство создало в главных городах центры поддержки аграрной реформы, а также органы, которые выдавали ссуды под малый процент. Вовлечение земель в производство дало увеличение производства. Была предоставлена работа большому количеству рабочих. Но многие хозяйства были нерентабельными, поэтому экономический и социальный аспекты реформы были не уравновешены.

На севере страны правительство способствовало концентрации земель. Раздробленность земельных владений там оставалась, почти половина участков имели площадь менее 1 га. Были учреждены кредиты для поощрения объединений отдельных владельцев в кооперативы, основывавшиеся на двух принципах: уважения к частной собственности и добровольности вхождения в кооператив. В целом эта политика встретила молчаливую оппозицию крестьян, считавших все это обманом.

Крестьянская среда Португалии очень консервативна, что проявилось не только на примерах кооперирования крестьянских хозяйств. В Португалии до сих пор существует немало сельских общин, возникших издревле как переходная форма от примитивных обществ, где собственность только общая, к индивидуальной собственности, которую можно наследовать и продавать. Такие сельские общины имеют в коллективной собственности горные пастбища, лесные угодья, пахотные земли, луга, воды, скот (прежде всего самцов-производителей), мельницы, печи, кузницы, сельскохозяйственный инвентарь, общественные здания. Управляются сельские общины советами, избираемыми на собраниях общин. Ныне многие сельские общины выглядят как пережитки прошлого, но все попытки покончить с этими формами хозяйствования встречают ожесточенное сопротивление крестьян. То есть, в Португалии долго не удавалось осуществить программу удушения общины, которую в России проводил в жизнь Столыпин.

На юге закон устанавливал пределы приватизации земель: 50 га орошаемых земель и 500 га богарных (влажных). По-

степенно большая часть экспроприированных земель была возвращена старым владельцам. Передел собственности иногда вызывал кровавые побоища.

Ситуация в сельском хозяйстве ухудшилась. Производство зерна сократилось в 1,5 раза, а риса — вдвое. В 1980-е годы Португалия импортировала 75% потреблявшихся зерновых.

Правительство усилило помощь сельскому хозяйству: было введено страхование урожаев, разблокированы кредиты для возвращения собственности мелким владельцам. Правительство выдвинуло большой план помощи сельскому хозяйству, значительные средства были направлены на обучение и ликвидацию безграмотности сельскохозяйственных рабочих. Однако всемирный кризис сельского хозяйства привел к тому, что в целом шёл процесс сокращения сельскохозяйственного производства и уничтожения целых отраслей сельского хозяйства. Поощрялось выведение эвкалиптов как сырья для целлюлозно-бумажной промышленности, что вело к полному истощению почв в силу биологических особенностей эвкалиптового дерева. К тому же из евросубсидий много средств уходило не по назначению вследствие коррупции.

Национализация промышленности в основном проводилась в 1975 и 1976 г. Но она встречала противодействие не только внутри Португалии. Начался международный бойкот страны. И рентабельность предприятий была нулевой. Развитие шло медленно или вовсе останавливалось. Декрет от 5 марта 1977 г. снизил долю национализированных предприятий с 75 до 40% и стимулировал развитие частного предпринимательства.

Как видим, в Португалии после революции были осуществлены меры, направленные на улучшение состояния экономики страны, повышение жизненного уровня трудящихся, ослабление господства иностранных и национальных монополий. Ни в одной из остальных стран Западной Европы таких глубоких преобразований социалистической направленности не проводилось. Подобно «отсталой» России 1917 года, «отсталая» Португалия показала пример того, что надо делать для подлинной социализации общества. Португалию ждала стремительная демократизация, чуть не обернувшаяся советизацией. Продолжения этого направления развития Запад и его португальские прислужники допустить не могли.

В ноябре 1975 г. военные офицеры левой ориентации совершили неудачную попытку государственного переворота.

После этого правое правительство провело чистку в армии, и ДВС утратило всякое влияние. Как видим, в Португалии не просто развернулась острая борьба вокруг выбора пути дальнейшего развития страны, а **фактически полтора года после «революции гвоздик» шла необъявленная гражданская война** с серией переворотов и контрпереворотов и массовыми забастовками и демонстрациями как сторонников, так и противников левых сил. Начальный двухлетний переходный период сопровождался политической нестабильностью. За это время сменились шесть временных правительств. Социалисты в этой ситуации показали себя как предатели национальных интересов и верные слуги крупной буржуазии.

Чем же подкупили социалисты избирателей? Тем, что обещали кредиты от стран Запада. И действительно, после выборов **страны Запада предоставили Португалии кредиты, в которых отказывали во время правления прокоммунистического ДВС.** Но, конечно, решающую роль в победе реакции сыграли США. И здесь открываются интереснейшие подробности.

Оказывается, для США события в Лиссабоне стали полной неожиданностью. В Вашингтоне не на шутку встревожились перспективой появления в Европе ещё одной «коммунистической страны». Особенно пугало то, что коммунисты, занимавшие посты в кабинете, смогут получить доступ к кухне и секретам НАТО, одним из членов-основателей которого была Португалия. Да и премьер-министром стал беспартийный генерал Вашку Гонсалвеш, который, как острит госсекретарь Генри Киссинджер, не состоял в рядах компартии только потому, что не хотел платить взносы. Были восстановлены дипломатические отношения с СССР, а президент Португалии Кошта Гомиш прибыл с визитом в Москву. Но это произошло только в октябре 1975 года. Первую же свою заграничную поездку он совершил в США годом раньше. Там он встретился с президентом США Джеральдом Фордом и государственным секретарем Генри Киссинджером. Кошта Гомиш выражал им свою озабоченность тем, что зарубежная пресса изображала Португалию как коммунистическую или почти коммунистическую страну, пытался разъяснить им, что в стране существует режим «народной демократии», но «не нашел понимания».

В спешном порядке в Вашингтоне рассматривались варианты с исключением Лиссабона из Североатлантического альянса или хотя бы приостановкой его реального участия в делах организации. Вашингтон тогда настолько не доверял лиссабонским властям, что перестал посвящать португальс-

ких генералов в планы НАТО. Всерьез опасались США и за судьбу своей военно-воздушной базы на азорском острове Терсейра.

Азорский архипелаг находится посредине Атлантического океана, что удобно для переброски военных грузов из Америки и делает эту базу уникальной. Потеря стратегически важной базы стала бы для США провалом. В воображении американских генералов рисовался такой крайний сценарий, когда советский враг посредством Португалии получает доступ к базе в центре Атлантики, на полпути между Европой и Соединенными Штатами, и это могло бы вызвать нарушение баланса между двумя сверхдержавами. Ради сохранения своей военной базы американцы готовы были пойти на расчленение Португалии, для чего вступили в контакты с азорскими сепаратистами.

Положение представлялось безнадежным даже опытнейшему Генри Киссинджеру. Он считал, что Португалия уже потеряна и непременно окажется в социалистическом лагере. Перед лицом неизбежного госсекретарь предлагал превратить Лиссабон в отрицательный пример или, как он выражался, «прививку от коммунизма», и запугивать ужасами коммунистического правления население Испании, Италии и Греции, где также были сильны компартии и не исключалась возможность их прихода к власти. Ну а если понадобится, можно было бы и послать в Португалию войска в назидание другим ненадежным союзникам по НАТО. От этой затеи, грозившей испортить отношения с социал-демократическими союзниками в Европе, госсекретаря США отговорил Фрэнк Карлуччи, который работал в ту пору заместителем министра образования и здравоохранения. Этот шпион-дипломат заверил, что возможно мобилизовать в Португалии «здоровые силы» и вернуть страну в американскую орбиту. Киссинджер внезапно отозвал прежнего посла США в Португалии и назначил на этот пост Карлуччи. Он и стал главным проводником американской политики в Португалии.

Руководители ДВС знали, чем в их стране занимается Карлуччи. Они даже предлагали ему «попросить своё правительство отозвать его из Лиссабона. Но президент Кошта Гомеш, желая спасти отношения с США, поручил министру информации заявить, что Карлуччи остается *persona grata*, и его высылка не предполагается.

О деяниях Карлуччи можно прочитать в написанных им самим воспоминаниях, а также в монографии двух португальских исследователей — политолога Бернардину Гомеша

и историка Тиагу Морейра де Са «Карлуччи против Киссинджера: США и португальская революция», основанной на недавно рассекреченных документах. Это не какая-то легковесная книжонка, а почти 500-страничный труд, выходящий в солидном издательстве «Дон Кишоте». Его авторы, готовя публикацию, четыре года провели в архивах. «Действия Америки смогли внести вклад в победу демократических сил», — подчеркивают они. В монографии подробно освещаются бурные события, происходившие тогда в Португалии, с упором на роль, которую сыграл в них Вашингтон. В ней приводится и признание самого дипломата, для которого успешный опыт по изменению политического режима европейской страны в нужном Вашингтону направлении стал трамплином к дальнейшей успешной карьере в Белом доме.

Карлуччи сделал ставку на «умеренных», то есть на Социалистическую партию. Руководство социалистов во главе с будущим президентом Мариу Соарешем быстро нашло с американским послом общий язык. Как утверждается в книге, в период наивысшего противостояния, в пору так называемого «горячего лета» 1975 года, когда **реально замаячила угроза гражданской войны**, Соцпартия даже обратилась к послу с «просьбой о военной помощи». Авторы утверждают, что таковая в виде оснащения современной техникой подразделений по борьбе с беспорядками была оказана только после того, как в конце ноября обстановка разрядилась, и «коммунистическая угроза» миновала.

Именно Карлуччи сыграл тогда важнейшую роль в возвращении Португалии в лоно послушных членов НАТО. «Всё, что делало ЦРУ, было сделано под моим командованием, — отметил Фрэнк Карлуччи в приводимом в книге документе. — Любая акция, которая могла быть предпринята, была направлена на проведение политики США».

Экс-посол искренне убеждён в том, что всё, что хорошо для Америки, хорошо и для любого другого государства. Поэтому осуществление политических целей США с помощью спецслужб не считается им предосудительным. «Политика США состояла в содействии в Португалии демократическим силам, — заверил Фрэнк Карлуччи. — Сотрудники ЦРУ были частью посольской команды и делали то, что я им приказывал».

Карлуччи сумел развернуть течение португальской истории не в последнюю очередь потому, что эта страна была для него далеко не первым опытом по активному вмешательству в политические процессы зарубежных стран. Начальным полигоном для него стала работа в 1960 году в Демократичес-

кой Республике Конго, где, будучи вторым секретарём посольства США, он способствовал падению левого правительства Патриса Лумумбы. Некоторые даже обвиняют дипломата в причастности к организации жестокой расправы с конголезским лидером, что американец, естественно, всегда отрицал.

Следующие этапы дипломатической карьеры Карлуччи также говорят о его неутихающем интересе к проведению операций по изменению политической ориентации стран в желательном для США направлении. В середине 60-х годов он был в Бразилии в период, когда военная диктатура, свергнув президента-патриота Гуларта, проводила политику закручивания гаек и подавления оппозиции. А из Танзании дипломат и вовсе был выслан как персона нон-грата после того, как в Дар-эс-Саламе была предпринята попытка свержения президента Ньерере, провозгласившего целью построение в африканской стране социализма.

В Португалию Карлуччи попал, поработав в Белом доме под началом Дональда Рамсфелда (впоследствии министра обороны США). И хотя лидеры Апрельской революции призывали американского посла уехать, обвиняя его во вмешательстве во внутренние дела, тот проработал в Лиссабоне до 1977 года и покинул страну только после того, как за её дальнейший курс особых страхов в США уже не возникало.

Заслуги Карлуччи перед Америкой получили высокую оценку. По возвращении на родину он занимал посты заместителя директора ЦРУ и заместителя министра обороны, а в конце 80-х был назначен президентом Рейганом главой оборонного ведомства. Не утратил бывший дипломат интереса к деликатным поручениям и в дальнейшем, уже в нынешнем веке, контактируя, например, с чеченскими сепаратистами.

Вот какие зубы дипломатии и разведки были брошены США на подавление португальской революции.

Как выяснилось позднее, тревога американцев по поводу их военной базы была напрасной. Португальцы хорошо усвоили урок, преподанный им после Апрельской революции: США ни в чем не стоит перечить, особенно когда под вопрос поставлены военно-стратегические интересы. Впрочем, понимали это и революционеры 70-х годов. Даже в случае победы компартии базу на Азорах никто бы не тронул. Ведь база в Гуантанамо сохранилась на Кубе после прихода к власти Фиделя Кастро. И португальцы понимали: «американцы располагаются там, где хотят, а не там, где им позволяют». Обо всём этом рассказал корреспондент ИТАР-ТАСС Андрей Поляков.

К концу 1975 г. все колонии Португалии получили независимость, что ослабило экономическую базу прежней элиты.

Но в 1976 году военные провели выборы и передали власть политическим партиям. В Португалии установился либерально-демократический режим, однако ограниченный положениями конституции о строительстве в стране социализма. Когда в апреле 1976 года вступила в действие новая конституция страны, в ней национализация предприятий и экспроприация земель, проведенные в 1974—1975 годах, объявлялись необратимыми. Установился государственный строй, основанный на демократических принципах с элементами социализма.

На выборах в Ассамблею Республики социалисты получили большинство мест. В июне 1976 г. генерал Антониу Рамалью Эаниш был избран президентом, а премьер-министром стал лидер социалистов Мариу Суариш.

В 1989 году был принят ряд поправок к конституции 1976 года: в качестве цели провозглашалось построение «свободного и справедливого общества, проявляющего заботу о ближних», вместо прежней формулировки — «построение бесклассового общества». Был внесен пункт, разрешающий продажу ранее национализированных компаний, и определен новый курс реформирования сельского хозяйства. Некоторые статьи конституции были пересмотрены том же духе в 1992 году.

Но и самые ярые контрреволюционеры не смогут вытравить до конца дух Апрельской революции. Вот несколько оценок этой революции, сделанных в 2008 году:

«Португальская Революция гвоздик 25 апреля 1974 года представляет собой одно из наиболее значительных событий в новейшей революционной истории.

Речь идёт об одном из самых недавних вооружённых восстаний подобной значимости.... о единственной революции с социалистическими целевыми установками на пространстве и в истории НАТО.

В Западной Европе 25 апреля стало первой «красной» революцией — не считая кратковременных и территориально ограниченных экспериментов Парижской Коммуны и Баварской Советской Республики».

Хотя буржуазия и её социал-демократические подручные смогли остановить Революцию гвоздик и частично отменить её достижения, последствия этой революции действуют до сих пор. Вот почему у буржуазных политиков и послушных им СМИ не в почёте материалы о классовом, социальном характере португальской революции.

И всё же надежды на то, что крохотная Португалия смогла бы пойти по пути социалистической революции дальше и стать детонатором революции в мировом масштабе, вряд ли были обоснованы. Будучи окружённой странами Запада, где у власти стоят социалисты — верные прислужники буржуазии, революционная Португалия была бы, конечно, задушена. Достаточно и того, что она смогла показать миру возможность революционных преобразований, идущих гораздо дальше, чем реформы, проводившиеся социалистами в странах Запада. Да и просто сохранение духа этой революции в стране — члене ЕС имеет историческое значение.

От «Нового государства» к «Гольфляндии»

1 января 1986 г. Португалия вступила в Евросоюз, а в 2002 г. вошла в зону единой европейской валюты евро. Как члену ЕС Португалии пришлось принять и проводить единую экономическую политику. Она обещала ликвидировать все барьеры для движения как товаров, так и капитала между ней и другими членами ЕС, а также снять налоговые субсидии с государственных предприятий. В 2010 году в стране были легализованы однополые браки. В Португалии, вероятно, самые либеральные на Западе законы, регулирующие оборот запрещённых наркотиков. При этом политика становилась всё более правой. В новой конституции Португалии нет таких важнейших положений предыдущего основного закона, как национализация ключевых отраслей экономики, проведение аграрной реформы, ликвидация помещичьих латифундий, провозглашение построения социализма конечной целью развития страны. Принято решение восстановить в рядах вооружённых сил — со всеми привилегиями — тех офицеров и сержантов, которые были уволены вскоре после победы революции за попытку воспрепятствовать ей. Бывшим фашистским штурмовикам — ветеранам «Португальского Легиона» засчитывают время службы в этой военизированной правоконсервативной структуре при исчислении трудового стажа. Отныне заслугой экслегионеров считается их «вклад в защиту Родины от происков врагов, в обеспечение общественного порядка и социального мира». Назначены пенсии всем тем, кто в свое время служил в политической полиции страны времён Салазара. Вновь создана Служба безопасности новой Португалии. В информационный банк секретной полиции снова начали поступать данные о сотнях тысяч португальцев и подозрительных иностранцах. И обрабатываться полученные сведения будут уже не по старинке, а

с помощью мощных и чрезвычайно умных компьютеров. Принятый закон «О внутренней безопасности» предоставил право политической полиции прослушивать и записывать телефонные разговоры, перлюстрировать частные письма, совершать домашние обыски под предлогом необходимости борьбы с терроризмом и защиты интересов нации.

Правые открыто требуют возвращения Португалии бывших владений в Африке — «национальной территории, проданной предателями Родины». И вообще — возвращения старых порядков. Вновь поднимают голову «коричневые». «Возродим былые времена!», «Португалия превыше всего!», «Ангола снова станет нашей!» — под такими лозунгами, распевая нацистские гимны, маршируют юные неонацисты. Главный лозунг этих борцов — «Возрождение Родины».

Сдвиг вправо отмечается и среди избирателей. Даже через 10 лет после революции 1974 года, среди большинства рядовых граждан Португалии была сильна ненависть к ее основному символу — красной гвоздике. «Алые гвоздики, к счастью, уже завяли!», — говорили тогда многие. Когда десятки тысяч горожан в 1984 году в ходе выборов в парламент шли на избирательные участки, как на праздник — с красной гвоздикой в руках или в петлице, путь им преградили реакционеры. «Это агитация за кандидатов левых сил во главе с коммунистами», — заявили они. Кое-где в качестве своего главного аргумента контрреволюционеры пускали в ход кулаки. Национальная избирательная комиссия вынуждена была рекомендовать гражданам не появляться у урн с гвоздиками.

Став членом Евросоюза, Португалия получила новую специализацию. Бюрократия Союза нашла, что природные условия этой страны не вполне благоприятны для развития производства (что и говорил Салазар), зато очень подходят для того, чтобы там создавать площадки для игры в гольф. Вот и превращается она в «Гольфляндию». Едва ли не главным сектором экономики стал туризм, а это означает, что всё большее число португальцев будет пополнять ряды обслуги. Вырваться из этой удавки, даже если она этого и захочет, Португалии будет очень трудно.

Промышленность тоже получила некоторое развитие (часто за счет урезания социального обеспечения и образования), но оно стало возможным лишь в узких рамках. В основном развивались черная металлургия и нефтехимия. Внимание уделялось синтетическим волокнам, удобрениям, фармацевтике. Некоторые верфи были переориентированы на очистку супертанкеров, поставявших нефть в Европу, то есть

иностранные инвестиции шли в экологически вредные отрасли промышленности. Как всегда, экономически слабые страны становятся зоной вредных производств.

По словам журналиста Андрея Полякова, Португалия, как и Европа в целом, переживает затяжной период крайне медленного экономического роста, который правильнее было бы назвать застоєм или даже кризисом. Между тем в период правления Салазара экономика Португалии развивалась темпами, с тех пор невиданными. Более того, рывок был достигнут с опорой на собственные силы, без крупных внешних заимствований.

Целую эпоху спустя...

Один из авторов, пытавшихся осмыслить судьбы «Нового государства» и сокрушившей его революции, писал:

«Португалия сейчас и Португалия каких-то 40 лет назад — это две разные страны, между которыми целая эпоха.

Португалия сегодня — благопристойная европейская страна со всеми достижениями и проблемами Евросоюза, ну, может, чуть беднее своих соседей. Португалия же 60-х—70-х — это мировая колониальная держава, разметавшаяся по карте мира от Восточного Тимора и Макао в Азии до Мозамбика, Анголы и Гвинеи-Бисау в Африке, не считая островов. Тогдашняя Португалия — это «Новое государство» профессора Салазара, великая империя наследников конкистадоров, собирающаяся жить вечно.

Увы, империи не вечны. За фасадом каждой империи живут обычные люди, как ни трагичен этот факт для любителей оперировать общими понятиями. И прочность любой империи покоится именно на готовности этих людей жить в ней и жертвовать частью своих свобод (или всем, что у них есть, уж смотря какая Империя) ради имперских интересов. Что получают люди взамен? Здесь, очевидно, и кроется причина краха колониальной системы. Это в XVI—XIX веках людей можно было гнать на убой в любую точку мира ради престижа, ради сиюминутных интересов, глобального геополитического противостояния, ну и ради выгоды узкого круга лиц заодно. В XX веке, особенно во второй его половине, люди стали задавать слишком много вопросов и отделять свой интерес от интереса абстрактного государства, которое фактически оказывалось корпорацией олигархов... Ведь в колониях Португалии «нефть и алмазы «качались» не для блага каких-то там рядовых португальцев...

Ну, а события в Лиссабоне 25 апреля 1974 года стали прообразом всех современных революций».

Как живётся Португалии в ЕС

Португалия вступила в Евросоюз в 1986 году, но не чувствует себя там уютно. Она в первые полтора десятилетия пережила период бурной эйфории, после которой наступило горькое отрезвление. Страна, как и Европа в целом, переживает затяжной период крайне медленного экономического роста, который правильнее было бы назвать застоём или даже кризисом.

Став членом ЕС, Португалия должна была принять обще-европейские принципы социально-экономического устройства. Так, было приватизировано много ранее национализированных предприятий, либерализованы такие ключевые отрасли как финансы и телекоммуникации. Став «более социалистической» по форме (у власти оказались социалисты), Португалия утратила многие социалистические завоевания Апреля. Именно в этот период самым прибыльным сектором экономики стал туризм, 40 процентов иностранных туристов прибывали из Испании, многие приезжали из Англии, Франции, Германии. По существу, в стране проводилась политика национальной капитуляции, подчинение диктату Европейского союза и НАТО. Её основными негативными последствиями стали уничтожение производственного потенциала страны, ориентация национальной экономики на развитие услуг и финансовых средств, поддержка агрессивной и милитаристской стратегии империализма. В Португалии идёт пролетаризация (точнее, люмпенизация) всё более широких слоев общества, особенно инженерно-технических работников и менеджеров, учителей, врачей, юристов, медицинских сестер и т.д. Россиянам это знакомо по событиям после 1991 года.

Экономика Португалии становится более диверсифицированной и ориентированной на услуги. Росту ВВП и производительности труда мешает, в частности, низкий уровень образования населения.

Однако экономические преобразования происходили очень медленно. Все правительства, в том числе социалистические, главной задачей видели решение проблемы внешнего платежного баланса, уделяя меньшее внимание таким внутренним проблемам, как безработица, инфляция и медленный экономический рост. В результате в течение первого десятилетия после революции доход на душу населения упал ниже дореволюционного уровня.

Второе десятилетие переходного периода характеризовалось внушительным ростом всех показателей экономичес-

кого развития. Вступление страны в ЕС и поощрительная инвестиционная политика социал-демократического правительства привели в конце 1980-х годов к увеличению объема иностранных инвестиций. В период 1986—1991 прирост производства ежегодно составлял от 3 до 5 процентов, а уровень безработицы сократился с 8 до 4 процентов. Но в 1993 году разразился кризис в промышленности, где произошло значительное сокращение производства.

Жизненный уровень населения вырос по сравнению с временами Салазара, но остаётся ещё, по европейским меркам, низким. С 1974 года заработная плата и пенсии номинально росли, но с учётом инфляции реальные прибавки за все эти годы оказались практически незаметными. Система социальных услуг в Португалии по-прежнему гораздо хуже развита, чем в других странах Западной Европы.

Существует огромная пестрота (в зависимости от района страны, размера предприятия, активности органов рабочего контроля) в конкретном «наборе» социальных благ, которыми пользуются португальские трудящиеся на месте работы. Пособия по безработице фактически получает только треть нуждающихся. Уровень медицинского обслуживания крайне низок, больничных мест и врачей не хватает.

В 2010 году число пенсионеров в Португалии, получающих минимальные пенсии по старости или инвалидности, составляло 15 процентов от общего населения страны. Почти полтора миллиона жителей страны получает пенсии, которые не достигают даже уровня минимальной заработной платы. И эти пенсии для большинства из них являются единственным источником ежемесячного дохода. При этом разница в доходах между богатыми и бедными в Португалии больше, чем в среднем по странам ЕС.

В Португалии к категории бедных относятся все граждане, чьи доходы близки к 400 евро в месяц (на одного взрослого человека).

И всё-таки страна страстно желает развиваться... и сохранить при этом свою национальную сущность.

До революции 1974 года роль Португалии в системе международного разделения труда была двойственной: с одной стороны, в связи с низким уровнем её экономического развития она занимала подчинённое положение по отношению к экономически высокоразвитым странам, а с другой — являлась метрополией, эксплуатирующей свои колонии. После того, как её колонии обрели независимость, у Португалии осталась только одна из отмеченных особенностей — подчинённое положение в ЕС, и главным её эксплуататором стала Германия.

Впрочем, правящую элиту Португалии это вполне устраивает. Её виднейшие представители успешно вписались в систему бюрократии ЕС и заняли видные посты в ней. Наиболее наглядный пример такой трансформации — это политическая карьера Жозе Мануэла Дуран Баррозу.

Во время революции 1974 года Баррозу состоял в руководстве Федерации студентов марксистов-ленинцев. Затем Баррозу присоединился к маоистскому Движению за реорганизацию партии пролетариата (ныне Коммунистическая партия португальских трудящихся) и принимал участие в студенческих забастовках и митингах.

В 1980 Баррозу вступил в правоцентристскую Социал-демократическую партию, одну из наиболее влиятельных политических сил в стране. С 1985 года он занимал ответственные посты, был министром иностранных дел. После поражения социал-демократов на выборах 1995 года они находились в оппозиции. Баррозу был деятельным депутатом парламента, занимая пост председателя комиссии по внешним отношениям. В 1999 он был избран председателем Социал-демократической партии, став таким образом лидером оппозиции.

Под руководством Баррозу партия по результатам парламентских выборов 2002 года смогла вновь прийти к власти. 6 апреля 2002 Баррозу возглавил коалиционное правительство, в которое, помимо социал-демократов, вошли также представители Народной партии. Внутренняя политика кабинета заключалась прежде всего в решении вопроса снижения дефицита государственного бюджета. Согласно нормативам ЕС, дефицит не может превышать 3 процента, и правительство Баррозу поставило себе целью достичь этого показателя. Однако, Баррозу проработал на посту главы правительства Португалии только лишь два года.

В 2004 году его кандидатура была предложена на вакантный пост председателя Европейской комиссии, и вскоре он оставил пост премьер-министра Португалии. В ноябре 2004 года Баррозу был утверждён Европейским парламентом в должности главы Европейской комиссии, а в сентябре 2009 года его кандидатура на этот пост была повторно одобрена Европейским парламентом прежде всего голосами европейских консерваторов. Таким образом, бывший марксист-ленинец, маоист и коммунист Баррозу даже стал как бы премьер-министром ЕС.

Экономика Португалии

Экономика Португалии в настоящее время занимает 50-е место в мире по размеру ВВП по паритету покупательной способности

Португалия — индустриально-аграрная, но слаборазвитая страна. Среди стран Западной Европы она наряду с Грецией занимает одно из последних мест по уровню экономического развития, по величине валового национального продукта, по общему объёму промышленного производства, а также по уровню доходов в расчете на одного жителя.

Экономика Португалии как малой страны с узким внутренним рынком в сильной степени зависит от конъюнктуры мирового рынка. В хозяйстве её значительное место занимает внешняя торговля. Удельный вес экспорта в ВВП и доля импорта во внутреннем потреблении высоки.

В сельском хозяйстве основные культуры: пшеница, кукуруза, рожь и картофель, а также миндаль, инжир, оливки и виноград. Хорошо развито рыболовство и рыбоконсервная промышленность. К числу важнейших природных ресурсов Португалии принадлежат месторождения вольфрама, не имеющие себе равных в Европе. Промышленное производство сосредоточено в окрестностях столицы. Основные виды продукции: текстиль, пищевые продукты, машины и электротехническое оборудование. Огромную роль в экономике играет туризм — ежегодно Португалию посещают 10 миллионов туристов. Страна славится во всем мире не только великолепными пляжами, но и непревзойдённым портвейном. Весьма ценным и в то же время оригинальным экспортным продуктом является натуральная пробка.

«Экономика Португалии оказалась в состоянии рецессии. Португалия переживает долговой кризис». Её государственный долг превышает 160 миллиардов евро и составляет около 93 процентов ВВП. Португалия — «слабое звено зоны евро», «больной ребенок ЕС» — пестрят заголовками новостей мировые издания. А ведь ещё 20 лет назад страны бывшего СССР стремились «догнать и перегнать» именно Португалию. Так в чем же неизвестные уроки трагичного падения ко дну маленького процветавшего государства на самом юго-западном краю Европы, вступившей в зону евро, из-за которого, как считают португальцы, и начались их многочисленные беды.

Для борьбы с кризисом португальские власти согласились принять помощь Евросоюза и МВФ: в начале мая стороны договорились о выделении Португалии трёхлетнего кредита на общую сумму в 78 миллиардов евро. Португалия стала третьей страной, получившей помощь от ЕС и МВФ, после Греции и Ирландии.

Как выходить португальцам из кризиса, если им оставили обслуживание туристов и богатых любителей игры в гольф?

Итак, либералы («демократы») осудили режим Салазара и высмеяли его самого. Казалось бы, и сам диктатор, и его детище канули в Лету. Но вот какая неожиданность. В 2007 году из около двухсот тысяч португальцев, отреагировавших на заданный по телевидению вопрос, кто был самым великим португальцем всех времён, 41 процент ответили: «Антониу Салазар». А ведь было из кого выбирать: из учёных, из мореплавателей, прославивших своё отечество. К ним можно было бы добавить Луиса Вас де Камознса (португальцы зовут его Луиш Ваш ди Камойнш), величайшего поэта Португалии и создателя её литературного языка. Творения этого гения, прославлявшие героизм своего народа и выражавшие веру в безграничную силу разума, считаются великим вкладом в мировую культуру. Да и сама жизнь поэта, солдата, дуэлянта, путешественника, историка, галантного кавалера, полная нужды и трагически оборвавшаяся, вдохновляла многих его почитателей (в том числе и в России — от Ломоносова до Пушкина). Словом, для португальцев «Камойнш — это наше всё». Но они сегодня считают наиболее великим своим соотечественником Салазара. Это о чём-то говорит.

Сейчас в течение нескольких лет Португалия вновь переживает времена неуверенности. В стране не происходят ни столь многочисленные смены правительства, ни государственные перевороты, но после периода видимого процветания возникла необходимость основательного оздоровления экономики и преодоления отставания. И это происходит небезболезненно. В результате царившее при Салазаре спокойствие приобретает для многих мифическую притягательную силу. Замкнутый профессор выгодно отличается от шумных политиков, которые приходят и уходят. Потому-то всё чаще высказываются мысли вроде следующей: «Современная Португалия превратилась всего лишь в бедную провинцию космополитического ЕС. Но нет сомнений, что скоро эра пепсикольной демократии в Европе и во всем мире закончится, и вновь настанет время цезарей и халифов, тотальных войн и священных империй, и опыт режимов Третьего Пути XX века вновь будет крайне востребован» (Рихард Шапке. Журнал «Europakreuz»).

Г.Е. Петров, автор книги «Ночь в Лиссабоне. Очерки о современной Португалии (М., 1990) писал: «Уже вскоре после приезда в Лиссабон я с удивлением обнаружил, сколь живучи идеи Салазара в консервативных кругах португальского общества, сколь велика их тоска по сильной личности, спо-

собной возродить старые добрые времена, когда работяги знали свое место, а коммунисты — жестоко преследовались».

Вспоминают, как президент Португалии адмирал Томаш, готовя своё обращение к нации по телевидению, в котором он должен был сообщить людям о тяжелой болезни главы государства, «трижды прерывал запись. Его душили слезы верноподданнической любви к казавшемуся бессмертным патрону».

Когда среди высших должностных лиц страны, прибывших в больницу, где после кровоизлияния в мозг находился на излечении многолетний глава государства, начались пересуды о том, кто же будет его приемником, один пожилой генерал властно оборвал болтунов следующими словами: «Пока Его Превосходительство живы, разговоров о преемнике быть не должно! Подписывать же правительственные бумаги может государственный министр доктор Мота де Вейга».

Интерес к подробностям частной жизни Салазара не ослабевает. Его бывшие доверенные лица без устали строчат толстенные мемуары, которые, несмотря на высокие цены в книжных магазинах, тут же становятся «бестселлерами» и выходят всё новыми изданиями. Словом, тень Салазара до сих пор витает над Португалией.

Помещения, где собираются сторонники Салазара, украшены его портретами. Здесь же идет бойкая торговля плакатами и наклейками с изображением покойного главы государства, продаются его сочинения. Часто вспоминают его изречение: «Править — значит беречь людей от них самих!»

Основные политические силы Португалии

До революции 1974 года политические партии находились под запретом. Тем не менее подпольно действовали коммунистическая и социалистическая партии, а также другие небольшие политические группы левых. После 1974 года возник ряд новых партий. Крупнейшие из них — Народно-демократическая (впоследствии переименованная в Социал-демократическую) и Социально-демократический центр — были сформированы политиками, игравшими активную роль при прежнем режиме. Большинство основных партий получило значительную финансовую помощь от иностранных политических партнеров.

В течение нескольких первых месяцев после революции возникло около 80 политических группировок, но со временем политический спектр сузился до 12 партий.

Коммунистическая партия в 1970—1980-е годы являлась одной из крупных политических сил страны. Но потом её влияние стало ослабевать. Её электорат в прошлом состоял из промышленных рабочих Лиссабонского региона и бедных сельскохозяйственных рабочих на Юге. Но рабочие в большинстве своём теперь ориентированы на то, чтобы догнать по жизненному уровню рабочих более развитых стран ЕС, и им не до коммунизма. Около миллиона репатриантов из Анголы и Мозамбика враждебно настроены по отношению к левым политикам, которые предоставили независимость этим африканским колониям. Компартия издаёт с 1931 газету «Avante!» («Вперёд!»). В партии с каждым днём усиливаются разногласия, многие депутаты требуют проведения чрезвычайного съезда, поэтому она близка к расколу. Но это беда не одной лишь компартии Португалии, а всего мирового коммунистического движения. Идея коммунизма, как она понималась до вступления мира в постиндустриальную эпоху, себя исчерпала.

Социал-демократическая партия занимает правоцентристские позиции. Они были левоцентристскими при основании партии. Но со временем СДП отказалась от своего «социал-демократического» облика. Партия все больше смещалась вправо и в настоящее время занимает позиции, аналогичные европейским либеральным партиям. Она выступает за преимущественное развитие частной инициативы. До выборов 2005 года являлась правящей.

Социалистическая партия в своей первой программе провозгласила своей целью «построение социализма» в условиях «политического и идеологического плюрализма». В настоящее время является правящей партией. Член Социалистического Интернационала. Ясно, чего от неё можно ожидать. Как говорит французская пословица, «птицы одного оперения собираются вместе».

В недавней генеральной забастовке в Португалии участвовали свыше 3 миллионов человек (в Португалии 10,5 миллиона жителей). В то время, как в Германии с её ампутированным правом на забастовку даже разговор о политической стачке стал табу, в Португалии никто не осмелился поставить под вопрос легальность этой однозначно политической забастовки. Это связано, помимо прочего, с тем, что Португалия имеет по сравнению с Германией более прогрессивную конституцию, которая в истоках носила социалистический характер.

Хотя буржуазия и её социал-демократические холуи смогли остановить Революцию гвоздик и отменить большинство

её достижений, последствия этой революции действуют до сих пор. Несмотря на ослабление своего влияния, коммунистическая партия развёртывает кампанию против подчинения Португалии Германии посредством диктата ЕС, за защиту суверенитета страны.

В 2009 году на празднованиях 35-й годовщины Революции гвоздик на улицу вышли массы людей. Газета ПКП «Аванте!» писала: «К шествиям присоединились также солдатские и офицерские объединения, обвиняющие правительство в том, что оно всё больше оттесняет военнослужащих от участия в происходящем. Национальная ассоциация унтер-офицеров напоминает, что именно военнослужащие принесли гражданам демократию».

В своей речи в годовщину революции депутат-коммунист Жоао Оливейра указал на то, что «страна, которую мы имеем сегодня, это наглядный пример провала политики усиления эксплуатации и концентрации доходов». «Бедные сегодня больше не могут выносить состояния богатых», — заявил он.

Лозунг коммунистов — «Необходим новый Апрель!» Генеральный секретарь ПКП Жеронимо де Соуза назвал 25 апреля «незавершённой революцией» и продолжал: «Стоит опять задуматься об Апреле». Он указал на плачевное состояние Португалии «после 33 лет сползания политики вправо, которое уничтожило большую часть достижений Апрельской революции».

«Новый Апрель означает коренной перелом в Португалии», — сказал Жоао Оливейра и напомнил о бедности, о временной работе, о социальном расслоении, о доступе к медицине, образованию и правовой защите, о безработице, о зависимости от зарубежных стран и о политике, «которая подчиняет страну диктату европейских держав и военных блоков и таким образом усиливает эксплуатацию и социальное неравенство».

Как сказал де Соуза в 2010 году в канун 36-й годовщины Революции, прогрессивная конституция Португалии стоит перед самым серьёзным испытанием за всю свою историю. Социалистическое правительство меньшинства, чей правобуржуазный курс поддерживают в парламенте правые партии, планирует далеко идущую приватизацию государственного сектора. Несмотря на многочисленные (одноразовые) поступления в бюджет от продажи рентабельных государственных предприятий и их активов, государство всё глубже залезало в долги, не имея прежних источников дохода. Это вполне в духе правых партий — оставлять грязную работу социалистическому правительству, как сейчас в случае с Европейской про-

граммой стабилизации и роста (ЕПСР), «инструментом, на который правые смотрят с большим удовольствием». Правым партиям нужно только подождать, пока Социалистическая партия в достаточной степени приведёт экономику в упадок. И тогда они смогут надеяться на смену правительства, при которой им не придётся начинать с нуля.

Де Соуза сравнил современную стратегическую ситуацию в стране с положением во время Революции. Тогда, как и сейчас, буржуазия была слишком слаба, чтобы опираться только на свои партии. Так же, как и в то время, для осуществления своих антирабочих и антинародных планов она нуждается в Социалистической партии: «В ревизии конституции, в изменении трудового законодательства, в экономической политике, в европейской политике, в девальвации нашего производственного аппарата, в приватизации, в пересмотре аграрной реформы, всюду мы видим руку СП», — напомнил глава ПКП.

Это было полтора года назад, когда «социалистическая» партия ещё была у власти. За прошедшее время этот резервный корпус буржуазии поизносился, как и в соседней Испании. В марте 2011 года премьер-министру Сократешу пришлось уйти в отставку. Теперь «подлинные партии» буржуазии должны сами попробовать пройти сквозь кризис, избежав того, что народ поставит вопрос о власти. Здесь уместно вспомнить о том, чем являлась Революция гвоздик 1974 года. Тут португальским коммунистам пришлось вспомнить руководителей КПСС, отступивших от классовых позиций.

Новый правительственный кризис разразился в Португалии в 2011 году. 5 июня 2011 года в Португалии прошли досрочные парламентские выборы, которые бывшая правящая правопоцентристская Социалистическая партия проиграла. Набрав 28,1 процента голосов, она получила 72 места (в прежнем составе у нее было 97 мест). Победившая правая Социал-демократическая партия набрала 38,6 процента голосов и получила в парламенте 105 мест из 230 (в прежнем составе у нее было 81 место). Её лидер Педру Пассуш-Коэлью стал новым премьер-министром. Он уже пообещал скрупулезно выполнять обязательства перед кредиторами из ЕС и МВФ, а также обеспечить стабильность в стране в ближайшие четыре года. Ему предстоит провести болезненные реформы, которые Португалии предстоит выполнить, чтобы получить обещанные ЕС и МВФ 78 миллиардов евро. Он признал, что впереди страну ожидают огромные трудности. «Нас ожидают годы, которые потребуют от нашей Португалии большого мужества», а также терпения, ведь «результаты не появятся

за два дня». Лидер социалистов, теперь уже бывший премьер-министр Жозе Сократеш, объявил о намерении уйти с поста генерального секретаря.

Неудачно выступил на выборах троцкистский «Блок левых». Если в 2009 году он получил 9,8 процентов голосов и 16 депутатских мест, то теперь с результатом 5,2 процента может рассчитывать лишь на восемь мест.

Сохранила позиции марксистско-ленинская Компартия. Она набрала 7,9 процента голосов, её фракция будет состоять из 16 парламентариев.

Несмотря на переживаемый Португалией самый серьёзный социально-экономический кризис в современной истории, активность была рекордно низкой. Голосование проигнорировали 41,1 процента избирателей.

Похоже, Запад не получил в лице Португалии надёжного союзника и страну с политической стабильностью. Она останется некоей «занозой» в теле ЕС и НАТО.

Почему же Португалия так выпадает из общего ряда западноевропейских стран?

Дело в том, что мы часто неправоммерно используем обобщение «Запад». А исследование Леонида Асланова (о его книге будет сказано ниже), показало: в Западной Европе существуют несколько цивилизаций. Ныне там главенствует североморская цивилизация, к которой относятся Англия, Голландия и Северная Германия. А в наибольшей мере противостоит ей... португальская цивилизация. И когда португальцев обрекают на обслуживание иностранных туристов, этот гордый народ, народ отважных воинов, смелых первопроходцев и религиозных подвижников, несмотря на нынешнее своё унижение, в душе не смиряется со своей долей, и в нём зреют семена будущего гнева. И питают эти чувства сохраняющиеся на генном уровне идеи корпоративизма. Крестьяне держатся за сельскую общину. Местное самоуправление строится на базе церковных приходов и тоже опирается на некое подобие общинных традиций. Система участия работников в управлении в Португалии — это «чистое» представительство наемных работников. Эти органы избираются всеми работниками предприятия путем прямых и тайных выборов. Поскреби даже преуспевающего португальца — и найдёшь в нём черты бывшего члена корпорации.

В России некоторые радикалы хотели бы извлечь уроки из португальской революции применительно к нашим условиям. Так, газета «Лимонка» рассуждала:

«Какие уроки может извлечь Россия из Революции гвоздик?»

Урок первый и главный: никакая тирания не вечна, даже самая мягкая — режим Салазара — Каэтану был довольно гуманным на фоне других тоталитарных систем. Но кончился он всё равно революцией.

Урок второй: авторитаризм неизбежно кончается с уходом автократа — Салазар правил Португалией 36 лет, но после его ухода от дел и смерти созданное им «Новое государство» продержалось всего несколько лет и то в условиях постоянной войны и нестабильности.

Урок третий: революция может быть успешной лишь тогда, когда её готовы воспринять не только условные «капитаны» (революцию гвоздик еще называют «революцией капитанов»), но и часть правящей элиты, то есть те самые «генералы».

...Хочется верить в русский Апрель. В то, что убогое нефтегазовое самодержавие рухнет, разом и окончательно. В то, что найдутся русские «капитаны» и «полковники», которые поднимутся против прогнившей бюрократии, выдернут из потных лапок «преемников» нашу Родину и вернут её людям.

Хочется верить, что где-то есть и наш русский цветок, цветок нашей новой и уже неизбежной Революции».

Португалия и Россия

Ещё в Петровские времена дипломаты России и Португалии при дворах других европейских государств нащупывали возможность установления дипломатических отношений между нашими странами. Официально эти отношения были установлены во времена Екатерины II. В течение следующего столетия отношения между двумя странами складывались с переменным успехом. Своего апогея они достигли в первой четверти XX века. Затем революция 1910 года в Португалии покончила с монархией, что не могло понравиться российскому самодержцу. А установившаяся после Октябрьской революции 1917 года в России советская власть не вызывала симпатий у руководства Португалии.

В советское время салазаровскую Португалию у нас называли фашистским государством, а самого Салазара — диктатором и кровавым палачом. В свою очередь, Салазар считал коммунизм главной опасностью для человечества, а СССР — источник этой опасности — очагом коммунистической заразы. И лишь после Апрельской революции 1974 года в Португалии началось сближение и налаживание новых дипломатических (установленных уже в июне) и дружественных отношений этой страны с СССР.

Качественно новые перспективы в развитии отношений двух стран открыл официальный визит в СССР в октябре 1975 президента республики Ф. да Кошта Гомеша.

Однако в 1991 году СССР перестал существовать, и Португалии пришлось налаживать отношения уже с новым государственным образованием — Российской Федерацией. Однако Португалия — член НАТО, и рассчитывать на особенно дружелюбные отношения между нашими странами сейчас не приходится.

Но это, так сказать, официальная сторона дела. Но не менее важны связи, которые определяются качеством духовной жизни наших народов.

Выше уже отмечалось удивительное сходство событий в Петрограде в феврале 1917 года и в Лиссабоне в апреле 1974-го. В действительности таких параллелей можно провести намного больше. Остановлюсь лишь на тех, что отмечены в книге Леонида Асланова «Культура и власть».

Л.Асланов сопоставлял условия формирования и сущности нидерландской и португальской культур и пришёл к интересным выводам (приношу извинения за длинную цитату).

«Для нидерландской культуры, как и для североморской в целом, характерна индивидуальная предприимчивость, недоверие власти одному лицу (герцогу, королю и т. п.), избираемость руководства общественными организациями на строго определённые и сравнительно короткие сроки, сменяемость, отчетность и ответственность этого руководства. Тут нет места кумовству или патернализму, обычных для Португалии и России. Португальской же культуре долгое время было присуще не просто послушание монарху, а потребность в нём. В республиканские времена место монарха надолго занял диктатор, полномочия которого каждые четыре года подтверждались избирателями на чисто символических парламентских выборах, а каждые семь лет — на президентских. Особенно отчетливо эти различия двух культур проявились в представлениях о корпоративности в Нидерландах и Португалии.

Вследствие избираемости, сменяемости и подконтрольности властей, а главное, индивидуальной предприимчивости, в североморской культуре коррупция была лишена почвы, каковой являлась для Португалии несменяемая и безответственная власть в сочетании с народной традицией предпочтения несменяемой власти.

На примере Португалии отчетливо видно, что по мере изменения деятельности народа вследствие индустриализации страны, роста образованности и т. п. меняется и сознание

португальцев, а с ним и его культура. Однако этот процесс идет очень медленно, и негативные особенности португальской культуры приводят в настоящее время к бегству португальских капиталов (наподобие утечки португальских сокровищ в прошлые века) за границу. Бегство от житейских тягот, порождённых многовековыми обычаями организации человеческого общежития, выражается в эмиграции португальцев. Эмиграция в Португалии существовала веками и не прекращается до сих пор. В Бразилии португальские эмигранты сталкиваются с относительно привычными нормами, но в странах североморской культуры, например, в Канаде, они попадают в тяжелые условия ломки их культуры. Только в Торонто в 1973 г. существовала община, включавшая в себя 75 тыс. португальских эмигрантов, которая была «столь же Португалией, сколь и Канадой». Как этническая группа, так и португальские эмигранты по отдельности «страдают от маргинальности и невежества среды, в которой они жили и которая не являлась ни португальской, ни канадской».

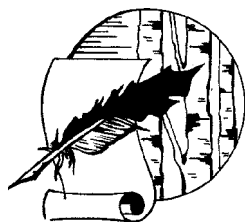
Португальская культура, начиная с XVI в., терпела поражения в соревновании с североморской культурой (сначала нидерландской, а затем английской), но настойчиво искала приемлемые для себя пути развития. Например, еще в начале 50-х гг., вопреки предрассудкам Салазара, началось плановое осуществление индустриализации (планы 1953—1988, 1959—1964, 1965—1967, 1968—1973). В начале 50-х Гуннар Мюрдаль еще не приступал к своему исследованию стран Южной Азии и не сделал свой вывод о предпочтительности планирования в обществе, где нет культурной традиции индивидуального предпринимательства или она мала. Благодаря планированию в начале 80-х гг. Португалия имела индустриальный сектор, на который падало более трети производства страны.

Можно считать, что, планируя индустриализацию, Португалия последовала примеру СССР, вышедшему сильным индустриальным государством из сокрушительной Второй мировой войны. Но за этой догадкой скрывается куда более глубокая истина: **условия формирования португальской и великоросской культур (именно великоросской), а также сами культуры двух народов поразительно похожи друг на друга.** Как португальская, так и великоросская культуры сформировались на границе двух миров — христианского и мусульманского. Оба народа веками копили силы для того, чтобы сбросить чужеземное владычество (мавританское и монголо-татарское соответственно), милитаризируя своё общество, подчиняя всю свою деятельность из поколения в поколение вое-

низированному укладу общественной жизни. У обоих народов были отцы-освободители — Афонсу Энрикеш у португальцев и Иван Калита у москвитов. Оба народа прошли через полосы абсолютных монархий, колонизаторских экспансий (что определялось военизированными культурами двух народов), революций 1910 и 1917 гг., периодов хаосов 1910—1926 гг. и февраля—октября 1917 г., диктаторских режимов 1926—1974 и 1917—1991 гг. соответственно, революционных переворотов 1974 и 1991 гг. с последующим развитием культур в сторону ценностей североморской культуры.

Общность португальской и русской культур проявляется даже в отдельных характерных деталях. Например, обеим культурам присуще идея миссионерства. В Португалии традиционный себастьянизм в XX в. трансформировался в идею распространения в мире (прежде всего в Бразилии, Анголе, Мозамбике и т.д.) высоких идеалов иберийской культуры (лутропикализм, идея Пятой империи), а в России мессианство сначала выражалось в христианской идее «Москва — Третий Рим», а позже русская культура взвалила на себя миссию распространения коммунизма во всем мире ради счастья на земле, несмотря на лишения и перенапряжение сил народа. **Такого мессианства нет более ни в одной европейской стране».**

Не во всём можно соглашаться с выводами Л.Асланова. Вряд ли можно считать неким законом природы изменение сознания народа в связи с индустриализацией, ростом образованности и пр. именно в сторону сближения с североморской культурой. Однако его убедительное доказательство глубинного родства культур русских и португальцев имеет исключительно важное значение. Именно это родство культур, какого у нас больше не было ни с каким другим европейским народом, позволяет надеяться, что «золотой век» нашей дружбы — ещё впереди.

Вячеслав БОГДАНОВ
(1937—1975)

К 75-летию со дня рождения

ПО ПРАВУ СЕРДЦА

Вячеслав Богданов заявил о себе уже первой своей книгой «Звон колосьев», вышедшей в Челябинске в 1964 году. Затем при жизни издал в Челябинске и Москве еще несколько стихотворных книг: «Голубой костер», «Перезвон», «Гость полей», «Светунец», «Избранная лирика». Уже первые сборники со всей очевидностью свидетельствовали о вливании в поэтический хор Урала очень интересного и темпераментного голоса. Стихи молодого поэта были замечены критикой, пришлись по душе читателям. Добрую оценку первым его поэтическим шагам дал известный русский поэт Василий Федоров, отметивший социальную чуткость молодого автора и его яркую поэтическую одаренность.

Шестнадцатилетним юношей приехал Вячеслав в Челябинск, где закончил школу ФЗО и около двух десятков лет проработал на Челябинском металлургическом заводе. В индустриальный город он приехал из деревни Васильевка Тамбовской области, откуда был родом. Память о родном крае, о трудном детстве военных и послевоенных лет поэт хранил в своем сердце всю жизнь, свидетельством чему многие его стихи.

У Вячеслава Богданова острее и ярче, чем у кого-либо из других уральских поэтов, прозвучал мотив неделимого родства деревни и города. Эта неделимость в его стихах опиралась на трудовые истоки нашего народа («Но однажды в июльскую ночь Разглядел я до радостной дрожи: Сталеварс-

кие руки точь-в-точь, Как у пахаря, в трещинах тоже...»). Это придавало его стихам масштабность мировосприятия: «Хоть живу я под уральским небом, У огня людей мастеровых, Но когда я прикасаюсь к хлебу, Вспоминаю земляков своих». Ему одинаково были дороги и близки просторы степных полей, тревоги яблоневых садов, радостный говор рек и ручьев и упругая неподатливость железа, становящегося покорным в крепких руках рабочего человека.

В книге «Голубой костер» есть посвящение Н.Рубцову, с которым Богданов познакомился в начале 1960-х. Дружба двух поэтов была душевная и доверительная. В стихотворении «Раздумье», обращаясь к Н.Рубцову, он говорит: «Только знаю, что в час свой последний Мне в деревню захочется, друг...»

Жизнь Вячеслава Богданова трагически оборвалась в 37 лет в самом расцвете его самородного таланта.

В СИНЕМ ЦЕХЕ

Только утро разбрезжится синью,
Торопливо уйду со двора.
Я работаю в цехе — Россия,
В синем цехе красы и добра.
Пусть дороги круты,
Словно годы.
Глубине поучусь у сохи.
Мне,
Рабочему парню завода,
Так нужны до зарезу стихи.
Петь так петь!
Чтобы слабый с постели
Встал
И небо подпер головой,
Чтобы люди от песни добрели,
Заполнялись глаза синевой.
Но пока только версты да версты,
Да горит мой дорожный костер,
Да летят полуночные звезды
В голубые ладони озер.
И дрожит молодая осина,
Что погреться пришла у костра.
Я работаю в цехе — Россия,
В синем цехе красы и добра!

ДУМА

Среди лугов река уходит криво.
Листает волны ветер-сухойей.
Приду к реке
И сяду у обрыва,
На краешке у памяти своей.
По-над водой
Осока дремлет остро.
И ласточки пронырливо снуют.
И окуни мелькают,
Словно версты,
И полосатой думою встают...
...Ценою рук,
А не ценою злата,
Из темноты я выбрался на свет...
И рад тому,
Что, словно эскалатор,
Меня не вез
Чужой авторитет...
Еще мне рано подводить итоги.
И впереди и солнце,
И гроза...
Я так хочу,
Чтобы мои дороги
Не засорили путникам глаза.
Река,
Река — степное откровенье,
Круты, как жизнь,
Излучины твои.
Я жду в судьбе
Великого мгновенья,
Вложи мне в грудь
Извечное стремленье
И луговую ширью напои...

* * *

Дуют ветры, и дымы бугрятся,
И встает завод среди огней —
Многотрубный,
В золотом багрянце,
Отлитый из славы наших дней.
Под его искристою короной
У стальных

И у чугунных рек,
Рядом с печью,
Домною,
Колонной
Неприметен вроде человек.
Неприметен,
Чуть сутуловатый,
В грубой куртке,
Молчалив на вид...
Человек — в груди своей,
Как атом,
Силу непомерную хранит.
За работой звонкой, многотрудной
Он, в свои поверив чудеса,
Глянет в печь — и закипают руды,
Глянет вверх — и встанут корпуса...
Он стоит у пульта, неторопкий,
И огонь работает в печах...
Но завод он возводил не кнопкой —
На своих покатыстых плечах.
И глядишь, взволнован, удивленно:
У стальных
И у чугунных рек,
Рядом с печью,
Домною,
Колонной
Неприметен вроде Человек.
Задыхаясь от огня и дыма,
Он прошел сквозь тысячи наук.
И встают мартены,
Коксохимы —
Продолженьем дум его и рук!...

ЖЕЛЕЗО

Я гнул его, рубил зубилом
Под сводом заводских небес.
С железом я к высотам лез,
Когда плечом своим нехилым
Познал его удельный вес.
Оно покорно,
Словно глина.
Его секреты я постиг.
Оно певуче,

Словно стих.
А чья в нем гибкость?
Балерины.
Чья стойкость?
Рук мастеровых
В январский день,
Когда и птицы
К плавильной жмутся духоте...
Железом грелся я в труде,
Хоть примерзали рукавицы
К обледенелой высоте...
Зато всегда,
Зимой и летом,
В час перекура с высоты
Я видел:
Шли за мною следом
Цехов железные скелеты,
С монтажной выправкой мосты...
Была и стужа, и жара,
И вспомнить радостно и лестно,
Как покорялось мне железо
И что меня бесполезно
Учили делу мастера!

НА БОРОДИНСКОМ ПОЛЕ

По жгучим волнам ветра и зари
Былого эхо возвратилось с болью
И в небе соколом парит,
А я иду на праведное поле.
Здесь предок поле сердцем распахал
И кровью полил,
Ожидая всходы...
За все потери, Русь,
Твои невзгоды —
Высокий дуб ветвями замахал.
И как стрела, пронзает тишина,
И звезды взвились,
Словно стук копытный...
Но мне не битва смертная страшна,
Ведь тишина — страшнее битвы!..
Здесь славой русской ветер напоен,
Он входит в грудь.
И пахнет вечность — лесом...

Не страшен, Русь, тебе Наполеон,
Страшней они — заезжие Дантесы!...
...Ушла заря.
И сполз туман с холмов,
И дуб обнял соседские березы.
И мужики так звонко у домов
По всей округе отбивают косы!...

* * *

Не учился быть я в жизни гибким
И с концами не сводил концы...
Тяжело заглаживать ошибки,
Остаются жесткие рубцы.
Сколько зло за горло ни бери ты —
Не согнешь — проклятое — в дугу..
Да, круты у жизни лабиринты,
Погасить я скорость не могу.
...Все идет в спокойном русле вроде,
И с концами сходятся концы...
Но горят к неожиданной непогоде
От ошибок жесткие рубцы!

ОЗЕРО

Откипело озеро степное,
Синевой пронизано насквозь,
В берега,
Оплавленные зноем,
Присмирив на время,
Улеглось.
Что его негаданно
Взярило?
Не бывает бури
Без причин!
И какая
Зоревая сила
Вырывала камни из глубин?
Озеро бунтует
Не впервые,
Раздвигая берега,
Как тьму.
Назвенели воды дождевые
Про свободу-волюшку ему..

Потому металось так мятежно!
Может быть,
Поднявшись на дыбы,
Океан увидело безбрежный
Из своей
Кольцованной судьбы!
Но ему
Из берегов разбитых
В океан прорваться не дано!
И крутые камни,
Как обиду,
Засосало илистое дно.
Все равно при утреннем тумане
Забунтует озеро насквозь.
Пусть оно не выйдет к океану,
Но зато к великому рвалось.

ПОМОЛ

В краю дождливом, полусонном,
В сенях, где куры и дрова,
Ручная мельница со стоном
Вращает тяжело жернова.
Мы всей семьей вперемьку
При свечке молча мелем рожь.
Дрожат от усталости коленки,
И по спине проходит дрожь:
А вдруг придут на шум, захватят?
И страх под сердцем — нету сил...
И хлеб отыщут под кроватью —
Я рожь в карманах наносил...
Но я сейчас, хоть малолеток,
Кручу со всеми нарядки.
И пахнет солнышком и летом
От теплой, инистой муки.
И мне мерещится, как чудо,
Под шум зубастой шестерни,
Пирог румяный на полпуда,
Что солнцу летнему сродни.
Бежит серебряно по течке,
Под жернова струится рожь.
И огонек дрожит от свечки,
И по спине проходит дрожь,
За час не вымолвив ни слова,

Рожь мелем, мелем вчетвером.
А дождик, словно участковый,
Стучится в двери напролом.
Потом я лег в постель устало,
В ушах стыл шум от шестерни.
Мать тесто ставила,
Вздыхала:
Дадут ли хлеб на трудодни?
...Все изменилось в жизни нашей.
Но память вспыхнула, жива,
Когда от мельницы домашней
Нашел в бурьяне жернова.

РОДСТВО

Мне б труднее и жилось,
И пелось...
Если я
Не смог бы до сих пор
Породнить
Полей тамбовских зрелость
И глубины
Самоцветных гор...
Хоть живу я
Под уральским небом,
У огня
Людей мастеровых,
Но когда я
Прикасаюсь к хлебу,
Вспоминаю земляков своих...
Я вдали от родины,
Но все же
С ней крепка
Связующая нить!
Ну скажите, люди,
Разве можно
Надвое
Россию поделить?!

СВЕТУНЕЦ

Ходят ветры вечерние кротко.
Гнутся травы от росных колец...

Новый месяц обр~~а~~мился четко —
Наполняйся огнем, светунец!
Восходя из росистой низины,
Из простора лугов и полей,
Зачерпни свет серебряно-синий
И обратно на землю пролей!
И замечутся тени в тревоге,
Ослепленные острым огнем,
И никто не собьется с дороги
В неподкупном свеченье твоём.

Я ЖИВУ..

Я живу на озерном Урале,
Ты живешь на великой реке.
От моей полуночной печали
Почернело кольцо на руке.
Упаду, как ослепшая птица,
Путеводной не видя звезды.
Из какого резного копытца
Выпить мудрость волшебной воды?
Доживу без любви
И без ласки
И тебя никогда не дождусь.
Все равно,
Как царевич из сказки,
Я однажды тебе пригожусь.
Ты очнешься,
Но будет уж поздно,
Слишком жизнь у людей коротка.
Укачает упавшие звезды
Голубая речная тоска.

РУСЬ

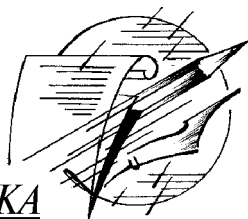
Обжитый мир под солнцем, под луной
И под лучами звездными косыми,
Где дух веков кружился надо мной
И распахнулся далями России.
И я иду навстречу тем векам,
Голубоглазый, русский, коренастый.
Колосья прикасаются к рукам,
Озера колыхаются глазасто.

Земля всю вращается, кричит
Холмом, золой,
Что с ней на свете было...
Роняет солнце тихие лучи
На обелиск,
На братскую могилу.
И кланяюсь я прошлому опять,
Родной земле за все крутые были.
Я в мир пришел — творить,
А не рыдать,
Века и так к нам на слезах приплыли...
Нам пришлое сегодня,
Как броня,
И в нас живут его земные боли.
Не потому ль мы встали у огня,
Не потому ль мы распахали поле?!
И, вглядываясь в лица наших дней,
В лицо огня и пашни,
Неба,
Пуши...
Мне каждый раз становится видней
Прямая связь меж прошлым и грядущим.

ПОСЛЕДНИЙ ПОЛЕТ «КАНДГАРСКОГО ЗВЕРЯ»

Историю с захватом в иранском небе «кандгарского зверя», американского беспилотного летательного аппарата RQ-170 Sentinel, не стоит рассматривать только лишь как эпизод информационной войны или же как будни американо-иранского противостояния. В ней есть очень важный военно-политический аспект, который, на мой взгляд, повлечет за собой серьезные последствия. Фактически Иран продемонстрировал высокую боеготовность систем ПВО, что ставит под сомнение возможность США эффективно использовать свои ВВС в случае потенциального конфликта с Ираном. А это, в свою очередь, означает, что в военной операции против Исламской республики США не могут гарантировать для себя приемлемого уровня потерь.

Описание истории с американским БПЛА RQ-170 Sentinel, оказавшемся в распоряжении Ирана, не перестает поражать причудливыми извивами журналистской и политико-аналитической мысли. Уже не поражает, а забавляет зашоренность «научных экспертов», которые «съедают» все, что скармливают им прозапад-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

ные медиа. Тех самых «научных экспертов», которые в оценке не только Ирана, но и региона в целом — встают в «третью позицию» и свысока рассуждают о происходящих там процессах с позиций ориентализма и «отсталости Востока».

До 4 декабря 2011 года рассуждения свысока о потенциале региона в целом и Ирана в частности были свойственны и американским военным. В аккурат до того момента, когда на иранской территории, в 140 милях от ирано-афганской границы подразделением аэрокосмических сил Корпуса стражей исламской революции (КСИР) не был посажен «кандагарский зверь».

Признание сквозь зубы

Официальная позиция США в этой истории очень здорово напоминала поведение человека, прихваченного «на горячем»: от полного отрицания всего и вся до сжатого признания сквозь зубы. С самого начала, с момента объявления Тегераном о принудительной посадке БПЛА RQ-170, официальные представители Белого дома и Пентагона напрочь отрицали возможность захвата дрона и говорили о том, что речь может идти об «утере контроля» и крушении «одного из беспилотников», находящихся «в распоряжении американского контингента в Афганистане», выполнявшего функции наблюдения за обстановкой в этой стране.

Но одновременно с этим заявлением начали происходить внешне малозначительные и несвязанные между собой события, заставившие уже тогда думать о том, что все обстоит не совсем так, как утверждают официальные американские представители. Точнее говоря — все обстоит совсем не так. Нездоровое оживление было зафиксировано на американской военной базе в Кандагаре, в состоянии повышенной готовности были приведены подразделения ССО в Афганистане, резко возросло количество проверяющих из Вашингтона, прилетевших в Кабул «все вдруг». Уже по этим признакам можно было сделать вывод о том, что произошло нечто чрезвычайное, особенно вслед за тем, как Тегеран опубликовал фотографии и видео того, что действительно оказалось в их руках.

RQ-170 Sentinel, перехваченный подразделением аэрокосмических сил КСИР, представляет собой новейшее и наиболее совершенное на сегодняшний день средство разведки. Информация об этом аппарате крайне скудна, несмотря на то, что он состоит на вооружении 30-й разведывательной

эскадрильи США с 1 сентября 2005 года. С 2007 года аппарат был передислоцирован на базу в Кандагар, откуда он, по официальной версии, использовался для облета лагерей талибов в Пакистане. В частности, писали о том, что подобный БПЛА (общее количество их не разглашается), использовался как средство обеспечения во время действий сил специальных операций США в Абботабаде при якобы ликвидации Усамы бен Ладена.

При внешней логичности данной информации, она изначально вызывала определенные сомнения. Использовать аппараты такого класса для отслеживания передвижения мелких отрядов талибов — это сродни заколачиванию гвоздей лазерным прицелом, в чем американские военные ранее замечены не были. Применение нового дрона, сделанного по технологии «стелс», на этом театре военных действий, где у противника нет ни радаров, ни вообще средств ПВО в общепринятом значении этого термина, было совершенно необоснованно. Для решения подобных, в сущности, тактических задач существуют БПЛА «Predator», отлично себя зарекомендовавшие и более дешевые (стоимость «Predator'ов» — \$4,5 млн, RQ-170 Sentinel — \$6 млн). Так что если Sentinel и использовался для этих целей, то только короткое время и для тренировки расчетов.

Истинная цель его дислокации в Кандагаре (отсюда и название — «кандагарский зверь») — ведение разведки против ядерных объектов Ирана, то есть реализация программы, которую разведывательное сообщество США начало в 2005 году. В качестве основной базы для беспилотников тогда использовалась авиабаза Балад (лагерь «Анаконда») в Ираке. Выпущенные с территории Ирака дроны осуществляли весь комплекс технических разведывательных мероприятий против ядерных объектов Исламской Республики Иран. Особое внимание при этом уделялось объекту «Фордо» близ города Кум, где, по заявлениям американских и израильских спецслужб, расположен подземный завод по обогащению урана.

Именно там, кстати, были сбиты в январе 2011 года два MQ-1 «Predator», с которыми в июле того же года, по предложению иранской стороны, получили возможность ознакомиться российские специалисты. После изменения обстановки в Ираке и начала вывода оттуда американских войск США вполне логично и ожидаемо переместили центр разведки против Ирана на афганскую территорию. Захват Sentinel'a стал абсолютным и неопровержимым доказательством того, что США на протяжении семи лет используют территорию третьих стран для совершения разведывательных операций

против Ирана. Телеканал CNN, со ссылкой на свои источники в Пентагоне, сообщил что американские военные признали факт использования БПЛА RQ-170 Sentinel для наблюдения за ядерными объектами Исламской республики, а не для патрулирования афгано-иранской границы, как утверждалось ранее.

Тот же источник сообщил и еще пару интересных подробностей. Во-первых, правительству Афганистана ничего не было известно о том, что с их территории американские специалисты запускали беспилотные летательные аппараты для наблюдения за стратегическими объектами на территории Ирана. Во-вторых, Центральное разведывательное управление США, отвечавшее за сбор информации, также не поставило в известность свое министерство обороны о целях, для которых использовался разбившийся в Иране БПЛА.

Впрочем, второе утверждение можно смело оставить на совести источника CNN, так как проведение подобных акций без сотрудничества с военными и использования их инфраструктуры — дело весьма маловероятное. Из сообщения того же источника следует, что информация о падении в Иране секретного БПЛА вызвала замешательство среди военных, которым «ничего не было известно о проекте, за который отвечало ЦРУ».

Это заявление поставило в интересное положение сразу двух высших должностных лиц США — Барака Обаму и Хиллари Клинтон. Если первый все же был несколько сдержаннее и на совместной пресс-конференции с премьером Ирака Нури Малики лишь заявил: «Я не буду комментировать секретную информацию, относящуюся к деятельности разведки. Как уже было сказано, мы требуем его возвращения. Посмотрим, как на это отреагируют иранцы», то мадам госсекретарь выдала вовсе уж несообразное. Выступая перед журналистами вместе с главой британского МИДа Уильямом Хейгом, капитолийская валькирия заявила: «Мы очень четко выражаем свою озабоченность. Мы направили официальную просьбу о возвращении нашего утраченного оборудования, как поступили бы в любой другой подобной ситуации в отношении любого другого правительства мира». Воля ваша, но это что-то уж совсем новое в международных отношениях — требовать возврата шпионского оборудования, захваченного второй стороной на собственной территории.

Примерно в аналогичной ситуации в мае 1960, когда наши советские ПВО «завалили» U-2, который пилотировал Пауэрс, американская сторона подобных требований не предъявляла. Впрочем, ныне у нас «однополярный мир», и держа-

ва-полюс уже совершенно открыто говорит, что международное право — это право сильного. А может, в основе этого требования — элементарная жадность, шесть миллионов «зеленых» все же. Но «интересности» в истории с Sentinel на этом не заканчивались.

Президент Обама признал, что после исчезновения RQ-170 над Ираном «коллеги по Капитолийскому холму» предлагали ему провести спецоперацию для спасения аппарата или его уничтожения. Однако президент, по его словам, отказался, посчитав, что вторжение десанта или обстрел территории Ирана могут быть восприняты Тегераном как объявление войны. Не могу не заметить в этой связи, что Нобелевская премия мира серьезно влияет на образ мышления политика. Предложение совершить акт неспровоцированной агрессии в отношении суверенного государства Обама решительно отверг, ради «сохранения мира во всем мире». Столь же миролюбиво Обама поступил и со своими советниками — он их не уволил, он не вызвал к ним санитаров, а лишь дал им понять, что выдвинутое ими предложение в данной ситуации неуместно. Голубь мира!..

Однако и самой информации о том, что возможность подобной операции рассматривалась, причем — минимум в трех вариантах (рейд спецназа США по иранской территории, постановка задачи уже находящейся в Иране агентуре на поиск и взрыв дрона и нанесение бомбо-штурмового удара по точке предполагаемого падения) более чем достаточно для далеко идущих выводов. Первый из которых — вопреки всем уверениям официальных лиц и медиа, захват Ираном RQ-170 Sentinel является серьезной потерей для США.

«Груда обломков» или нечто большее?

Первоначальная американская версия гласила: «У иранцев появилась груда обломков, и они пытаются сообразить, что им с ней делать». Иранцы ответили публикацией видеоролика, на котором дрон был запечатлен во всех ракурсах. Тогда американцы объявили, что на видео вообще не дрон, а фанерный макет. «У него окраска не та и швы не такие», — на полном серьезе писал анонимный эксперт в солидном «The Diplomat». На это иранцы сделали неотразимый ход в лучших традициях столь любимой мною стратегии не прямых действий — они просто промолчали, проверяя крепость нервов официального Вашингтона. Нервы оказались никчемными, и требование Госдепа и лично Обамы вернуть дрон США «взад» расставило все на свои места.

Следующим шагом американских специалистов по пропаганде стало заявление о том, что захват RQ-170 Sentinel не даст Ирану никаких преимуществ. Согласно навязываемой нам версии, данный тип беспилотника в силу его высокой технологичности не может быть ни воспроизведен, ни массово копирован. Ну, после успехов Китая в области копирования всего и вся, я лично уже ничему не удивлюсь, но есть и другая сторона вопроса — а кто вообще говорит о копировании? И без того из дрона можно извлечь массу всяких интересных вещей.

Так, например, главный редактор влиятельного международного журнала «Jane's International Defence Review», посвященного военным технологиям, Ник Браун считает, что беспилотник, построенный с применением стелс-технологии (для снижения заметности самолета), можно попробовать облучить радаром в специальной камере. Таким образом можно установить его «эффективную площадь отражения» и узнать, как он будет выглядеть на экране локатора. Иранцы также могут изучить материал, из которого сделан планер аппарата, а также другие компоненты снижения его заметности в радио- и инфракрасном диапазонах.

«Действительно большой удачей станет аппаратура. Какие именно приборы были установлены на данном самолете, неизвестно. Но в любом случае они, скорее всего, имеют отношение к связи и разведке, там должен быть и радар, и различные электрооптические датчики», — считает Браун. В Иране есть специалисты, поднаторевшие в «обратной инженерии», заявил Браун. Кроме того, по его словам, передав этот беспилотник дружественным государствам, Иран может заработать политический капитал.

«Все возможно, теоретически иранцы способны получить много ценного из захваченного самолета, но по-настоящему полезной информацией будет только та, которая касается систем управления», — сказал он. Такого же мнения придерживается и старший научный сотрудник Института оборонных исследований Вооруженных сил Великобритании Элизабет Куинтана, которая считает, что любые американские технологии, связанные с беспилотной авиацией, представляют большую ценность для Ирана, России или Китая. Словом, был бы объект, а уж иранские специалисты выжмут его «досуха».

Америке преподнесен неприятный сюрприз

И вот здесь совершенно необходимо сказать об иранских специалистах. Один из значимых выводов, который необхо-

димо сделать из истории с поимкой «кандагарского зверя», заключается в том, что США переоценили свои возможности и, соответственно, недооценили возможности Ирана в освоении новейших технологий. Я неоднократно говорил о том, что европоцентризм и высокомерное отношение к научно-техническому потенциалу Ирана (пусть даже и в прикладных сферах) обернется для его противников весьма неприятным сюрпризом. Подобные утверждения неизменно вызывали саркастические ухмылки. Дулыбались...

А между тем, надо просто кропотливо работать с информацией, чтобы понять, что Тегеран уже давно освоил методику асимметричных ответов на военные угрозы Запада. И ответы эти в денежном эквиваленте обходятся ему гораздо дешевле, а в эффективности уже мало чем уступают «продвинутым» западным технологиям. Больше скажу — мало кто из иранистов обратил внимание на слова имама Хомейни о том, что «занятия наукой есть разновидность служения Исламу». Мало кто проанализировал объем средств, которые каждый год Иран вкладывает в науку и в человека. Расходы на образование в Иране составляли в 2010 году 5,8% от ВВП (в России — 4,1%), расходы на науку и НИОКР — 1,9%, что вплотную приближается к расходам на НИОКР ведущих стран Запада (в России — 1,2%). А рост показателя индикатора человеческого развития (Human Development Index) Ирана с 2005 года (кстати, с года избрания президентом страны М. Ахмадинежада) уверенно превышает показатели среднемировые.

Представлять Иран и аятолл религиозными фанатиками и мракобесами — дело для журналистов и псевдоэкспертов безусловно выгодное, гранты и место в медиа обеспечиваются при такой позиции автоматически. Но принимать исходящую от них информацию за чистую монету — чревато. Неожиданно может оказаться, что мир выглядит не совсем так, а точнее совсем не так, как об этом говорят СМИ. Но это к сведению, так сказать — о наболевшем...

Тревожные сигналы для США об успешности Ирана в высокотехнологичных сферах стали поступать еще несколько лет назад. В конце 2009 года громкий резонанс приобрела история с обнаружением на ноутбуках иракских повстанцев многих часов видеозаписей, перехваченных с американских беспилотников. В том же году европейские источники сообщили об ослеплении американского спутника-шпиона направленным лазерным лучом с территории Ирана.

В 2010-м, на американской базе управления беспилотными самолетами, которые ведут разведку в странах Ближнего

Востока, был обнаружен кейлоггер — вирус, перехватывающий нажатия клавиатуры. Командование ВВС США заявило о том, что компьютерный вирус не был направлен на компрометацию военных систем. По официальным данным, вирус не смог поразить систему управления полетами. Представители ВВС подчеркнули, что вирус ни в какой мере не повлиял на работу летательных аппаратов, и выдали совершенно замечательную причину появления этого вируса: оказывается, его основное предназначение состояло в краже учетных данных пользователей онлайн-игр.

Как оказалось — все это были тестовые испытания иранских возможностей. Которые закончились тем, что в случае с RQ-170 Sentinel иранским специалистам удалось подменить GPS данные, в результате чего он совершил посадку в том месте, где им было нужно. Таким образом, хакерам не пришлось взламывать системы связи устройства с центром управления США. Итог — в Тегеране пройдет выставка для журналистов, на которой присутствующим будут показаны семь беспилотных самолетов-разведчиков США и Израиля, захваченных иранской стороной (три — американских, а четыре — израильских).

Ну и точку в дискуссии о том, мог ли Иран овладеть данной технологией, поставил председатель совета директоров компании Google Эрик Шмидт в интервью CNN: «Иранцы необычно талантливы (в кибервойне. — И.П.) по некоторым причинам, которые мы не полностью понимаем». Впрочем, упорство некоторых «экспертов» в доказывании отсталости Ирана воистину безгранично. Когда уже во всем мире стало ясно, как в действительности произошел захват дрона, «аналитик по вопросам национальной безопасности» Ричард Абулафайя заявил, что с точки зрения потенциальных возможностей Ирана использовать данный дрон сравнимо с «попаданием Феррари в эпоху использования арбы». Национальной безопасности, которую так извращенно анализируют, стоит только посочувствовать. Более близок к истинной оценке произошедшего, как я считаю, все же Дэн Гур из Института Лексингтона (Арлингтон, Вирджиния) который считает, что потеря RQ-170 Sentinel является «самым большим рождественским подарком нашим врагам за прошедшее десятилетие».

И еще один аспект этой истории. Анализ имеющейся информации заставляет весьма скептически относиться к версии о том, что в захвате дрона активное участие принимал российский наземный комплекс исполнительной радиотехнической разведки (ИРТР) 1Л222 «Автобаза». Как бы ни разо-

вала российские патриотические чувства данная версия, она не имеет под собой достаточных оснований. Прежде всего, нет никаких признаков того, что «Автобаза» была поставлена в Иран.

Ну и второе по порядку, а не по значимости — «Автобаза» является лишь частью мобильного комплекса РЭБ со станциями постановки помех СПН-2 / СПН-4. Основное его назначение — пассивное обнаружение различных РЛС и выдача соответствующей информации на средства огневого поражения. Фактически, она может только перехватить сигнал, получить с него информацию так же, как вы слушаете радио. А для того чтобы вклиниться в систему и получить контроль над управлением, нужно передать сигнал на борт этого аппарата, то есть необходимо другое устройство, которое, по всей видимости, является чисто иранской разработкой.

На данном этапе осознание руководством США этого факта (что, собственно, и демонстрирует решение Обамы примириться с потерей дрона) позволяет сделать вывод о том, что военной акции США в отношении Ирана в ближайшем будущем не будет. В своей борьбе с Ираном США, вопреки давлению Израиля, будет делать ставку на дипломатические меры и подрывную работу внутри иранского общества.

КИСЛЫЕ ВОДЫ, ГДЕ НЕТ ОГОРОДОВ

РАССКАЗ

Там гора была — миры!
Бог за мир взимает дорого.
Горе началось с горы.
Та гора была над городом.

М. Цветаева

— Вот, видишь! Видишь? Олег, ты видишь?! — восторженно распахивая руки и очерчивая взмахом открывшуюся внизу панораму, ты вовсе не ждешь от меня ответа.

Да, я вижу. Вижу...

Этот твой очевидный восторг настолько очарователен, что я тоже радостно прыгаю, хлопаю в ладоши и даже пытаюсь тебя обнять. Как расшалившегося ребенка, которого нужно успокоить и привести в чувство, но при этом никоим образом не разрушить присущее детям и прости-тельное для них эгоистическое ощущение полнейшего счастья от всеобъемлющего обладания миром.

«Все, что нравится, все — мое!» — так считают дети. И красивые жен-

ПРОЗА

щины. Поэтому я пытаюсь тебя обнять и сказать: да, все это — твое! Твое! Весь этот замечательный раскинувшийся внизу курортный город, куда тебя вдруг так неодолимо потянуло...

Ты резко отстраняешься, упираясь руками мне в грудь, и кривишь рот в снисходительной усмешке:

— Я же тебе сто раз говорила! А ты упрямый, как...

Ты спотыкаешься на слове, и я сам мысленно заканчиваю твою любимую фразу: «Как этот... Который по горам скачет...»

Надо понимать, козел. Или баран.

Сто раз ты не говорила. Месяц назад ты только один раз сказала: «Хочу в Кисловодск!» И я примирительно закивал: значит, поедем...

Больше всего предстоящей поездке обрадовался наш Цезарь. Он хоть и такса, но человеческую речь понимает прекрасно. И настроение наше чувствует тонко. «Едем, старик, едем! — упрашивал меня хитрый пес, не сводя преданных глаз, из которых, кажется, вот-вот покатится скупая мужская слеза. — Не будь жлобом, хозяин, такое только раз в нашей собачьей жизни случается...»

Все дни перед поездкой он откровенно передо мной выслуживался. По собственной инициативе стал приносить мне тапки, а на прогулках все большие и малые «дела» совершал столь стремительно, что с него вполне могли бы брать пример армейские новобранцы, специально тренируемые суровыми «дедами». И другие трогательные обнаружили у него свойства. Однажды я проснулся от удушающего запаха: раздобытую где-то громадную кость с остатками протухшего мяса Цезарь уложил мне на грудь и сидел рядом, умильно на подношение глядя: «Жри, хозяин, мне для тебя ничего не жалко...»

Почему ты выбрала Кисловодск? Да кто ж ответит, почему несчастный Берлиоз в «Мастере и Маргарите» у Булгакова вдруг с нахлынувшей тоской тоже вспомнил этот город: «Пожалуй, пора бросить все к черту и в Кисловодск...»?

Да, пожалуй, пора...

Ты не просто захотела в Кисловодск, ты захотела непременно *там* жить.

Может быть, не в Кисловодске конкретно, а *там*, где всегда солнечно, где жизнь легка и беззаботна. Где нет одуряющего и неодолимого московского стремления все время куда-то бежать, ехать, лететь. Стремления, которое все почему-то принимают за энергичную и живую столичную *стремительность*, даже когда застревают в бесконечных мертвых пробках.

Но ведь это только в девятнадцатом веке и только литературный герой мог воскликнуть в запальчивости: вон из Москвы! Уезжая из нее в реальности, даже ненадолго, возвраща-

ешься в полной ошарашенности: это как же надо запустить всю остальную страну, чтобы грязная опостылевшая столица вновь казалась центром цивилизации?!

Конечно, жить в Москве уже неважно. Это правда. Причин множество, одна цепляется за другую: и катастрофическое состояние экологии, и безысходная невозможность куда-либо добраться с сохраненным хорошим настроением, и хроническая нехватка денег в этом прожорливом и цинично пирующем городе-монстре, который если и не проглатывает, то надкусывает обязательно. А потом выплевывает...

Прав был преподобный Серафим Саровский, утверждавший: «Будет третья столица между Москвой и Петербургом». Значит, предчувствовал нечто святой старец?

Сегодня еще одна беда навалилась. Как-то так незаметно случилось, что люди из чуждого, в общем-то, мира, вдруг налетевшие, как голодные грачи, на русскую столицу, стали здесь жестко устанавливать свои особые порядки. Для москвичей «понаехавшие» все на одно вроде бы лицо. Лицо «кавказской национальности». Так в обиходе называют всех «южных», в том числе таджиков и узбеков.

Столичные жители, как известно, слезам не верят, поэтому не привыкли задумываться над тем, какие жизненные обстоятельства погнали всех *этих* в Москву. Как оказалось, не безграничную, не бездонную и в буквальном смысле «дорогую мою столицу». Всех пришлых поначалу восприняли как безответную и практически дармовую рабскую силу, готовую с энтузиазмом разгрести столичные помойки. В ответ *неместные* теперь в грош не ставят столичные привычки и порядки, а на захваченных рынках, превращенных в грязные вонючие базары, и вовсе беспредельничают: «Вах! Послушай, какой ты глупый человек! Зачем шашлык-машлык так долго нюхаешь? Его кушать надо, да...»

Продажным столичным ментам *эти* уверенно суют засаленную купюру: «Не мешай, дарагой, мне работать надо».

А власть из бронированных своих лимузинов, из-за спин телохранителей-мордоротов учит население толерантности. Это «птичье» слово теперь в большом оказалось ходу. Но ведь на самом-то деле *толерантность* — это не когда ты смиряешься с хамским поведением пришлых людей, а наоборот, когда новички живут по существующим законам — тихо и уважительно, не оскорбляя твоих исконных привычек...

О межнациональных конфликтах речь вроде бы пока не идет, но тучи над городом определенно сгущаются. И проблема вовсе не в расовых различиях и цвете кожи, — на вкус и цвет товарищей, как известно, нет, а в общечеловеческой,

но всегда личной культуре. Неважно, какой она, культура, «национальности». Как говаривал любимый мной и совсем «неместный» Фрунзик Мкртчян: «Я так думаю». И не один только я...

...И вот теперь мы стоим на крутом склоне еще безымянной для нас горы и, как на красивую картинку, смотрим на пронизанный солнцем знаменитый город-курорт.

У тебя идея: купить здесь дом с земельным участком и жить в окружении родственников. И ходить друг к другу в гости, одаривая милыми сюрпризами-безделушками. И сидеть за общим вечерним самоваром, и пить чай с вишневым вареньем, пересказывая друг другу «все-все» события дня. И вместе выращивать огурцы и картошку, и собирать грибы и орехи...

Твои молоденькие племянницы, третьи сутки иронично наблюдающие за нашими приценками к домам в курортной зоне, только хихикают втихомолку, когда ты озвучиваешь благостную эту перспективу. Какие грибы-орехи? Какие самовары в вишневом саду? Смешно все это. У каждого своих житейских проблем выше крыши, а тут тетушка московская явилась, не запылелась: шас! все сразу побросаем и огурцы-картошку садить начнем. Ты, вероятно, чувствуешь их глухое отторжение твоих прожектов, потому что вдруг легко соглашаешься на вовсе уж компромиссно малое: главное, чтобы все рядом были, вместе. Племянницы бесстрастно кивают, в свою очередь, соглашаясь с тобой, но, по лицам видно, — у них совсем другие приоритеты.

Похоже, мы переполошили все Кавминводы. В здешних агентствах недвижимости уж точно подозревают, что приехали из Москвы двое с таксой и мешком денег и скупают, не торгуясь, дома и участки. Пятигорск. Железноводск. Ессентуки. Дома в центре и на окраине. Мы ездим и смотрим. Московские номера на автомобиле, как везде на периферии, вызывают завистливое уважение. Мы уверенно стучим в ворота таких особняков, к каким в Подмоскovie и подходить-то страшно — проще к Елисейскому дворцу прицениться. И мы, собственно, только и прицениваемся, потому что реальных денег в кармане лишь на обратную дорогу...

Местные «неместные» здесь разительно отличаются от московских. Во-первых, мне показалось, что на этнической родине их теперь осталось даже меньше, чем проживает в столице. Во-вторых, это вполне рассудительные и достойные люди, а не отороженные беспредельщики, какими они становятся в Москве. Они обстоятельно отвечают на все наши вопросы, не выказывая удивления и никак не реагируя на

глупости, которые мы допускаем, не зная их обычаев. Они гостеприимно приглашают в дом, даже не собираясь его продавать, — чтобы «просто посмотреть». В Эссентуках наш Цезарь влетел в один из дворов, мимо которого мы проходили, и, захлебываясь лаем, стал охотиться на никогда им ранее не виданного красавца петуха. Когда у петуха уже перья из хвоста полетели, а я лихорадочно стал соображать, сколько с нас сдерут, обложив матом, за убиенную птицу, во двор неторопливо вышел усатый человек в папаче. Хозяин дома и петуха.

— Заходи, дорогой, не стесняйся, — сказал он мне. И, обращаясь к Цезарю, пошутил невозмутимо: — Зачем, сарделька-колбаса, так быстро бегаешь-лаешь?

Опомнившийся в это время петух вдруг орлом налетел на Цезаря, долбя его клювом и полосуюя шпорами. Песик, завершав, закрутился на месте. Человек в папаче, спасая Цезаря, ловко уцепил своего свирепого петуха за хвост и зашвырнул на крышу сарая.

— Убегай, колбаса, пока не поздно, — улыбаясь, сказал человек Цезарю, а меня любезно предупредил, что дальше по улице кавказские овчарки-волкодавы вполне могут встретиться: надо понимать, беспривязную московскую «колбасу» очень любящие...

Я стал извиняться за причиненное беспокойство, а человек приложил руку к сердцу:

— О чем говоришь, земляк! Душевно рад был тебя увидеть и так хорошо с тобой пообщаться...

Обычная кавказская дань вежливости. Возможно, и неискренняя. Но все равно неожиданно приятная и вызывающая ответное желание совершить что-то хорошее, пусть не немедленно, пусть в другом месте, но так же прижать руку к груди и сказать кому-то: «Рад тебя видеть, дорогой...»

...Кисловодск определенно лучший город всех Кавминвод. Уж если куда и переезжать из Москвы, то только сюда. Здесь мы сначала идем к нарзанному источнику и долго пьем отвратительную на вкус и запах целебную, как считается, воду. Цезарь тоже с удовольствием хлебает ее из специально купленной для него персональной кружки с носиком, чем и привлекает внимание одного из фотографов, которые здесь бойко предлагают свои услуги.

— Какой интересный собач, — говорит, подходя, жуликоватого вида парень с цифровым фотоаппаратом в руках. — Наверно, много денег стоит..

Он фотографирует пьющего воду Цезаря в разных ракурсах, а потом предлагает неожиданно:

— Слушай, дарагой, продай собак...

Цезарь парню приглянулся как будущая фотомодель. На рабочем его «пятакке», где он каждодневно увековечивает курортников, привязаны невообразимо грязная шустрая обезьяна и грустная облезлая лиса — привлекательный, как считается, изобразительный фон для любых фотосессий.

Унюхав лису и обезьяну, а запах от них в воздухе висит густой и острый, Цезарь утробно клокочет, показушно негодуя: «Пусти, хозяин, порву негодяев...» Но поводок, помня воинственного петуха, особо не тянет. Фотограф же продолжает бубнить:

— Мамою клянусь, ему хорошо тут будет...

Ты встречаешь в разговор, объясняя парню, что теперь нам всем тут будет хорошо. Фотограф смотрит на тебя сердито:

— Вах, женщина! Зачем мешаешь, когда мужчины беседуют, да?!

Не понимая многозначительности твоих слов, он цокает языком и, нахваливая Цезаря, все повышает цену.

— Извини, дорогой, — обнаруживаю я знания местного этикета и резко прекращаю торг. — Собака не продается, она член семьи...

Это сакраментальное «член семьи» для горского парня — святое. Как гость в сакле. Но он думает, что это я так шучу, поэтому продолжает рассказывать, «какой вкусный барашек этот длинный собак всегда кушать будет». Цезарь, развесив уши, очень внимательно выслушивает его обещания, а потом неторопливо подходит к парню и, подняв заднюю лапку, орошает его новую, украшенную стразами, кроссовку...

Хозяйка владения, карачаевка Лиза, к дому которой мы прицениваемся в Кисловодске, — твою тягу к «родственному общему огороду» подмечает сразу же и начинает активно нахваливать свой участок:

— Восемь соток! Что хочешь — сей-выращивай...

Участок на склоне горы невозделанный, здесь, может быть, сплошная каменная порода, поэтому-то — ни грядки, ни дерева. Я взглядом ищу лопату или мотыгу, чтобы вырыть яму и немедленно все выяснить, но садово-огородных инструментов здесь, похоже, никогда не водилось.

Лиза как-то бочком проводит нас мимо переполненного, а потому чрезвычайно вонючего дощатого сортира, встроенного в горный склон, и тоже очерчивает рукой, унизированной золотыми перстнями и кольцами, открывающийся вид на город:

— Где еще такую красоту найдешь? — Это она еще и твой восторг от пейзажа-панорамы приметила и уверенно набирует цену.

Лизины владения, собственно, самая окраина города. Рядом еще один только участок. И ты довольна: значит, не будет толпы опостылевших соседей, которые в Москве так изощренно капают на мозги и выматывают нервы. Во дворе соседнего дома ходят две коровы и шенок кавказского волкодава, подозрительно нас разглядывающий, а у ворот привязана лошадь.

— Как здорово! — еще больше радуешься ты такому обстоятельству. — Можно будет и парное молоко покупать, и на лошадке кататься...

Лиза после этих твоих слов расплывается в улыбке и торжественно ведет нас непосредственно к своим хоромам. Стены их испещрены длинными и глубокими трещинами, а крыша прогнулась, как на китайской пагоде. Проржавевшие трубы газовой подводки подвязаны какими-то гнилыми веревочками и держатся на одном только честном слове. В заднюю стену дома уперто бревно, которое, возможно, и сохраняет все это сооружение в полувертикальном положении, не давая ему окончательно развалиться.

Лиза, распознав во мне тертого подмосковного дачника, умеющего обращаться с отвесом и уровнем, внимание свое переключает исключительно на тебя:

— Отдам всего лишь за пять миллионов... рублей...

Она обиженно отворачивается, всем своим видом демонстрируя, что торговаться с бедной женщиной могут только откровенные негодяи — такие, например, как я...

Пять миллионов за «пейзаж» — это, конечно, дороговато. Вернее, это безумно дорого. Накануне я полночи штудировал «прайсы» местных агентств по недвижимости и знаю, что объявленное «всего лишь», как минимум, вдвое превышает красную цену.

Ты тоже осознаешь несуразность озвученной суммы, но пытаешься как-то ее обосновать:

— Смотри, смотри, да здесь и колодец есть на участке, — громко восторгаешься ты, словно мы заблудились где-то в знойной Сахаре, а не торгуемся в местности, где земля, по определению, переполнена водой, пусть даже и кислой, лечебной.

— Пять миллионов мы за московскую квартиру наверняка получим, — говоришь ты мне тихо и расчетливо. — И за дачу еще столько же возьмем. Можно будет все здесь отремонтировать и переделать...

И я вдруг осознаю, что ты давным-давно уже все для себя решила-распланировала и готова хоть к черту на кулички, хоть, как в омут, в любое неизведанное. И еще я понимаю,

что и у этого самого черта на куличках, и в омуте — неважно, тихом или бурном — места мне, если и отведено, то только самую малость. Ты не из Москвы рвешься, ты от нашей общей жизни убегаешь...

— Красотища! — говорю я каким-то фельдфебельским басом на склоне кисловодской горы. И, сцепив руки над головой в замок, хамски потягиваюсь: — Вау! Супер!

Я произношу эти популярные ныне слова-паразиты, от которых, знаю, тебя всегда тошнит.

От этих убудочных слов, ты тоже это знаешь, меня коржит не меньше. И сейчас это мой отчаянный тебе знак: любимая, давай опомнимся. Наша самонадеянная уверенность в «счастье завтрашнего дня», похоже, сыграла с нами злую и отвратительную шутку: мы как-то позабыли о сиюминутности жизни, о том, что сегодняшние раны завтрашними лекарствами не излечить. Банальная, может быть, но истина: жизнь — лотерея, где все зависит от случайно выпавшего выигрышного билета. Или не выпавшего...

Ты долго смотришь на меня с подозрительным недоумением, а потом чеканишь, словно вдалбливая в меня информацию из какого-то рекламного справочника, наверняка совравшего:

— Здесь триста! тридцать! солнечных! дней! в году!

И продолжаешь наблюдать, — как яотреагирую на эту совершенно невероятную климатическую особенность сакрального, можно сказать, места.

А ко мне привязались какие-то странные самопальные стишки: «Кислые воды — для счастья народа. На счастье народа, здесь нет огородов...» Сам я, что ли, сейчас сочинил эту немислимую глупость?

— Триста семьдесят... — вызывающе говорю я.

— Чего триста семьдесят? — переспрашиваешь ты удивленно.

— Триста семьдесят солнечных дней в году! — уточняю я уперто, прямо-таки нарываясь на негодующую твою реакцию: обличающий крик или защитные слезы.

Ты или не чувствуешь этой моей язвительности, или, как всегда, меня не слушаешь, или твердо решаешь не обострять отношений в такой ответственный момент и в таком замечательном месте.

Здесь, похоже, действительно нет пасмурных дней, а значит, ты в этом твердо уверена, — и пасмурной жизни тоже.

«Кислые воды — для счастья народа...»

— Вот, видишь! Видишь! Олег, ты видишь? — твердишь ты в настойчивом каком-то упоении, словно сомневаясь в моей

способности увидеть, прочувствовать и оценить всю эту ошеломительную красоту, к которой ты меня, в общем-то, привела насильно и которую теперь так восторженно демонстрируешь.

Я вижу...

Я смотрю на тебя, совершенно отчетливо понимая, что в нынешней своей, вроде бы радостной, экзальтации, ты все равно ощущаешь себя обиженной и обманувшейся Ассолью, когда-то давным-давно принявшей за алые какие-то совсем другого цвета паруса...

Или это мне просто так хочется думать, что паруса вообще когда-либо были?

...За ужином ты подробно рассказываешь обо всех наших хождениях, о приглянувшемся доме на горе. Пятигорские родственники, которые тридцать лет, приняв себя к тухлому сероводороду, прожили в курортном месте и которые хорошо знают, что и в самых солнечных краях жизнь очень часто черна и беспросветна, смотрят на нас как на не совсем нормальных людей. Вернее, как на совсем ненормальных, чокнутых. «Вот ведь зажрались все эти москвичи, — читаю я в их честных родственных взглядах, — с жиру бесятся...»

Ты в который раз объясняешь, как было бы здорово — «жить всем вместе, можно в разных домах, но по соседству». Про чай из самовара ты уже не упоминаешь. Потому что самовара отродясь не имелось, — ни у нас, ни у них...

В конце концов захмелевший свояк не выдерживает и высказывается вполне определенно:

— В гробу я видел все эти воздушные замки на горе! Мне вот эту — трехкомнатную! — квартиру дал завод, в ней газ, телефон и теплый сортир. И я эту квартиру — шиш на что променяю!

Каждый вечер он рассказывает нам бесконечную историю о своей бывлой ответственной деятельности на этом заводе, особо напоирая на то, каким уважением он тогда пользовался и как единодушно его избирали парторгом. Он и гордится этим своим прошлым, и одновременно зол на него. Потому что когда бывшие его однопартийцы, ставшие вдруг демократами, так же единодушно завод разворовали, то ему как «номенклатуре проклятого режима» достались самые крохи. Разве не обидно?

Свояк сурово выцеживает еще одну рюмаху водки и уходит спать, раздраженно хлопнув дверью.

Мы тоже укладываемся спать. Завтра возвращаться в Москву, где еще предстоят долгие казенные хлопоты в связи с окончательно принятым тобой решением...

Об очередной аварии, случившейся на печально знаменитой автодороге М-4, которая связывает юг России со столицей и официально именуется федеральной трассой «Дон», а неофициально — «Дорогой смерти», в милицейском отчете было сказано сухо и кратко: «Один человек, мужчина-водитель, погиб. Женщина-пассажир, пристегнутая ремнями безопасности на заднем сиденье справа, в аварии не пострадала».

О третьем существе, тоже находившемся в автомобиле в момент аварии и тоже не пострадавшем, таксе по кличке Цезарь, милиционеры вообще ничего не сообщали...

...Когда навстречу нашим «Жигулям» вылетела из ночи стремительная многотонная фура, я, уходя от лобового столкновения, резко крутанул руль вправо, подставляя под удар левый только бок автомобиля. И еще успел выдохнуть раздиравшее горло слово: «Люблю...»

Или не успел, а только подумал? Значит, ты, как обычно, меня не услышала...

ПРОЩАЛСЯ СТАРИК СО СТАРУХОЙ

РАССКАЗ

Поздно вечером, уже перед самым сном, Анохин поругался с женой да так и лёг спать, осерчав на неё. Даже «спокойной ночи» не сказал. Клавдия тоже характер выдержала, взяла своё вязанье и ушла на кухню. Зажгла для тепла горелку, включила на малый звук приёмник и, нацепив на нос очки, склонилась над клубком маленькую седую голову.

Утром, проснувшись, Анохин вспомнил вчерашнюю ссору и с досады потёр лоб. Ведь из-за чего поссорились, дураки? Из-за выборов! Лезут-лезут в Думу всякие, а жизнь что-то лучше не становится.

Анохин уже успокоенно глянул на часы; стрелки приближались к полудню, хотя заря за окном только-только занималась.

— Клань, чего-то часы стали бечь! — крикнул он жене.

Клавдия не отозвалась. «Дуется небось ещё», — решил он и приподнял голову от подушки. Кровать жены стояла заправленной.

«Вот неймётся человеку!» — опять начал заводиться старик и вылез из-под одеяла. Нашупал босыми ногами тапки, влез в них и, кряхтя, выпрямился.

ПРОЗА

Через коридор было видно, что на кухне горел свет. «Чего его спозаранку жечь? Лежала бы себе, пока не рассветёт. Дела, что ли, какие срочные?» — разворчался он и пошлёпал на кухню.

Старуха сидела у стола, чуть привалившись к холодильнику. Недовязанный свитер лежал у её ног. Руки в коричневых пятнах покоились на коленях.

— Просыпайсь! Прямо на ходу спишь! — незлобно пробормотал Анохин и прошёл к окну.

На широком подоконнике стоял графин с кипячёной водой. Он налил себе в стакан и выпил.

Клавдия не отзывалась. Увидев у самой батареи клубок шерстяных ниток, старик нагнулся, и поднял его. Повернулся к жене, посмотрел на неё со спокойным любопытством и, подойдя ближе, шутя ткнул клубком в плечо. Старуха даже не пошевелилась, только сползли с колен руки и, ударившись пальцами о табурет, безвольно повисли. Вялое сердце Анохина, почувствовав беду, замерло от ужаса. Клубок выпал из его рук и покотился через всю кухню к тому месту, с которого старик его только что поднял. Некоторое время Анохин стоял, впившись глазами в мёртвое лицо жены. Потом вдруг упал на колени и отчаянно зарыдал, забившись головой в её ноги.

...Хоронили старую женщину, как и полагается по христианскому обычаю, на третий день. Гроб несли соседи. Старик шёл за ними один, словно привыкая к наступающей пустоте. Следом — сыновья, родичи и знакомые покойной.

На дворе хоть и стоял ноябрь, но было тепло. Перепутав позднюю осень с весной, начали всходить озимые; почки на деревьях набухли и должны были вот-вот лопнуть. Анохин шёл с непокрытой головой, ветер слегка шевелил на ней жидкий белесый пух, стариковские глаза прищуривались и вздрагивали. Шаги давались тяжело, он молил Бога, чтобы достало ему силы выдержать этот путь.

На девятый день старик пригласил в дом подруг жены. На удивление, пришли все. Принесли с собой загодя приготовленные разносолы, и выставленного на столе оказалось столько, что впору хоть свадьбу справлять. Помянули, стали прошлое вспоминать. Радостей в нём, в прошлом, особенных не было. Но это была их молодость!..

— Я вот уж старая стала, — сказала одна из них. — Через палку свою уже падаю. Каждый день голова в кругах, это, говорят, склероз какой-то. А вот посмотрю на жизнь, — помирать не хочется.

— Это как Бог положит, — отозвалась другая. — Мой, думаешь, не хотел жить? А вот взял и помер. Да и то сказать — тяжёлая жизнь нам досталась. Один колхоз сколько жил вытянул! Работали без выпрагу, никаких выходных не знали, а пойдёшь за получкой — и ничего! Ох, и дурачили нашего брата!

— Как раньше жили — далеко не ровня, как сейчас живут, — поддакнула третья. — Тогда работали от зари до зари. Вон ты, Григорий, на что был мужик — дюжий, большой, плечистый, а вон как сейчас искалябился...

Анохин после её слов подумал о себе, вспомнил прожитую жизнь, но не стал раскрывать душу. Только топнул ногой, словно очнувшись от своих мыслей, вытянулся в струнку и вдруг нелепо, не к месту, запел: «Валенки, валенки, не подшиты, стареньки...»

Остановился на полуслове, замер и заплакал.

Старухи утешать не стали: пусть выплачется, легче будет. Вымыли посуду, составили всё на место и разошлись.

Прошёл первый месяц его одинокой жизни. На сороковины Анохин никого приглашать не стал. С утра ходил в церковь, поставил свечу за упокой и, купив по дороге бутылку красного вина, отправился один на кладбище.

Стоял бесснежный декабрь. Зима сиротствовала. Старик шёл не спеша, и эта дорога показалась ему длинней, чем вся его жизнь. У ворот кладбища он остановился, перевёл дух, перекрестился и шагнул под арку.

Могила жены уже не была крайней. За полтора месяца здесь нашли себе последний приют ещё несколько человек. Анохин покачал головой, вздохнул, обошёл несколько свежих холмиков и, обнаружив знакомых фамилий, вернулся к могиле жены. Очистил со скамейки снег, положил на неё рукавицы, чтобы было теплее, и сел. Откупорил бутылку, глотнул из горлышка раз, другой, и только после того, как почувствовал хмель в голове, заговорил с женой.

— Дома, Клань, у меня полный порядок. За квартиру уплачено. Кран починил. Окна на балконе вчерась законопатил. Сыновья прислали денег тебе на памятник, уже заказал. На годовщину поставим. Я на камне и для себя место оставил. Зачем, думаю, детям лишние траты на второй? Да и вдвоём уютнее вроде. Как под одним одеялом...

Впервые Клавдия слушала его, не перебивая, и у Анохина от этого на душе стало сладостно, тепло и легко. На соседней могиле закаркала ворона. Старик кинул ей хлеба, она его подхватила и улетела. На дальнем конце кладбища духовой оркестр, малость фальшивя, играл похоронный марш.

— Ещё один заселяется, — тяжело вздохнув, сказал старик. — Ничего, Клавушка, потерпи, скоро и я к тебе... Уж тогда-то грубого слова от меня больше не услышишь...

Он потянулся под лавку за бутылкой, как вдруг взгляд его упал на тропинку. Там, всматриваясь в его сторону, стояла женщина. Анохин поднялся, прищуриваясь, попытался взглянуть.

— Здравствуй, Григорий, — издали сказала женщина, и старик узнал её по голосу.

Это была Полина. Первая любовь Анохина. Своей жене никогда о ней не рассказывал, а история эта сидела занозой всю жизнь...

Недели за три до начала войны получил он свой первый солдатский отпуск. Родной город встретил его прекрасной погодой. Солдатом уже был, а, как мальчишка, весь отпуск провёл с друзьями на тёплой Коломенке. Там и познакомился с Полиной.

И это было... Это было, как в книжках, — что-то невыразимо светлое и прекрасное! В жарком сиянии дня лодочная станция казалась сказочным теремом. И солнце сверкало на плещущих волнах, и золотые отсветы ложились на борта лодок, на лица людей, на прибрежную зелень. И лодка плыла вверх по реке, и Анохин не чувствовал усталости.

Полина сидела перед ним, и золотистые блики играли на её чистой, тронутой лёгким загаром коже, на тёмно-русой чёлке, из-под которой смотрели большие карие глаза. И что-то чувствовалось в ней — в этом внимательном взгляде, в гибкой и ясной линии нежно-розовых губ, в тонких изящных руках — непонятное, загадочное, точно перед ним была иностранка.

А вечерами вместе ходили на танцы — в сквер на Комсомольской, и в разноцветных огоньках эстрады ещё более огромными и величественными казались кроны старинных деревьев. Здесь же был летний кинотеатр, и Анохин даже запомнил название ленты, которую они смотрели тогда вместе с Полиной: «Моя любовь»...

И горела вверху большая янтарная луна, и звёзды кружились около неё, и в воздухе пахло мёдом, точно луна была куском разломленных сот, а звёзды вокруг — пчёлками.

Когда до конца отпуска оставалось несколько дней, они пришли в загс. Свадьбу назначили на третье воскресенье июня, а в пятницу он застал Полину в слезах.

— Папу ночью арестовали, — услышал он сквозь рыдания. — Не до свадьбы теперь. Уезжай!..

Отец Полины работал каким-то начальником на заводе. Он был поволжский немец.

А следующим утром Анохин получил предписание немедленно вернуться в часть. Дивизион, где он служил, стоял у границы. А дальше была мясорубка войны, кровавый водоворот, позор отступления и дороги, дороги, дороги и потом — огромная стена чёрной вздыбленной земли. Госпиталь...

Домой вернулся женатым... Увидел Полину, сказал, что иначе поступить не мог, что эта женщина спасла ему жизнь...

Полина горько усмехнулась в ответ:

— Я за тебя каждый день Бога молила. С молитвой просыпалась, с ней и спать ложилась.

«Может, потому я и выжил?» — подумал Анохин, опуская глаза.

На том и расстались. Последний раз видел её мельком лет десять назад.

И вот — встретились.

— Здравствуй, Полинушка...

Она подошла к нему. В руке у неё старик заметил авоську; оттуда виднелись черенок деревянной лопатки и веник.

— Вот, видишь, похоронил...

— Знаю.

Она сказала это так сочувственно, что у Анохина дрогнуло сердце.

— Я своего тоже похоронила, — грустно произнесла Полина.

Помолчали.

— А ты всё такая же.

— Какая?

— Прежняя...

Она молчала, маленькая, продрогшая.

— Озябла?

Полина кивнула.

— Пойдём тогда? Может, к автобусу успеем.

Дорога от кладбища шла под уклон, а потом снова поднималась в гору. Справа тянулось вдоль дороги бесснежное поле. За ним вилась узкая полоса так и не замёрзшей реки. С той стороны дул пронизывающий ветер. Какая-то тяжесть давила сверху. Может, непогода сказывалась? А может, сиротливый вид открытой земли?

И снова, словно молния, вспыхнула в сознании цветная картина: озарённая солнцем лодочная станция, зелень, слепящая синева неба и воды. Как всё-таки давно это было! А всё равно помнится... И особенно тот, последний вечер. Ничего не сказал ей, уехал молча.

Анохин с трудом подавил в себе стон. Значит, давняя боль ещё жила в нём. Спросить Полину сейчас об этом? Просить прощения? Проклятая война!.. Ведь всё могло быть иначе!

— Прости, Полинушка...

— За что, Григорий? — удивилась она, вскинув брови. — Бог с тобой! Ты ничего мне плохого не сделал. Я всю жизнь была счастлива со своим мужем. Не стоит этого ворошить... Мы уж с тобой не то что не молоды, а даже лишку прихватили. Пойдем по домам!

Шло время, и однажды ночью случилось нечто, потрясшее его до самых глубин души. Среди неверной зыбкой полутьмы его чуткий и беспокойный сон вдруг оборвался. Анохин почувствовал какое-то веяние, точно кто-то прошёл по квартире.

— Кто здесь? — крикнул старик.

Тишина.

Но в этом молчании ясно и почти осязаемо ощущалось *присутствие*.

Старик оцепенел.

— Кланя?! Кланя! — воскликнул он, поднимаясь.

И тут же ощущение начало исчезать, растворяться, словно кто-то уходил, — неслышно, неудержимо.

— Прости, Кланя! — сказал Анохин.

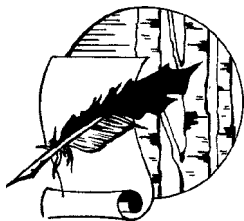
Никто не ответил.

Старик зажёл свет, обошёл квартиру. Пусто. На кухне накапал корвалолу, выпил. «Да... Так недолго и концы отдать. Что тут произошло?» И вдруг лезвием обожгла мысль: «Сегодня же сороковины! Ну да, она же в ночь умерла. Выходит, что же, — прощаться приходила? Весть о себе подать: мол, не горюй, живи? А я-то... Ах, срам какой!»

Анохин застонал и с досады помотал головой. Что это на него нашло сегодня, в самом деле? Правда ведь: жизнь прожита. И это *его*, Анохина, жизнь. Ведь прошлое на самом деле — не проходит. И мы не проходим. Так что же он заныл: вот вышла жизнь так, а не этак? Дурь это, самая настоящая дурь! Если изменить пути жизни, то это был бы уже не Анохин, а кто-то другой. Может, мудрость мира в том и заключается, что мы остаёмся сами собой? Поговорить с кем-нибудь надо или в церковь, что ли, сходить? Только бы дожить до рассвета.

Анохин подошёл к окну, вглядываясь в холодную тьму. Луна была окружена каким-то ореолом, и на нём можно было разобрать оттенки радуги. Коломна плыла под этим слепящим белым светом, под молчаливыми россыпями звёзд. И недвижимыми глухими скалами стояли тёмные громады домов. Двор молчал, словно колодец, заполненный гулкой темнотой. И только в квартире старика горело одно-единственное окно.

Словно подавая кому-то знак.

Николай РАЧКОВ

Я ВЕРЮ. Я ПЛАЧУ. Я ЖИВУ

* * *

Владимиру Крупину

По улицам Владикавказа
Бродили мы вдвоем с тобой.
Сквозь золотые листья вяза
Свет проливался голубой.

Мы шли — а вслед гремели ружья
Давно умолкнувшей войны.
Бросались в бой, редуты руша,
Кавказа вольные сыны.

Был слышен дух посмертной славы,
Кинжальный скрежет, дикий вскрик.
Здесь право утвердил Державы
Неудержимый русский штык.

В предгорьях гордого Казбека
Еще живут бывшие сны.
А мы с тобой другого века,
Сыны почти другой страны.

Те величавые преданья
Уже все тише, все бедней...
Мы горько слушали рыдания
Кровавой распри наших дней.

Они записаны подробно
В сердцах, ослепнувших от слез.
Выл Терек за спиною злобно,
Рычал, как цепь порвавший пес.

Но солнце ласково сияло,
И детский смех звенел в игре.
Ковры, подушки, одеяла
Спокойно сохли во дворе.

Мы белый хлеб с тобой ломали,
И вкусен был соленый сыр.
Мы русские. Мы крепко знали,
Чего нам стоил этот мир...

НА ОСЕТИНО-ГРУЗИНСКОЙ ГРАНИЦЕ

Здесь шли бои.
Вот здесь рванул фугас.
И рухнул дуб с горы в объятья долу.
И я надеюсь, что в последний раз
Здесь вновь прицельно разбомбили школу.

Границу запирают на замок.
Тревожат тишину
Лишь птичьи крики.
И я гляжу на кухонный дымок,
На заросли колючей ежевики.

Пляжу на отцветающий левкой,
На мальчиков усталых, запыленных.
Здесь мира нет.
Здесь держится покой
Пока на их не сломленных погонах.

УЧИТЕЛЬ

Поймите, не проситель,
Не грозный судия,
Стоит в стране учитель
На грани бытия.

Отбросим сантименты:
Стоит — да что с того?
Увы, все президенты
Забыли про него.

Стоит, поскольку совесть
Не продал никому.

Все фурсенки, озлобясь,
Стреляют по нему.

Вот-вот и рухнет скоро
У школы потолок.
Нет никакой опоры,
А он ведет урок.

Пусть бедным, но опрятным,
От славы вдалеке,
Ведет урок на внятном,
На русском языке.

Он бросить пост не смеет,
Он знает, что нельзя.
Разумное он сеет
И вечное, друзья.

Стыдитесь, бруды, гракхи,
Все трепачи страны,
Дельцы и олигархи, —
Вы все ему должны.

Он верит, что на свете
Не доллар и не газ,
Всего дороже — дети,
В них — продолженье нас.

Борясь за человека,
За свет в его душе,
Стоит под дулом века
Один на рубеже.

Почти один, учтите.
Высок его зарок...
Горжусь тобой,
Учитель,
Российский педагог.

* * *

И весело, и горемычно
Деревня много-много лет
Глядела из окна привычно
Во все глаза на белый свет...

...Иду по травам осторожно,
Зеленый стебелек жуя.
Здесь можно и сквозь годы, можно
Услышать запахи жилья.

Как будто здесь, где избы были,
Еще печной витает дым.
... Всех извели.
Все истребили.
Дух Родины — неистребим.

* * *

В этом мире слепому и зрящему
Есть один непреложный наказ:
Полюбите вы по-настоящему,
И не важно, полюбят ли вас.

Жизнь порой колесо неудобное,
Переедет судьбу — и не раз.
Только сделайте что-нибудь доброе,
И не важно, оценят ли вас.

Тихим вечером иль в непогодину,
И в счастливый, и в горестный час
За себя помолитесь, за Родину,
И не важно, услышат ли вас...

Константин КОЛЕДИН

НЕ ОСТЫВАЮЩИЙ РОДНИК

* * *

А тропинки грибные уводят за дальние дачи,
За лучистой опушкой осинник глубок и тенист.
И тебя вдруг поманит обманчивым взглядом удачи,
На траве еще чистой опавший заржавленный лист.

Неужели опять? Неужели так близко? И скоро
Вспыхнет пламя в печи, завывая с полен бересту.
И леса опустеют, и люди потянутся в город,
И прощальные птицы пойдут набирать высоту.

Неужели пройдет золотая пора потрясений,
И такие дожди, что хоть по лугу в лодке плыви.
И останется мне только вкрадчивый дождик осенний —
Затяжная улыбка уже отгремевшей любви.

* * *

Ветшает лес. Редет птица.
Мы каждый — трус или злодей.
Ну как, скажи, им защититься
От всевладычества людей?

Вот, сотряся поля и рощи,
Почти невидим и могуч,
Буравит путь бомбардировщик
Железным змеем между туч.

Как бесноватые сатиры,
Мы службу хищную несем.
Пронзаем землю, как вампиры,
И тайный сок ее сосем.

И беспощадною мережей
Мы цедим рыбу из морей.
Мы грудь земную сталью режем
И на огне печём зверей.

И в барабанные парады
Мы малодушно прячем страх,
И требуем себе награды,
И славим подлости в стихах,

Где мерзость жизни и отвага,
Земли болезненная дрожь...
Терпи, проклятая бумага,
Кровавой истины чертеж.

НА РЕКЕ

Безлунный час глухой порой совиной
Завесит окна рыхлой мешковиной.
И душным сном, и мраком обнимая,
В лицо мне дышит ночь слепо-глухая.

А за стеной, как Божье величанье,
Плывет реки великое молчанье.

Там берега, как башни крепостные.
Там непролазны заросли лесные.
Там догнивают старые причалы.
Там острова пусты и одичалы.

Но вдруг — плоты. Безудержная сила
Их ровный гул во мраке воскресила.
... И ночь предстала на подкове плёса —
Широкоглаза, тысячеголоса.

* * *

Тепло, но осень, дорогая.
И как прощально между гряд,
Глазами грустными мигая,
Цветы останние глядят.

Еще светлы заката соты,
И вечер мягкий, как платок,
Но ледяною позолотой
Сияет утренний восток.

И далеко,
И чернооко,
На всю округу,
За Оку,
Клекочет ворон одиноко
На голом каменном суку.

* * *

Не жена ты мне, не сестра.
Мы вдвоем сидим у костра.
И в сердцах у нас, теньше строк,
Тлеет памяти пепелок.

Угольками, словно во сне,
И тебе мигает, и мне.
Через сотни незримых сит
Осень тихая моросит.

Мы сидим у огня вдвоем...
Каждый думает о своем.

* * *

Плоскодонку вытяну на сушу.
Привяжу бечевку за причал.
Дикий сад сиренью лезет в душу.
Отчего он рано задичал?

У хозяйки — печень и мигрени,
У нее работа на дому.
Наломать кому-нибудь сирени?
А кому?..

* * *

Меньше и звука, и света.
Светоч небесный притух.
Выклевал маковку лета
Золотокрылый петух.

Неба сквозная палата
Сумерек ждет, а пока —
Красные своды заката
Выстроят в ряд облака.

Тяжесть последних соцветий
Нежным букетом совью.
Может, любовью посветит
Осень в родимом краю?

Сердца наивного враки.
Время печальной тоски.
И ни единой собаки —
Поговорить по-людски.

РОДНИК

И вдруг, от прочих глаз укрытый,
Окошко в памяти прожег,
За полусотню лет забытый,
Лесной каширский бочажок.

Там водоросли, как руками,
Крутили волны родника.
Зелеными глазами камни
Со дна глядели в облака.

И солнца острые осколки
Гоняли между белых глыб
Полупрозрачные иголки
Каких-то суетливых рыб.

И, словно в искрах полуденных,
Из недр таинственных печей
Всходило кипенье студеных
Не остывающих ключей.

ПРОВИНЦИЯ ОТЕЧЕСТВА

ОЧЕРКИ РУССКОЙ ЖИЗНИ

ПРИМЕТЫ ВРЕМЕНИ

По этим зарисовкам когда-нибудь потом можно будет составить представление о нашем времени, о людях, какими они стали за двадцать лет либерального реформирования и что они при этом чувствовали...

Двое мужчин выбирают навигатор в специализированном магазине электронной техники. Это такой прибор, который в автомобиле указывает водителю самый короткий путь из одного пункта в другой. Кому-то из друзей предстоит ехать в Казахстан. Поэтому они решают проконсультироваться у девушки-продавца и спросить, поможет ли навигатор ориентироваться в Казахстане.

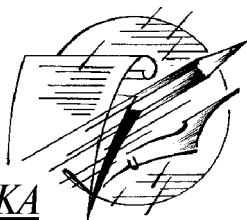
— А что такое Казахстан? — спрашивает девица недовольно, с подозрением поглядывая на мужчин.

Те теряются:

— Ну, это СНГ... республика такая...

— Это Россия? — продолжает допрашивать друзей «консультант».

— Нет, это не Россия, это... Казахстан...

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

— Ну, где это, где? — теряет терпение молодая особа. — На севере или, может быть, на юге? Говорите точнее...

Мужики совсем запутались. Они не представляют себе, что можно не знать, что такое Казахстан и где «это» находится. Поэтому предполагают, что консультант интересуется конкретной частью этой страны.

— Ты куда едешь — на север Казахстана или на юг? — спрашивает один.

— Да это, скорее, север. А что, навигатор действует не по всему Казахстану? — недоумевают они...

— Оттуда я знаю, если вы даже не можете объяснить, где он есть, это ваш Казахстан! — раздражается девушка, чем окончательно ставит в тупик покупателей. Они переглядываются и уходят...

И это при том, что молодежь якобы не вылезает из Интернета. Другое дело, что она там ищет. И каким будет следующее поколение, настоящим образованием которого уже никто не занимается...

Осень. Воскресный вечер. В полутемном городском автобусе мирно дремлет народ. Двое подвыпивших мужиков ведут беседу. Один сидит в кресле, другой стоит рядом.

— Витя! Ты где живёшь?! — вдруг восклицает тот, что по-прежнему, способный стоять.

— Как где? — озирается его друг.

— Где, где?! В каком времени? Неужели в 2011 году?! Давай-давай быстрее назад, лет на двадцать... А еще лучше, на тридцать или даже сорок. Быстрее, быстрее... Жить в 2011 году — **опасно для здоровья!** Понимаешь? Очень опасно. Так что возвращайся назад — я там, и оттуда — ни-ни...

НЕ БЫЛО БЫ СЧАСТЬЯ...

Избит в подъезде заместитель главного врача крупнейшей горбольницы. На улице обстреляны двое парней. Молодая женщина выбросила трехлетнюю дочь с балкона третьего этажа. И это не боевик, не детектив, это события только одной недели, произошедшие в нашей Липецкой области.

Агрессия овладела людьми. Пороки и авантюры, откровенное пренебрежение моралью и нравственностью, подлость и преступления не осуждаются обществом, а *обсуждаются*, обрастают словесным трёпом, как коконом, сквозь который уже не разглядеть, не понять, что же такое хорошо на этом свете, а что такое плохо.

Многომиллионную телевизионную аудиторию приучают к толерантности, снисходительности даже по отношению к откровенным подонкам и негодьям, превращая трагедию в фарс, а отсутствие нравственного закона в людях — в норму. И вот уже находятся защитники у убийц и воров, пьяниц и жуликов.

Расстреливают целыми семьями, не жалея младенцев: такое даже фашистам вменялось в особую жестокость. А нам говорят, что преступники были депутатами, радели за интересы народа.

Недавно в одном из липецких городков пьяная мамаша выбросила трехлетнюю дочь с балкона третьего этажа за поломку DVD -плеера, девочка лежит в реанимации в тяжелом состоянии. А нам рассказывают, что женщину только что бросил муж, она, мол, была в сильно расстроенных чувствах. И жалеют... «обеих»: мол, до чего человека «довели», собственным ребенком поступилась.

Бывший актер всю жизнь прогулял-пропьянствовал, потерял работу и квартиру, оставил трех жен с детьми, никак не участвуя в их воспитании. А нам внушают, что это именно он, оказывается, все годы страдал от невнимания общества и власти, и что это ему нужна сегодня помощь, в том числе и от «бессердечных» дочерей.

А чтобы в спланированном сценарии никаких сбоев не происходило, публика в телеаудитории заранее делится на тех, кто «за», и тех, кто «против». Смотрящие же в экран сначала отказываются верить, что абсурд — это нормально и что «по-волчьи жить — по-волчьи выть» — это закон времени, а потом проникаются и уже сами убеждают окружающих, что «по-другому сейчас нельзя».

Об этом с горечью рассказывает молодой мужик, крестьянин из деревни Набоково Александр Серёгин. Университетов он не кончал, но истину от лжи отличает. Тем более, жизнь побилла, потрепала, но не сломала его. А мог ведь спиться и развести руками: вот, мол, она, жестянка, как искорежила-то...

Удивительно, что в глухих, отдаленных от так называемой цивилизации сёлах встречаются еще такие основательные русские мужики, как этот Александр. Не испортили их ни свобода, ни демократия, ни телешоу с игрищами. Может быть, потому что они знают цену настоящей жизни и настоящему труду во имя её...

Пахали на земле и растили скотину отцы и деды Александра, пашет и целый двор живности содержит и он сам. Работал трактористом, за ненадобностью ушел на лесопилку, брался за любой труд, лишь бы платили. И чем меньше надежды

оставалось на государство, на сельхозпредприятия, разваленные, растащенные хитроумными дядями, тем больше уповал он на свои силы, на свое хозяйство, от которого многие отказались из-за его нерентабельности. Но в глубинке, где работы нет, подворье — хоть какой-то выход, какие-то возможности и семью обеспечить, и мало-мальски заработать.

А семья росла. После первой дочки, Юлии, родилась вторая, Анжела: жена любила звучные имена. Потом на свет появилась Инна. И всё бы хорошо, по-крестьянски, если бы жена не стала скучать. Мужик-то в трудах — то на работе, то во дворе возится, где и лошадь, и корова, и бычки, и поросята, и птица разная. Одних кормов заготовить на зиму — сколько надо убиваться. А ей только и оставалось, что детей рожать да нянчить их. А по телевизору такие страсти показывают, такую любовь...

После четвертой дочки жена совсем затосковала. Но он, конечно, не замечал ничего. Или не обращал внимания: времена молодости прошли. А семья — она и есть семья, ее содержать надо, на нее надо работать. Ну, иной раз и запьет «сам», как здесь говорят о главе семьи — с устатку там или с нужды. Но ведь с кем из русских мужиков это не случается. Однако и в себя скоро придет, и опять впряжется в работу.

И вдруг как гром с ясного неба: жена Александра ударилась в бег. Совратил её, за красивой жизнью поманил молодой родственник Саши с цыганской удалью в крови. Она же — для успокоения ли совести, по справедливости ли — взяла с собой и двух дочек: младшую, двухлетнюю Шуру, и старшую, восьмилетнюю Юлю. Сначала Саша хотел найти и убить жену с любовником. Потом, чего греха таить, запил. Но люди, деревня, глава сельсовета помогли ему встряхнуться и понять: теперь у детей есть только он, отец. Или сдавать их в детдом?! Особенно остро ощутил он свою ответственность за девочек, когда властью и тогда еще милицией беглянка, а с ней и две дочки были отысканы.

Девочки жили с мамой в кошмарных условиях, ибо влюбленная парочка не могла нигде устроиться по-человечески, и не для трудов праведных и семейного благополучия они ринулись из деревни. Дети в эту веселую разгульную любовь явно не вписывались. И когда их вернули отцу, а мамашу лишили родительских прав, все приняли это как должное...

Конечно, Саше трудно было одному с дочками. Но он справился. И через несколько лет уже не стеснялся, когда его называли отцом-одиночкой, а потом даже чествовали в областной администрации — «за верность отцовскому долгу». Информация об этом попала к Андрею Малахову, и тот пригласил

сил Серегинных на свою передачу «Пусть говорят». Александр категорически отказывался. Тот настаивал. Девчонки загорелись — бесплатно в Москву, да с ночевкой в гостинице! Деревня тоже забузила: про их набоковскую глубинку весь мир может узнать, а Сашка артачится. И он согласился.

Поехали всей семьей. Такого позора натерпелись, вспоминает он. Уже одно то, что Малахов и жену его нашел и тоже пригласил, и что она умудрялась при детях, после того, как бросила их, предъявлять ему какие-то претензии, было невыносимо. Но когда и в аудитории нашлись адвокаты и защитники женщины, поступившейся детьми ради любовника, этого он уже понять никак не мог.

Неужели понятия добра и зла, греха и целомудрия настолько размыты, что уже ничего не стыдно? — думал он. А после передачи к Александру и девочкам подходили люди, жали ему руку, говорили, что он молодец, извинялись, что вынуждены были занимать другую позицию по правилам игры. Тогда-то он и узнал, что по сценарию публика должна разделиться во мнениях, иначе не будет интриги, не будет спора и драки, а значит, и самого шоу, даже если он с приставкой «ток»...

Ну да ладно, утешал он сам себя, в Москву съездили, да еще 10 тысяч рублей «заработали». Ну а когда в деревню нагрнула телегруппа из ТНТ, так не выгонять же их было. Тем более опять всей деревней готовились: ремонт в доме сделали...

Однако фильм про отцов-одиночек, снятый телевизионщиками, еще раз круто изменил его судьбу: в Набоково пошел поток писем от молодых и не очень женщин, предлагающих Александру помощь, руку и сердце. Самара, Новосибирск, Омск — письма были отовсюду, с фотографиями и без, с номерами телефонов и обратными адресами. Он ответил на одно: без фотографии. Она прислала номер телефона. Он позвонил. Через некоторое время Клавдия из Оренбуржья приехала в гости.

— Сенцо помогнула собрать... — шутит он. А на деле приглянулись ему ее простота и искренность, женская чуткость и привычка к крестьянской, деревенской жизни, работе. Недолго погодя, они решили сойтись. Она съездила домой, забрала своего сынишку, трехлетнего тогда Данилку, — и вернулась. Сейчас в семье уже шестеро детей: полтора года назад родился Егорка. Старшая дочь учится в колледже, остальные девочки — школьницы. Двор по-прежнему полон скотины. Александр управляет по хозяйству, Клавдия — по дому и в огороде: разбила цветники в палисаднике, наготовила «варенье-соленьев» на зиму, дети ухожены, накормлены, чисто одеты.

И всё-таки добро и зло вполне различимы. Взвалить на себя четверых «чужих» детей — или выбросить с балкона собственного ребенка: какие могут быть по этому поводу дискуссии.

Хотя с Малахова станется: соберет компанию — и начнут мусолить, кто виноват в том, что девочка оказалась сброшенной с третьего этажа. Или в том, что бывшая жена Александра, отсидев в тюрьме за кражу, родила еще одного ребенка и отказалась от него. А потом вернулась в деревню, поселилась чуть ли не по соседству и уже нашла «доброжелателей», которые нашептывают девочкам, что родная-то мать их не та, что растит, а та, что родила. А «та» опять беременна.

Ну да ей теперь не привыкать: скоро в роддомах такие коробочки сделают, где можно будет оставлять новорожденных детишек без угрозы для их жизни и здоровья. Положил втихаря, чтобы никому в глаза не смотреть, и гуляй себе дальше без зазрения совести. Просто, слишком просто теперь отказаться от ребенка...

КОМУ ЧТО, А ВШИВОМУ — БАНЯ

Кто о чем, а вшивый о бане. Пока единые, справедливые, либеральные и иные собирали и подсчитывали голоса, люди продолжали жить своей жизнью. И половине избирателей России в этой жизни оказалось вообще не до выборов. В том числе и по причине отсутствия бани...

А что вы думаете — это шутка, когда народу в деревне помыться негде? Расслоение общества начинается в самом низу: на тех, у кого супчик жидковат, вода в уличной колонке, а удобства — нужник и выгребная яма — во дворе, и тех, у кого жемчуг мелковат, а под крышей дома чего только нет: несколько санузлов с золочеными теплыми унитазами, душ Шарко, джакузи, сауна, бассейн, а под боком — собственный природный водоем и лесной массив.

Да, есть в сельской местности люди преуспевающие, выстроившие дворцы со всеми европейскими причиндалами. Но в основном живет там народ небогатый, с пенсиями и зарплатами в 5—6 тысяч рублей. Электричество по-прежнему остается для них самым доступным благом цивилизации. Но подключить новый дом к току стоит 16 тысяч рублей, провести электрификацию внутри — еще деньги. Так что слава плану ГОЭЛРО, осветившему деревню давным-давно. Хотя уличные фонари там по-прежнему в дефиците...

Водопровод для многих сел и деревень — несбыточная роскошь. Уже хотя бы потому, что его нет. Как были испокон веков колодцы, так и остались. Канализация как таковая

отсутствует даже в райцентрах! Газ... Газ в области есть. Причем практически на всей территории: тут руководители региона постарались. Другое дело, что прежде чем газифицировать старое жилье, особенно если оно не кирпичное, нужно выстроить котельную, приобрести газовую колонку, трубы, радиаторы, подключиться к магистральной трубе, если она новая, провести обвязку дома, установить и уложить всё это добро как и где полагается. Можете себе представить, сколько это стоит?

Старики выбирают вариант подешевле: подключают к газопроводу плиту и форсунку в печи. Правда, для этого надо переложить печь, но социальная служба помогает одиноким и малоимущим. Включаешь форсунку — печь нагревается: чистота, а дрова и уголь отменяются. Ну а что сыровато в углах и холодновато в комнате, что оплата за газ высоковата — с этим можно смириться.

Хочу отметить: деревня — это не только отживающие свой век старики. Это и молодые люди, не нашедшие себе работы и жилья в городе и рванувшие в село на огород и подворье: худо ли бедно, а прокормишься. Это новоиспеченные пенсионеры по 55 и чуть более лет, оставившие квартиры детям и внукам из-за отсутствия всякой перспективы обрести крышу по нынешним ценам и честным заработкам. Это многодетные и приемные семьи, предпочитающие свой дом и травку, где можно поднимать ребятишек. Это фермеры и предприниматели, владельцы крестьянских хозяйств, не хватающие звезд с неба, но живущие и работающие на земле, да еще и обеспечивающие рабочие места землякам. Они тоже строятся в селе. И тоже платят за проведение коммуникаций и дальнейшие коммунальные услуги большие деньги: тарифы за всё установлены разбойничьи.

Собственными банями обзавелись далеко не все, душ и ванна при повсеместном отсутствии канализации — дело тоже накладное. А публичные бани, эти острова русского деревенского быта, закрывают. Раньше по субботам-воскресеньям семьи гуськом, с вениками и тазиками, неспехом прогуливались по селу, встречались со знакомыми, да и в баньке удавалось поговорить, пообщаться. Распаренные, чистые, довольные, возвращались домой, пили чай с вареньем — если это, по Розанову, зима. И квас — если это лето. Нынче бани в большинстве своем закрыты: невыгодно!

...Татьяна Тинякова с мужем тоже вернулись в деревенский родительский дом, чтобы детям и внукам в городе было просторнее. Живут они в селе с ранней весны до поздней осени, да и зимой нередко обретаются в деревне. Люди они еще

не старые, но за свои скромные доходы смогли лишь восстановить стены и крышу дома. На удобства денег не хватает, за водой ходят на колонку. Поначалу их было две, на одном и другом концах улицы. Потом одна колонка вышла из строя, её «заморозили». А другая мешает соседям, которым надоело вечное снование людей за водой мимо их ухоженного и добротного дома со всеми удобствами: «ходят тут всякие, травку вытаптывают...» И они предпринимают всяческие усилия, чтобы перекрыть доступ к колонке: запруживают подходы, например. Или «помогают» ей ломаться. Тем более это не сложно. Татьяна Ивановна боится, что они с мужем останутся без воды. Поэтому организовала коллективное обращение таких же бедолаг к главе сельской администрации с просьбой защитить их интересы.

— Ну и задолбали вы меня с этой водой! — отвечивал властный муж. — Да возьмите и проведите в дом водопровод!

И тут женщина горько заплакала:

— А у нас нет для этого денег...

Странные эти люди, денег у них нет. При чем тут их деньги, их колонки, бани и вообще их проблемы, когда только выборы прошли! Все обсуждают проценты, делят места и должности, комментируют итоги и перспективы, а тут такая несознательность. Подумаешь, без воды останутся. Да хоть без хлеба, лишь бы на выборы ходили. И голосовали бы как следует...

БАБА ЯГА

Уже больше десяти лет пустует домик бабы Насти. Маленький дощатый домик, в котором она жила одна-одиношенька, никого не пуская на порог. Все звали её Бабой Ягой...

Нос крючком, под грязным, выдавшим виды платком — пучок волос, сутулая грузноватая фигура, темные, изношенные до дыр одежды: ну чем не Баба Яга? К тому же она не любила хулиганистых мальчишек и собак — и те, и другие шумны и непредсказуемы. А Бабе Яге нужна тишина. А еще ночь и прохлада. Без вольного воздуха Баба Яга сохнет, чахнет и силу свою колдовскую теряет.

А она ей ох как нужна. Правда, нам, простым людям, не совсем понятно, зачем. Однако же для чего-то существует это ягинское племя? Может, они грибы в лесу наколдывают: вчера еще не было, а с утра — глянть, уже стоит целая семейка эдаких крепышей в коричневых шляпках...

А может, Бабе Яге сила колдовская нужна, чтобы боль мира заговаривать или рассвет подготавливать, с луной переговаривать...

ваться, прощаться до новой встречи? Кто знает, что вообще на белом свете творилось бы, не совершай они какого-то своего ягинского дела. А ведь всё реже встретишь такую настоящую Бабу Ягу, какой была баба Настя. И нельзя сказать, что мир становится от этого лучше...

Нет, конечно, Бабами Ягами не рождаются. Они появляются на свет очень похожими на остальных младенцев, потом становятся маленькими девочками. Но уже тогда в них можно угадать Бабок Ёжек — с колючим взглядом, колючим носиком, колючим локотком, колючими коленками...

Растет такая Бабка Ёжка дичком, смотрит исподлобья, но, повзрослев, может даже замуж выйти. Но дети у них рождаются редко, мужья уходят, и постепенно они отдаляются от людей, пока не остаются совсем одни.

Что-то постоянно происходит с ними такое, что чужого взгляда начинают сторониться. Тщательно скрывая свою ягинскую тайну, они никого близко к себе не подпускают, в дом к ним проникнуть почти невозможно. А если и получится, то увидишь там сплошной беспорядок и кавардак. Но не дай Бог предложить Бабе Яге помощь с уборкой или стиркой: они этого страсть как не любят!

Ведь на самом деле у них в жилищах во всем самый настоящий ягинский порядок, а чтобы никто в нем ничего не нарушил и не разглядел то, что другим нельзя видеть, они не включают свет, не протирают пыль и очень любят пауков, позволяя им густой паутиной затягивать окна, углы и все секретные места, где прячет Баба Яга свои самые ценные колдовские штучки, о которых она никому даже не рассказывает.

Во дворе Баба Яга нагромождает горы всяческого хлама, чтобы ни пройти было, ни проехать, и к домишке ее не приблизиться. Дружит Баба Яга только с кошками: потому что они похожи — гуляют сами по себе, любят ночь и вольный воздух и терпеть не могут собак.

Деньги Бабе Яге ни к чему: вкусного она не ест, в новое не рядится, на мягком не спит, в тепле косточки не греет, но про черный день деньги копит. Хотя какой черный день может быть у Бабы Яги?!

Болезней она не боится, лечится травами, корешками, росами и колдовским словом. Даже в самую глухую ночь в ее крохотном оконце сквозь плотную паутинную занавеску мерцает тусклый загадочный огонек — то ли лучина горит, то ли глаза кошачьи светятся. Над чем-то Баба Яга там ворожит, а перед восходом солнца идет на прогулку — в лес, за речку...

Баню она не признает, вообще не моется — ей и так хорошо. А другим она редко на глаза попадается: ночью люди

добрые спят, а днем она сама в своей избе отсыпается. Так и баба Настя — увидеть ее можно было только рано утром, когда она грузно вышагивала в сторону леса, по мосту через реку Воронеж, чтобы вернуться с охапкой дров, которые она собирала каждый день зимой и летом. Хотя на подступах к избушке давно уже высилась гора деревянного хлама.

Бревна, жерди, стволы и сучья разных размеров и конфигураций загромождали всю территорию от дороги до порога ее жилища. Только сама баба Настя — как представили мне ее соседи — знала, как беспрепятственно пробраться сквозь этот лабиринт. А он служил ей и забором, и сигнализацией: попробуй беззвучно преодолеть такие завалы! — и местом для отдыха: на каком-нибудь пеньке, — и стратегическим запасом оружия: как для защиты, так и для нападения на озорничавших мальчишек или голодных собак, которые иногда прорывались через «кордон».

Реже всего использовала баба Настя свои запасы для отопления. Печь даже в лютые морозы она растапливала пару раз в... неделю. Долго выбирала подходящую дровину или распиливала ее, подбирала несколько хворостин посуше — и торжественно заносила в избу. Через некоторое время над трубой взметывался тоненький дымок — и в эту ночь за бабу Настю можно было не беспокоиться. В иные же ночи страшно было подумать, как чувствует себя эта странная старуха в кромешной тьме и диком холоде...

Кто знал ее — побаивался, стараясь не задевать. А кто не знал и шел напролом — быстро «знакомился». Огреет его бабушка дубинкой потолще — и долго еще человек обходит стороной неказистый домишко с его хитрым «защитным устройством» и злобной старухой, зорко стерегущей свои владения...

При ближайшем рассмотрении — а она сама подошла ко мне на дороге — у бабы Насти оказались цепкие настороженные глазки, острый, выдающийся вперед подбородок и узкие плотно сжатые уголками вниз губы. С большим свисающим носом, сгорбленной спиной, шаркающей походкой, беззубая, с крепким батоном в руках старуха и впрямь производила устрашающее впечатление. Но где-то глубоко в глазах гнездилась лукавая улыбка — и я на нее ответила. С тех пор мы подружились. Насколько это вообще возможно в отношениях с Бабой Ягой...

В основном она общалась с кошками. На каком-то понятном только им языке. И они платили ей привязанностью. Одной кошке она даже сделала... кесарево сечение: та не могла родить, и баба Настя ее прооперировала! Без наркоза. Спасла и кошку, и котят. Но большого количества мурок у нее не

водилось: малышню она незаметно пристраивала по дворам, ведь кошек надо было чем-то кормить...

Одетая всегда в невероятные лохмотья, она иногда вздумывала пофорсить. И тогда на свет божий извлекались какие-то несурзные наряды типа старинной полуоблезлой шубы, если это зима, или мятого полупрозрачного пеньюара с замызганными кружевами, если это лето, который она надевала в качестве легкого платья, оставаясь при этом в шерстяных носках грубой вязки и столетней давности и в хлюпающих, огромного размера калошах на ногах...

Но задора у бабы Насти хватало ненадолго. Через час-другой «хождения в молодость» — по главной улице села! среди бела дня! — она снимала с себя эти свидетельства своего бывшего благополучия. И вот уже ее нет. И темнота в окошках. И рано поутру она опять бредет по дороге в чем-то убогом, лоснящемся и нищем, с кичкой на голове под ветхим платком и подпоясанная старой бельевой веревкой... Вышаркивает в сторону своего любимого леса с горбылем в руке, независимая и упрямая...

Встречались мы редко, но, оказалось, баба Настя любила иногда поговорить. Постепенно она открыла мне тайну своей жизни. Давно, еще перед войной, когда все звали ее просто Настей и ничего ягинского в ее облике не было, уехала она из родного села в Подмосковье, где жили родственники мамы. Училась, работала — а потом ушла на фронт. Три года служила зенитчицей, прошла испытания болью и страхом, кровью и смертью боевых подруг и друзей.

А после войны вышла замуж и стала жить с мужем в Таллине, в далекой и чужой теперь Эстонии. Однако счастье не давалось ей в руки: суждена была ей доля ягинская, ой суждена. Красивый муж засматривался на сторону, а потом и вовсе пустился во все тяжкие. Крошку-дочку Господь прибрал, и осталась она на белом свете одна-одинешенька. Вот тогда-то и пристратилась к долгим пешим прогулкам, любила холодный сырой воздух, ветер, синие сумерки. Дома ее никто не ждал, и она исходила старинный уютный город вдоль и поперек. Много читала, особенно любила Драйзера: у того много про несчастную любовь написано. Сюжеты романов помнила так точно, словно сама была их героиней...

Уйдя на пенсию, развелась с мужем и приехала на родину. Купила самый захудалый и дешевый домик: на лучший не было денег. Давно привыкнув к одиночеству и равнодушию окружающих, и сама махнула на себя рукой. Никого не привечала, ничего не просила, не одолжалась. Сначала ее объявили странной, потом сумасшедшей, ко времени нашего зна-

комства ее все звали Бабой Ягой. Сердце ее не озлобилось, нет, просто она научилась его урезонивать, заговаривать, чтобы выжить, устоять перед обидой, злобою, наветом...

Обходилась малым: ни света, ни воды в избушке не было, к холоду привыкла, ела хлеб, пила только сырую воду. За едой для кошек она приноровилась ходить в столовую, где стали подкармливать и ее. Пенсия у нее была крохотная. А ведь она фронтовичка, но почему-то не получает положенную ей достойную пенсию.

— Не хочю, — ответила она. — Нынче много героев, подвигами своими похваляются. А пусть-ка они на обычную стариковскую пенсию поживут, вот это будет подвиг. Да и что мне надо? У меня всё есть!

И на следующий день разложила — якобы для просушки, чего никогда не делала, — на своих бревнах новенькое одеялко, небольшой коврик, не старый еще матрац. Видимо, ей всё-таки хотелось показать мне, что ничто человеческое ей не чуждо и что у нее и впрямь есть всё...

Я приносила ей газеты, подкладывая их под заранее оговоренную корягу, и иногда мы с ней обсуждали какую-нибудь публикацию. Каждую весну я снабжала ее помидорной рассадой, которую сама выращивала. И несколько помирных кустиков, высаженных ею у домика, на всё лето становились предметом ее неусыпных бдений и радений: чем-то они ей очень нравились. Но осенью я приносила и ставила ей на порог целую коробку томатов («как раз по моим зубам», радовалась она). Вернуть долг баба Настя пыталась полудикими кислющими яблоками с единственной, такой же замшелой как она, яблони, растущей под ее слепым окошком невесты с каких пор: баба Настя не любила быть обязанной.

Меня поразила ее судьба — и я написала о ней в районную газету. Что тут началось! Да не может участница войны жить в такой развалюхе и отказываться от повышенной пенсии, влача жалкое существование! Да чтоб без света! Да в рубище! Начались какие-то проверки. Непокойно стало на душе и у меня. Мол, сумасшедшая Баба Яга наплела почем зря, а я ей фронтовую биографию, геройские подвиги приписала, народ взбаламутила. Военкомат разослал запросы в архивы. Оттуда подтвердили: да, фронтовичка, три года воевала, боевое прошлое не подлежит никакому сомнению. Сделали запрос в Таллин: когда заключила брак, когда расторгла, какие фамилии носила. Всё сошлось.

Так что успела Анастасия Ивановна и на ветеранскую пенсию побарствовать. И даже вкусить славы: ее стали приглашать на торжества по случаю Победы, чествовали как фронтовичку. Она приходила в замызганной одежде и с улыбкой наблюдала, с каким недоумением посматривают на нее чи-

новники. Никому не позволила ни отремонтировать развалюху, ни навести там порядок. По утрам уходила в лес, была всё так же нелюдима и загадочна.

Но повышенная пенсия оказалась кстати: закрылась столовая — и баба Настя покупала в магазине творог, кефир, сметану, баловала кошек. Всегда показывала мне, что купила. А потом вынимала деньги из кармана и спрашивала:

— Хочешь, одолжу?

Видимо, из солидарности: я, приехав тоже из Прибалтики, жила тогда в избе не многим лучше ее халупки.

Однако непривычное для нее внимание не пошло ей на пользу, а может, время ее подоспело, но только согнулась баба Настя пуще прежнего, пытливые ее глазки заслезились, вся она погрузнела, ходила медленно и неуверенно. Уже не наряжалась, не форсила, как прежде. И даже побывала у врача...

— Я тебе свой дом отпишу! — сказала она однажды со смехом. А мне стало грустно. Я уехала, а она в ту же зиму умерла. Никто и не заметил.

Хватились, а дом заперт, внутри тишина. Баба Настя отошла в мир иной в полном одиночестве и темноте, в нетопленной каморке: печь ее развалилась! О чем она жалела, кого вспоминала в последние свои жизненные мгновенья? Кто знает. Может, что-то ягинское нашептывала, а может, человеческие слезы проливала от бессилия и тоски...

А домишко свой она мне не отписала. Забыла, наверное. Стала ее избушка жалкой и убогой. Но долго еще мерцал в ее оконце тихий, неземной какой-то свет. А потом поселились в ней бомжи. Наладили печку, распилили старухин «боевой» запас. Стопили его. Но в лес по дрова сами ходить не стали: так и замерзли однажды в морозную ночь. Больше на избушку никто не позарился.

Когда проезжаю мимо, всегда вспоминаю эту странную милую Бабу Ягу — Анастасию Ивановну. Странную старуху со скверным характером, которая так долго портила районную отчетность. А она просто жила — как отшельница, как постница, как русская горемычная баба, которая под пулями не кланялась, перед мужиком не унижалась, перед людьми свое достоинство блюла, как умела. Все звали ее Бабой Ягой. А я думаю, у нее было очень ранимое сердце...

ПОЧЕМУ НАМ ВСЕГО МАЛО?

День российской печати ознаменовался у нас незаурядным для провинции событием: ночью был обстрелян дом известного журналиста...

Прославился журналист не скандальными публикациями, не светскими сплетнями и даже не криминальными расследованиями. А тем, что, несмотря на молодость, является, прежде всего, профессионалом в той сфере, о которой пишет.

Причем сфера эта никак не связана с шоу- или иным денежным бизнесом, спортом, сомнительными развлечениями. Не занимается он и политикой в чистом виде, за которую мог пострадать. Да и какая такая политика на периферии, чтоб за неё — стрелять?!

Зависть? Ну, молод, ну, холост, ну, победил в одной из номинаций областного конкурса по итогам года — но ведь ерунда.

Богат? Не смешите. Квартирка в областном центре, дом в селе за 40 км от города, где он прописан и куда стремится по выходным после рабочей недели, к маме с папой и брату. Ни машины, ни тем более виллы на Средиземном море.

Женщины? Да не особенно он и любвеобилен, в отношениях с особами противоположного пола спокоен, ровен, но и в нетрадиционных связях не замечен: вряд ли мог вызвать столь злобную ревность или месть.

Итак, не профессиональная деятельность причиной, хотя ох как притягательно пойти по этому «следу», поднять шум на весь мир: журналистов «забижают»! Ведь и День печати, и первый приз, и публикации подтянуть можно: мол, не угодил, похвалил не тех, или мало похвалил. Потому как ругать сейчас в прессе не принято. Ни в «белой», ни в «желтой».

Не разборки с партнерами по бизнесу. Не пороки и страсти: в азартные игры не играет, любимое занятие — вы не поверите! — на своей земельке что-то сажать, растить-выхаживать, вплоть от картошки до цветов. Тогда что же?

Парень после рабочей недели приезжает в родное село на выходные, ужинает с родными, спокойно себе укладывается в койку — и вдруг среди ночи просыпается от выстрелов по окнам. Ничего себе, улица разбитых фонарей! Хотя фонари как раз были целы: именно при их свете он заметил отъезжающую от дома машину.

Человек он грамотный, сразу позвонил в милицию. «следаки» долго не мудрствовали: всё расспросили, записали и уехали. Не буду грешить на полицию, доподлинно всего не знаю. По телевизору смотришь — дотошные такие ребята, и окурочек подберут, и следы сфотографируют, и по отпечаткам шин на снегу авто разгадают. У нашего потерпевшего спросили, видел ли он, какая была машина. Он только разглядел, что серая...

— Ну, серая... — разочарованно протянул «следопыт». — Мало ли их, серых...

Конечно, если бы он марку машины назвал, её номер и владельца, цены бы ему не было. Хотя не факт, что это помогло бы следствию. Тут вспоминается сюжет из телевизионных «шести кадров»: жертва нападения умирает, а милиционеры спрашивают, не видел ли он убийцу. Тот на последнем издыхании выдает им и убийцу, и машину, и адрес, не успев сообщить только номер квартиры.

— Эх, — вздохнули те, — еще один «висяк». Или «глухарь», как там у них называется...

В общем, никто после той ночи к парню не приехал, при свете дня обстановку не расследовал. Да и чего стараться-то: не убили же. Подумаешь, окошки пострадали.

Тройные стеклопакеты пробить насквозь не удалось — вот что значит предусмотрительность нашего героя. Мог ведь и двойные поставить, но во всем ему хочется «дойти до самой сути». Вот и решил, что три стекла в раме — лучше, чем два. Теплее. А что против пуль крепче — так об этом он ни сном, ни духом. Кому надо стрелять в окна провинциального журналиста, да еще из пневматического оружия? Попугать захотели? Опять непонятно: за что?

Да и стреляли не профаны, пули летели одна к одной, и по два стекла пробивали. Могло ведь дело и трагически закончиться, но не хочется об этом и думать...

Видимо, не хочется и тем, кто всё-таки должен был думать. Строить версии. Искать мотивы. Может быть, они сейчас как раз над этим работают. Тайно. Не афишируя. Так, что об этом не догадываются даже сами обстрелянные. А слухи тем временем разные идут. Кто-то всё-таки связывает обстрел с профессиональной деятельностью молодого человека. Кто-то утверждает, что пошутили. Кому-то кажется, что нечего делать из мухи слона: ничего же, слава Богу, не случилось, и о чем тут говорить...

Сам он рассуждает трезво: это действительно не покушение, и скорее всего впрямь хотели попугать, хотя и вполне «по-взрослому». Самая реальная ниточка ведет к соседским разборкам: уже несколько лет они между поделить не могут. Делят солидно, от одного судебного заседания к другому, от другого к третьему. Сложным дело оказалось: никак суд не разберется, кто на чужую землю позарился.

В чем загвоздка — непонятно. Бывают дела и посложнее. А тут за между — противостояние неразрешимое. Пищу сейчас и думаю: а ведь не все уже знают, что такое межа. Это граница между двумя участками: шаг влево, шаг вправо — расстрел. Ну, это так, образно.

В общем, всё это действительно может быть связано с полоской земли в метр шириной. Не буду вдаваться в подроб-

ности, разясняя, почему наш герой не уступает эту полоску. Тем более не всё от него зависит: дом и участок принадлежат родителям, парень там просто прописан. Спор, что называется, давешний, со стороны всё кажется проще.

Тут вопрос в другом. Вернее, два вопроса. Или даже три. Почему у нас так долго тянут судебные разбирательства, что люди уже сами начинают решать свои распри, по старинке: кто сильнее, тот и прав? Почему надо ждать, пока случится непоправимое, чтобы принять решительные меры? И последний: доколе же нам земли будет мало на этом свете, когда её вокруг — необозримое пространство?..

На эту — последнюю — тему хорошо философствовать на природе, когда глядишь-глядишь вдаль, и конца-края этой дали не видно. Или когда гуляешь по зимнему парку и замираешь от красоты: неужели, думаешь, люди перестали чувствовать восторг и благодарность за жизнь? Неужели для того, чтобы быть счастливым, надо непременно прирезать себе кусок чужого участка, владеть лишней соткой и вожделеть еще об одной?

Почему нам всего мало — земли, денег, счастья? До такой степени, что надо стрелять в тех, кого даже не ненавидишь, а то и вообще не знаешь: только из-за того, что тебе на этом свете чего-то не хватает.

Господи, какие простые, наивные вопросы — и какие неразрешимые...

МОНАШЕСКИЙ КРЕСТ

Перед самым Новым годом в одном из монастырей области произошло чрезвычайное событие: умерли две монахини, а хватились их только через... три недели.

...Оля человек простой, работает кладовщицей в редакции. Улыбчивая, жизнерадостная, она в одночасье сникла, потускнела, и на лице её появилось выражение какого-то тягостного недоумения. Оказалось, в монастыре умерли ее мать и сестра — монахини Ирина и Марина. Однако целых три недели никто не замечал их отсутствия. Как это могло случиться? Ведь монастырь — не городская многоэтажка, где соседи не знают друг друга, прячась по вечерам за двойные металлические двери и незаметно расходясь рано поутру по своим работам и делам.

Монастырь — это святая обитель, там живет *братия*, вместе молятся, вместе трапезничают, послушания опять же не в одиночку исполняют. Там же верующие, божьи люди, ради спасения души оставившие этот суетный греховный мир.

Неужели болезни общества — равнодушие и сосредоточенность на себе, своих бедах и тяготах — охватили и православные общины, где тоже стали жить по принципу «Моя келья с краю — ничего не знаю»?

Этот вопрос мучает и Олю, а когда она впервые приехала в монастырь после страшного известия, с ней случилась истерика. Только после соборования она потихоньку пришла в себя, но ответ на свой вопрос так и не получила. Потому что в монастыре и сами не знают, как такое могло произойти...

Там все настолько подавлены, потрясены случившимся и собственным невольным безучастием к судьбе сестёр, что никакие объяснения и даже раскаяния не умаляют их великого прегрешения против того самого ближнего, возлюбить которого больше себя оказывается невероятно сложно, почти невозможно.

Оправданий в монастыре не ищут, строго спрашивают с самих себя за покинутасть насельниц, за их страдальческую кончину и за всё, что последовало после неё. Хотя некоторые обстоятельства проливают свет на происшедшее.

Матушка Марина много лет назад приняла постриг и самоотверженно помогала насельникам справляться с болезнями: она была медсестрой. На похоронах все со слезами вспоминали, сколько добра сделала она за свою подвижническую жизнь, как безотказна была и открыта всем, кто в ней нуждался.

Несколько лет назад постриг приняла и ее мать, поменяв свое мирское имя Варвара на монашеское — Ирина. Но, видимо, на роду ей были написаны мученические испытания и болезни. Все заботы о матери легли на Марину. Жили они в мужском монастыре, где матушка Марина исполняла свое послушание, будучи настоящей сестрой милосердия. Разрываясь между монастырским служением и дочерним долгом, она не думала о себе, и постепенно, не имея времени и возможностей на восстановление сил, теряла их безвозвратно.

Наконец ее освободили от монастырского послушания, и она как могла поддерживала жизнь матери, с которой они обретались в маленьком домике на отшибе обширной территории монастыря. До какого-то времени ее встречали в трапезной, но никто не заметил, когда она перестала там появляться. И тем более никто не знал, что в один день матушка Марина упала — и уже не поднялась. Телефон она предварительно отключила, чтобы сосредоточиться на молитвах и помощи больной. Но могло быть и так, что ей никто не звонил. Или звонил, но не забил тревогу, услышав «абонент недоступен»: мало ли что...

Сейчас говорят, не хотели тревожить. Не подумали. Не вспомнили о двух женщинах, одна из которых всецело зависела от другой. Болезни и годы приковали матушку Ирину к постели, самостоятельно выбраться из нее она была не в состоянии. Скорее всего, после смерти дочери, монахини Марины, она звала на помощь, но её никто не услышал. Умирала старушка долго и мучительно...

А дальше началось и вовсе что-то несусветное. Дни проходили за днями, а всем как будто глаза и души застило. Только через три недели уже из женского монастыря стали интересоваться судьбой матушки Марины — она должна была прийти за лекарством для матери, но не появилась, не позвонила, а лекарство уже край как необходимо, ибо прежнее должно было закончиться.

Только тогда кинулись к домику и обнаружили то, что осталось от двух монахинь. Даже дату их кончины не удалось установить...

И раньше так случалось, что Марина подолгу не звонила Оле: всё-таки не монашье это дело — названивать по телефону. Но Оля была спокойна и за мать, находящуюся под присмотром сестры, и за Марину: не в пустыне же они живут, в монастыре, где Марина всем нужна, всегда на виду...

И вдруг такое. В голове не укладывается, душой не принимается. Оля рыдает, винит себя, что не почувствовала, не кинулась на помощь. Хотя загодя видела сон, что мать пришла в гости и долго не уходит, топчется в коридоре и топчется. Уже и дверь открыта, а она всё медлит...

— Дело дошло до того, — рассказывает дальше Оля свой сон, — что я взяла и закрыла дверь, когда мать была еще чуть ли не на пороге. Просыпаюсь — и так тяжело на душе... Но ведь ничего не поняла, не разгадала. Почему???

После похорон она немного успокоилась, увидев, как искренно каялась братия у закрытых гробов монахинь, как на коленях все просили у них прощения, сколько было цветов и слёз, слов любви и благодарности, сожаления и угрызения совести...

Похоронили новопреставленных рабов Божиих Ирину и Марину на монастырском кладбище. И тут Оля принялась разыскивать мобильный телефон сестры, в фотоальбоме которого она видела невероятный снимок Марины. Но прежде Оля рассказала нам такую историю. Однажды какая-то старуха-монахиня подошла к инокине Марине и напроорочила ей с сочувствием:

— Какой крест тебе достанется! Снесешь — счастлива будешь, а не снесешь... — и она горестно вздохнула, покачав головой...

Через некоторое время Марина, встретившись с Олей, загадочно пообещала:

— Сейчас покажу тебе свой крест!

Оля заинтересовалась, думала, что это какой-то необычный крест материального происхождения. Однако Марина принесла свой... телефон. И показала свои фотографии, снятые кем-то совершенно случайно. На одном из снимков на лице её явственно проступал крест, да не простой, а иерусалимский, который, располагаясь на лбу и под глазами, излучал какой-то неземной белый свет...

Телефон нашелся, и Оля намерена распечатать фотографии сестры в суровом монашеском одеянии и с крестом на лице...

— Она кончиной своей потрясла обитель, обратила монашескую братию друг к другу.. Словно это и был ее крест — пробудить истинную действенную любовь к Богу и ближним, к участию в судьбах людей, нуждающихся в помощи, к единению... Я видела, что многие братья и сестры словно опомнились, пораженные тем, что за молитвами и постами, бдениями и послушаниями они перестали видеть и чувствовать чужую боль, слышать безмолвный крик отчаяния. Мученическая смерть матери, такое посмертное безучастие к судьбам двух монахинь — это теперь вечный укор братии и нам, их родным, — считает Оля. — И если крест Марины был столь тяжелым и одновременно непреложным, то как знать — снесла она его или нет...

А ведь этот крест несла она в назидание не только обители. Даже в своих важных делах и высоких заботах мы не имеем права закрываться друг от друга, где бы мы ни жили — в монастыре, в городской квартире, в собственном особняке. Даже если это новогодние каникулы или пик общественной активности — выборы, манифестации, падение доллара...

Ибо даже Иисус Христос смертью своей на Кресте искупал грехи человеческие из любви к Богу и людям. А мы пытаемся верить и любить сами по себе, словно спасение души заключается исключительно в том, чтобы не ранить ее, не теревить, не растрчивать на боль и сострадание, а тихо и истово молиться, не обращая внимания на то, что происходит вокруг. Или, наоборот, неистово радеть за честность и праведность, не чувствуя, не жалея, не плача о человеке... Неужели только страшными жертвами можно потрясти мир и сделать его хоть чуточку лучше?

БОГ МИЛОВАЛ

Бабушка, божий одуванчик, пришла в приемную к адвокату. И прямо с порога расплакалась:

— Соседи хотят подать на меня в суд... А что я такого сделала?...

Старушку стали утешать, усадили на стул, подали водички, начали выяснять суть да дело. И чем дальше она рассказывала, тем больше все изумлялись.

Оказывается, бабушка давно не ладила с соседями: всё та же межа пролегла между ними неиссякаемым источником зла и раздора. То одна сторона, то другая совершали набеги на спорную территорию, присоединяя её к своей, и ни конца, ни края этой войне не предвиделось.

И тогда наша бабушка задумала прекратить ее раз и навсегда. Вот как выглядела ее поистине страшная месть. Сначала она выгадала подходящий, по ее раскладу, момент, когда вся семья соседей — старики, их дети и внуки (!) — соберется вместе. Потом дождалась, когда они улягутся спать, и ночью, прихватив лестницу, пробралась к соседям.

Это же только представить себе: старушка на восьмом десятке лет по лестнице поднимается на крышу чужого дома и... закрывает трубу!

— А у них что, печное отопление? — спрашивает адвокат.

— Нет! — без малейшего угрызения совести объясняет она. — Но и с газовым отоплением от этого можно помереть...

Именно с такой целью она и предприняла столь небезопасное для ее возраста мероприятие, рискнув, можно сказать, собой: чтобы извести ненавистную семью на корню. А ведь это её односельчане, ее соседи, которых она знает чуть ли не сызмала. Почти родня...

После того, как бабуля вынесла приговор и привела его в исполнение, она вернулась к себе и стала ждать, что будет. К счастью, в том числе и для старушки, обошлось без жертв.

— Кто-то вскрикнул, — вспоминает она беззлобно, — всполошились, забегали, уж и не знаю, как там всё было, но никто ж не помер. Прокашлялись — и всё. За что же они теперь на меня в суд подают?! — искренно недоумевает она.

— Так ведь вы покушались на их жизнь, — пытается объяснить ей адвокат, — это же преступление!

— Како тако преступление! — сопротивляется она — Подтащила лестницу, взобралась на крышу — да и все дела.

— Так ведь лестница-то, наверное, тяжелая, как вы её дотащили?

— Я заране поднясла ее к лазу, а потом только чуть-чуть и оставалось до дому-то... И никто ж мяне ня видел, как они узнали, что это я?

— Ну, если людей не жалко было, сами-то не боялись, что упадёте, разобьётесь? Ночь во дворе, темень, холодно, скользко...

Бабушка на миг замерла, потом размашисто перекрестилась и сказала:

— Да Бог миловал...

Вообще эти старушки — удивительные существа. Среди них встречаются поистине жертвенные, абсолютно бескорыстные, самоотреченные женщины, не способные не то что вред кому-то нанести, как некоторые, а и всю жизнь ущемляющие себя ради других.

Живет такая бабушка где-нибудь в деревенской глуши, топит печь по заведенному еще в отчем доме порядку — и ни на кого зла не держит, ни на чью землю не зарится, никого не виноватит в своей скудной жизни. Утром снег во дворе уберет, воду из колонки или колодца наносит, кур накормит. А уже за полдень начинает печь топить. Вечером перед сном ее не топят, чтобы не упустить момент выюшку закрыть: рано закроешь — угоришь, поздно — тепло выветрится. Поэтому топят печь днем — с толком, экономно, выжимая максимум тепла из дров и угля, ибо купить топливо по нынешним временам — и денежно, и хлопотно.

Баба Дуся была старшей в семье, помогала растить младших брата и сестру. Подростком копала окопы во время Великой Отечественной. После войны стала работать в колхозе разнорабочей: на фермах прибиралась, на току подсобляла, свёклу тяпала, сено сгребала и чего только еще не делала. И так почти полвека. Руки у нее большие, мозолистые, в больших загрубелых трещинах: и посейчас еще въедается в них черный уголь, которым топит она печь.

Казалось бы, скромная непритязательная старушка, а люди относятся к ней с уважением: потому что всю жизнь всем помогала. Кто болеет, у кого дети малые, кто ребенка ждет, а у нее никого и ничего — детей нет, замужем не была. Поэтому всё время на подменах, да по две смены, да за себя и за того парня или за троих сразу, без отпусков и выходных.

А в деревне народ памятный, зла не забывает, но и за добро добром воздает. Тем более баба Дуся еще и малолетнего племянника вырастила, когда тот остался без рано ушедшей в иные веи матери. Так и прошла жизнь в заботах о других.

Сейчас ей 87-й год. Дом старый, плохонькой, холодный. Вышла она на порог — без слёз не взглянешь: в изрядно поношенном рабочем халате поверх кофты, скатавшейся за годы носки, в лыжной, видимо, отданной ей за ненадобность, красной шапочке. А на войлочной обуви типа «прошай, молодость» — старые... носки: это чтобы не поскользнуться на ледяных дорожках.

Пока мужики кололи ей дрова и складывали в сарай — социальная помощь! — она пригласила нас в гости. И вот что примечательно: в одной половине изб одиноких старух — чистота и порядок. Там железная кровать, а то и две, с подзорами, со старинными покрывалами, с горой взбитых белоснежных подушек, одна на другой, под тюлевой — с оборками — накидкой. Там деревенские тряпичные половики на дощатом полу, ходики и портреты на стенах, иконостас в Красном углу. Всё честь по чести. Но там бабушки не живут, это ЗАЛА, где бывают только редкие, да и то недолго, гости. А в другой части избы, где бабушка живет, там обстановочка похуже: бугорчатый расхлябанный диванчик, засаленное одеяльце, неметеный пол. Это же для себя, а сама, чай, не барыня...

Села баба Дуся за стол — а похвалиться нечем. Разве что семейный альбом показать, где мама с папой, тётки с дядьями, брат с сестрой, племянники, подруги, земляки. Вся жизнь — в этом альбоме. А на вопрос, как здоровье, дужит ли, бойко отвечает:

— Да вот на своих ногах всё, Бог миловал...

Бабе Лене — 92. Маленькая, сухонькая, с дивана поднимается разве что по комнате пройтись. Была замужем, вырастила сына. Муж умер. А сын — «беспутнай»: где он, жив ли, баба Лена не знает. Может, вот так, как герой Шукшина в «Калине красной», поплакал где-нибудь поодаль, а в дом к матери не зашел: стыдно. А может, и давно прибрал его Господь. Резные иконостасы они мастерили когда-то вдвоем с мужем: красота несусветная! Причем в обеих половинах избы — по такому произведению «народного» искусства.

А на стене у кровати — опять с горкой подушек — классический коврик полувековой, а то и большей давности с шешкинскими медведями с картины «Утро в сосновом бору»: кто из старшего поколения не помнит эту картину! Коврики, репродукции в золоченых рамах, конфеты, календари — везде тогда были эти медведи...

Старушка грамотная, переехала в деревню из Воронежа, чтобы быть поближе к сестре. Но и той же нет на белом свете. А баба Лена молится, пожить подольше старается. Читает газеты! И словно дает отчет:

— Ко мне домой приносили урну, я голосовала за главу (имеется в виду: районной администрации). И за президента буду голосовать, за Путина: он мне пенсию хорошую платит, и забор при нем новый поставили... Вот на меже молодые кленки выросли — попросила их спилить: слышите — пилют? А если порядки изменятся, что тогда? Как мне жить? А пока вот Бог миловал...

МИТРОФАНУШКИ

— Когда произошла в России Великая Октябрьская революция?

— В марте 1918 года...

И это ответ не мальчика, но мужа: студента высшего (!) учебного заведения...

Путин в своих программных статьях говорит о повальном высшем образовании среди молодежи, перед которыми общество, дескать, теперь в долгу: абы какое рабочее место такому обладателю «корочки» не предложишь, нужно и условия комфортабельные создать, и зарплатой высокой обеспечить.

И претендентов на «самое-самое» из числа вчерашних студентов с каждым годом становится всё больше. Придется опытным профессионалам уступать свои рабочие места (новые-то лишь при растущем производстве появляются, а у нас речь об этом не идет) митрофанушкам, недорослям, которым уже и будущий президент дает фору.

Мол, вперед, ребята, вы этого достойны — хлебных (об ответственности не заморачивайтесь) должностей, собственного жилья (которое в бывшей стране мы зарабатывали годами упорного и добросовестного труда), денег для поддержки бизнеса (потом бизнес закрывается — а денежки остаются в кармане молодых да ранних), и так далее.

Чем же заслужили ребята такое всеобщее благопритествование в обществе? За какие заслуги лепят из них лидеров и вождей, бизнесменов и руководителей, когда они нигде не состоялись, ничем не отличились? Еще учась в вузах, они уже настроены на карьеру, перспективу, оклад и так далее. Но вузы-то теперь не дают даже элементарных знаний! Уж не говоря о том, что там не учат думать! Казалось бы, Октябрьская революция — при чем тут март!

Преподаватель ненавязчиво на экзамене (!) пытается направить мозг студента в нужное русло, акцентируя название революции:

— Если, по-вашему, она была в марте, то почему ее назвали Октябрьской... — «тонко» намекает он Митрофанушке в надежде, что какие-то ассоциации всё-таки всплывут из младенчески незамутненной памяти великовозрастного дитяти.

— А я откуда знаю, почему её так назвали! — искренно недоумевает парень по поводу такого недомыслия предков.

18-й год — этого вообще лучше не касаться. Другой студент — и тоже на экзамене — никак не мог вспомнить еще более знаменитую дату: в каком году началась Великая Отечественная война! Он честно старался, подводил глаза, как и

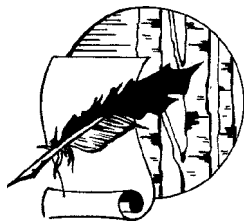
положено в таких случаях, к потолку, прислушивался к подсказкам, но так и не ответил на дополнительный вопрос.

По билету-то он отчитался в прямом смысле этого слова: прочитал то, что «скачал», вернее скачал, из современных интернетовских шпаргалок, благо возможностей списать нынче — пруд пруди. Не то, что в наше суровое время, когда бисерным почерком мы заносили квинтэссенцию всех наук в узенькие сложенные гармошкой бумажные ленточки, которыми и воспользоваться-то зачастую не было возможностей, зато было что вспомнить, если сам писал...

На дополнительных вопросах большинство ныне сдающих экзамены и «заваливаются»: и ставят им за это... «четверки». А что еще делать, разве что руками развести. Не заставишь же пересдавать людей, которые заплатили за обучение немалые деньги. К тому же, кто придет на их место? Такие же неучи, ибо общий уровень образования в школах низок как никогда, и продолжает падать. Это же теперь не образование, а образовательные услуги, а за услуги, сами понимаете, надо платить, и никто не обязывает воспринимать их всерьёз.

Другое дело — кто будет руководить страной и отраслями производства, если таковое еще будет, двигать науку вперед, строить и учить, судить, лечить наконец?..

А ведь эти полуграмотные ребята ещё и пишут! В том числе стихи! И претендуют на гениальность. Книжки издают. Хотя сами и читать-то толком еще не научились. Но полны амбиций. Проямлит эдакий Митрофанушка в аудитории нечто нечленораздельное, проявит себя полным профаном — не только в науке, но и вообще в жизни, мировоззрении, вере — и пойдет дальше гоголем. Еще пару лет пооплачивает услуги — и гони ему обещанное: престижное место, бабла побольше, дом, машину. А что он Троцкого от Бродского не отличает, так это, может, и к лучшему. И вообще, танцуй пока молодой!

Александр ЖУКОВ

МИНИАТЮРЫ

* * *

Мы убеждаемся опять,
Придя на выборы:
Легко решенье принимать,
Когда нет выбора!

* * *

Мы времени ждали,
Считали: вот-вот!..
А время явилось неслышно.
Мы ждали,
Надеялись — время придет!
А время тем временем
Вышло.

* * *

Все новое есть старое, забытое
Давным-давно когда-то, и не зря
Порой откроешь истину избитую
Настолько, что узнать ее нельзя.

* * *

Да, в нужном месте в нужный час
Удача поджидает нас.
Но если б знать, где это место!
И время тоже не известно.

* * *

Усердье от Удачи — далеко!
Да, нам тогда Удача улыбается,
Когда дается сразу и легко,
А не тогда, когда сопротивляется.

* * *

Вот какие советы
Жизнь порой нам дает:
Если выхода нуту,
Выходите, где «Вход»!

* * *

Умный глупца научить захотел,
Но дела не сделал, конечно.
Ведь ум, несомненно, имеет предел,
А глупость, увы, бесконечна.

* * *

Доверчивый,
Не доверяй тому,
Кто сам не доверяет никому!

* * *

Мы за друзей, за дорогих,
Тост поднимаем, забывая,
Что пьем за здравие других,
Свое здоровье пропивая.

* * *

Без дураков немислим белый свет.
Без дураков и умных в мире нет.

* * *

Чтоб не стояла, а текла вода,
Быть должен перепад высот всегда.

Когда бы знать, с какого «бугорка»
Струится и течет Времен Река?..

* * *

Жизнь — Божий дар,
и этот дар бесценен.
И надо знать,
как им распорядиться.
Великие умы имеют цели,
А мелкие — желанья амбиции.

* * *

Любознательным — любо узнать...
Любопытным же необязательно
Что-то знать, но им любо понять,
Что так любо узнать любознательным?

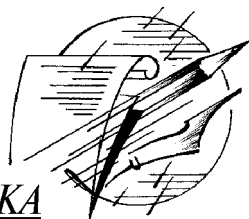
ГОЛОС ЧИСТОЙ СОВЕСТИ

Весть о приезде Владимира Солоухина в Бугуруслан — районный городок Оренбургской области внесла в жизнь её творческих работников радостный переполох.

Мне, партийному секретарю писательской организации, предстояло срочно составить и согласовать с обкомом партии и управлением культуры программу пребывания знаменитого писателя в Оренбуржье. Звонили из областной библиотеки, из пединститута, из краеведческого музея, озабоченно уточняли, когда Солоухин посетит Оренбург.

Сотрудники областной газеты «Южный Урал» загодя приобрели для высокого гостя сувенир — ажурный пуховый платок, художник Александр Овчинников загрунтовал прямоугольник холста для написания портрета живого классика (а вдруг согласится хотя бы часок попозировать). В Бугуруслан выехала группа радио- и тележурналистов...

Однако Солоухин в Оренбурге так и не появился. Прибыв в Бугуруслан уфимским поездом, он через неделю уехал на том же поезде, не заезжая в областной центр. «Оренбург посетить не

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

хватило времени. В Аксакове работы было много», — пояснил Солоухин пытливому тележурналисту. Об этой работе оренбуржцы вскоре доподлинно узнали, прочитав в восьмом номере журнала «Москва» за 1976 год большой очерк Владимира Алексеевича «Аксаковские места».

В нём Солоухин со свойственной ему строгой объективностью исследовал всё, что касалось печальной истории Аксаковской усадьбы, разрушенной временем, халатностью местных властей и равнодушием населения.

Поначалу же писатель без энтузиазма встретил предложение «Литературной газеты» съездить в Бугуруслан: в поездку не отпускали более важные, казалось, более неотложные дела, нежели... аксаковские места.

Аксаков Сергей Тимофеевич... Известный, выдающийся, но трудный для осмысления писатель и, как считалось в современном литературоведении, не столь популярный в ряду блистательных классиков отечественной литературы. Даже программа Литинститута не предусматривала его «проходить». Поясняя причину заниженной оценки Аксакова в недавнем прошлом, Солоухин писал: «В советской идеологии безраздельно господствовали взгляды, согласно которым многое, что было до 1917 года, признавалось малоценным, рисовалось черным цветом». Как автор добрых, мудрых, светоносных книг о природе, о ружейной охоте и ловле рыб, о трудном счастье семейного очага Аксаков был «идеологически неудобным» для эффективного использования его творчества в революционной, наступательной идеологии большевиков. По самокритичному признанию В. Солоухина, он знал, читал, изучал Аксакова, но не достаточно глубоко, дозированно как-то.

И вот судьба дала повод оттолкнуть суету бессмертной тетки и погрузиться всецело в творчество гениального классика, а заодно вооружить себя доскональными знаниями предмета предстоящей командировки.

Читая С. Т. Аксакова с самой первой его публикации (Очерк «Буран»), Солоухин освежал память, как бы заново возбуждая в себе радостный интерес и любовь к замечательному кудеснику слова, к глубокой простоте и родниковой свежести русского слога, к мыслям и поступкам уникального, исключительно скромного человека. Ведь создавать и публиковать свои произведения Аксаков начал, когда ему было далеко за сорок лет. И то — по настоятельному совету Гоголя и Пушкина. Писателем себя Сергей Тимофеевич не называл до последних дней жизни, считая, что он всего-навсего правдивый описатель жизни своей семьи и дальних

своих родственников. «Вы не великие герои, не громкие личности, в тишине и безвестности прошли вы свое земное поприще и давно, очень давно его оставили; но вы были люди, и ваша внешняя и внутренняя жизнь так же исполнена поэзии, так же любопытна и поучительна для нас, как и мы и наша жизнь, в свою очередь, будем любопытны и поучительны для потомков», — с верой и светлой надеждой писал в «Семейной хронике» Аксаков, неусыпный человеколюбец, певец и заступник природы, всего живого на земле.

Но потомки оказались нелюбопытными и неблагодарными. В библиотеке Дома культуры с. Аксаково, куда первым делом заглянул приезжий московский писатель, не нашлось ни одной книги С.Т. Аксакова. Удручающее зрелище открылось В.Солоухину, когда он не спеша обошел некогда благодатнейшее село на берегу реки Большой Бугуруслан, где в окружении неизмеримого пространства земель, угодий, «неописанного изобилия дичи и рыбы и всех плодов земных» прошли детские годы писателя.

Двухэтажный дом Аксаковых, описанный во многих произведениях Сергея Тимофеевича, не существовал. На его месте, на старом фундаменте, в 1960 году было поставлено здание школы-интерната, а из брусьев разрушенного дома построен крупный телятник. Давным-давно была вырублена грачевая березовая роща, дотла сгорела в 1965 году водяная мельница на берегу реки. По свидетельству архивных документов, найденных, востребованных В.Солоухиным, дом Аксаковых долгое время переходил из рук одних безалаберных хозяйственников в другие. В 30—40-е годы в нем базировалась районная МТС, потом размещался склад, потом — учебное заведение...

Еще в начале 50-х годов общественность Оренбуржья заговорила о создании в селе Аксаково мемориального комплекса великого русского писателя. Эта проблема заняла главное место в публицистических выступлениях оренбургского поэта Валерия Кузнецова, других литераторов и краеведов области.

В мае 1971 года Оренбургский исполком наконец-то принял решение о создании мемориального комплекса. Решили и забыли. И снова — письма, статьи в «Правде», в «Советской культуре», в «Сельской жизни»... И опять Аксаково принимает солидных представителей минкультуры, Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, обкома партии... И опять никаких подвижек.

После визита в Бугуруслан В.Солоухина и его выступления в центральной печати лед кощунственного равнодушия

начал мало-помалу таять. Врожденной дотошностью своей и бескомпромиссным прямодушием Солоухин сумел-таки докричаться до черствых и глухих, высветить главные причины, тормозящие обустройство Аксаковской усадьбы, назвал бюрократов, творивших многолетнюю историю пустых разговоров, нереализованных проектов, решений, актов, смет.

Спустя много лет Владимир Алексеевич, случайно встретив меня в кулуарах очередного пленума Союза писателей, спросил:

— Ну как там Аксаковская усадьба?

— Строительство комплекса в разгаре, — бодро ответил я.

— Однако долго разгорается, — невесело заметил Солоухин. — Ведь лет двенадцать прошло с тех пор как я побывал в Оренбуржье и пошевелил кое-кого...

— Я теперь живу и работаю в Москве, но часто езжу в родные края и всегда ношу в себе просьбу земляков-оренбуржцев поклониться при случае вам, Владимир Алексеевич, поблагодарить за помощь.

Мы обменялись рукопожатиями, и Солоухин пошел в зрительный зал. Тут я вспомнил, что уже несколько дней собираюсь обратиться к нему по важному делу, которое можно доверить только ему и никому другому. Перемогая стеснительность, шагнул следом за Солоухиным и, догнав его, попросил выслушать меня.

— Владимир Алексеевич, меня приглашают в Афганистан съездить, — начал я.

— Зачем? — сухо прервал Солоухин.

Я замаялся, не найдя сразу, что ответить.

— Тебя приглашают, я думаю, не в составе концертной бригады. Тебя приглашают, конечно же, для того, чтобы написать что-то. Но что и о чем ты будешь писать? — в упор глядя мне в лицо, спросил Солоухин. — О чем?.. О выполнении интернационального долга нашей доблестной армией, которая завязла в Афгане и не знает, что делать дальше? Как говорится: ни тпру, ни ну.

— Так как же быть?.. Ехать или не ехать? — продолжал озадачиваться я, хотя после первых же фраз Солоухина ответ прояснился однозначно.

— Дело твоё, прозаик Уханов! — со строгой улыбкой сказал Солоухин и, положив ладонь мне на плечо, добавил: — Я бы не поехал, честно говоря... Пусть афганцы сами решают свои национальные проблемы. И не надо им мешать.

В своих книгах и статьях Солоухин много раз выражал своё отношение к интернационализму. Особенно явственно

оно проявилось во время нашей поездки в Душанбе. Была тревожная осень 1990 года. Почти во всех республиках полыхал огонь межнациональной розни, то и дело разряжаясь в митингах и забастовках. Лада и согласия не было даже среди писателей нашей выездной группы. Михаил Алексеев, Владимир Солоухин, Виктор Чалмаев и я придерживались в основном одного мнения о происходящем в стране, иную позицию занимали маститый прозаик Александр Борщаговский и литературовед Валентин Оскоцкий. Последний, например, своё выступление перед активом творческой интеллигенции г. Душанбе начал словами:

— Братья таджики! Неужели вы не чувствуете национальную ущемленность свою? Почему молчите? Неужели и в ваших головах доминирует имперское мышление?

Александр Михайлович Борщаговский горячо поддержал «либералистическое» выступление В.Оскоцкого, твердо заявив, что теперешняя гласность и свобода слова позволяют таджикам защитить свои законные, но попираемые «центром» права.

— Я не считаю, что Россия узурпировала нас. Наоборот, она всегда помогала таджикскому народу, — спокойно заговорил таджикский прозаик и ученый Расул Хади заде. — И мой новый роман «Не звёзды падают» как раз об этом. Его главный герой Ахмад Дониш — философ и просветитель XIX века был горячим сторонником дружбы с Россией. Пользуясь случаем, я благодарю прозаика Ивана Уханова, который только что закончил перевод на русский язык этого большого моего романа, над которым я работал около тридцати лет.

Михаил Алексеев в своей речи напомнил собравшимся о первоклассных асфальтовых шоссе на дорогах, проложенных по всей территории азиатских республик. Кто их проложил? Россия! Хотя сама остро страдает бездорожьем. Зачем же возводить напраслину на дружбу народов?

Продолжая мысли Михаила Алексеева, я сказал:

— У любого народа есть выродки, разного рода миссионеры, претендующие на роль поводырей. Они-то ныне и мутят воду, разрушают страну, накаляя межнациональные страсти, и под лозунгами якобы демократических реформ пытаются упразднить веками сложившийся менталитет русского народа. Пытаются напялить на его широкие плечи маломерный европейский френч. А он трещит, лопается по швам, не лезет. И не полезет! Как бы эти миссионеры ни старались, — адресно взглянув на Оскоцкого, закончил я свое короткое выступление.

В перерыве собрания многие вопросительно поглядывали на Солоухина: он-то будет выступать?.. Вскоре нас, москов-

ских писателей, разделили на две группы и подвели к двум «Волгам», наготове стоящим у подъезда. Солоухин оказался в другой группе, и я не слышал, где и как он выступал. Кто-то, кажется, Виктор Чалмаев, поделился со мной предположением, что Солоухин прибыл в Душанбе для рабочей встречи с одним из таджикских литераторов, книгу которого он, именитый переводчик, обязался перевести на русский язык.

Утром, когда наша писательская группа уселась за круглый стол завтракать, Владимир Алексеевич, сидевший по правую руку от меня, вынул из внутреннего кармана пиджака плоскую бутылочку и плеснул в свой стакан граммов пятьдесят какой-то коричневой, цвета коньяка, жидкости. «Хотя бы для приличия предложил кому-нибудь... опохмелиться», — невольно ворохнулся во мне упрек. Но в ту же минуту над столом поплыли запахи чабреца, мяты, пустырника... Я улыбнулся, гася свой упрек. Владимир Алексеевич выпил (натощак!) свое собственноручно сготовленное на травах лекарство (он же всеусущий травник!) и попросил малость утишить в телевизоре громкоречистого оратора.

— Все же знают, в чем дело, но говорят, говорят, говорят, — с усталым изумлением произнёс он, ни к кому не обращаясь. — И весь нынешний интернационализм — это вопиющее искривление национального равноправия народов. И о чём тут говорить?! Что выяснять?

— Да. Для русских, например, суть интернационализма всегда одна — крой чужую крышу, раскрывая свою, — сказал я, поспешая поддержать Солоухина.

В том же году мне довелось еще раз повстречаться с Владимиром Алексеевичем, прокатиться на его, бежевого цвета, «Волге». Случилось это в самый разгар перестройки, вернее сказать, громких разговоров о ней. Меня весной избрали секретарем парткома Московской писательской организации, отклонив все мои самоотводы. Писатели-коммунисты сделали жесткий выбор: либо Иван Уханов, человек с уральским характером, либо воинствующий либерал Тимур Гайдар, то есть либо попытаться спасти писательскую организацию, либо отдать ее на растерзание «демократам».

Время взаправду было жуткое. Огромная столичная организация превратилась в арену для ристалищ и, оглушаемая плюралистическим гулом перестройки, дробилась, делилась, саморазрушалась, повсюду оплевывалось, узурпировалось совестьливое, талантливое, а всё бессовестное ломилось на трибуны, норовя стать нормой жизни. Как ни старался наш партком, партийная организация потихоньку таяла. Неко-

торые коммунисты с какой-то скорбной торжественностью сдавали партбилеты, письменно или устно мотивируя выход из партии. Особенно щемило сердце, когда партбилеты сдавали писатели-фронтовики. Они гневно кляли Горбачёва, который завёл партию в безвыходный тупик. Другие члены партии огульно хулили КПСС как источник всех зол на земле и с легкостью расставались с красными книжечками. Такие за счет партбилета дважды сделали себе карьеру: вступлением в партию, а затем шумным выходом из неё. Вчера они гордились, что имеют партбилеты, а теперь гордятся, что партийные билеты они выбросили.

Как-то мне позвонили из Краснопресненского райкома партии: «Завтра на бюро будем снимать строгий выговор с коммуниста Солоухина. Пожалуйста, обеспечьте явку...»

— Какой выговор? За что? — недоумевали члены недавно избранного парткома и высказывали предположения:

— Вряд ли Солоухин поспешит в райком по такому поводу.

— Да. Теперь от партбилета, от партии запросо освобождаются, а Солоухин пойдет от выговора освобождаться? Да не явится он...

Владимир Алексеевич явился. Строгий, молчаливый, в аккуратном джинсовом костюме. Выговор сняли незамедлительно. Секретарь райкома партии с яркой улыбкой потряс Солоухину руку, будто поздравил с большой наградой. Члены бюро тоже празднично улыбались и как-то суетливо-весело извинялись за некую несуразность, некогда допущенную ими в отношении Солоухина. Владимир Алексеевич кивком коротко постриженной головы попрощался со всеми и вышел. В коридоре он сказал мне:

— Я на машине, могу подвезти.

В кабине, на заднем сиденье, вразброс лежали корзина, маленькая лопатка, ведро, клубок проволоки, бумажный куль с цементом....

— Не обращай внимание на этот дачный хлам. Сейчас еще удобрений для цветов подкуплю и — на лоно! — сказал Солоухин и ловко вырулил «Волгу», внедряясь в тесный поток мчащихся автомобилей.

За короткие дорожные минуты я хотел, но не успел завести разговор о выговоре.

История, как я узнал позже, горько-смешная, почти анекдотическая. В.Солоухин носил на пальце перстень с изображением императрицы Екатерины Второй. Ему не раз предлагалось снять его. Но Солоухин не слушался, то есть вёл себя вызывающе, нарушая партийную этику коммуниста. Доносы шли беспрерывно. И райком обязан был отреа-

гировать. Однако не хватало «состава преступлений». Начали собирать, наскребать. Всё припомнили: и как Солоухин безнаказанно выпендривался, хуля давние правительственные решения и действия по сносу храма Христа Спасителя, и как дерзко осуждал новые застройки на проспекте Калинина, и как сотрудничал с церковнослужителями, поддерживая их негодование по поводу распоряжения властей о «разумной инвентаризации церковных храмов и монастырей», и как утверждал, что растения имеют свой разум... Писателю ставилось в вину даже то, что он собирает древние рецепты целебных напитков, описал сотни трав и цветов, назвав способы приготовления из них отваров и настоев — на воде и на спирте. Все эти мудрые, испытанные рецепты народной медицины расценили как пропаганду самогонварения и пьянства...

Высадив меня в указанном месте, Владимир Алексеевич, прощаясь, поинтересовался:

— В Афганистане-то побывал?

Я отрицательно покачал головой.

— Ну и правильно. У нас нынче у самих беда похлеще. Тяжко России, а помочь некому. Недруги-оккупанты не из-за морей пришли, а внутри, в самой сердцевине её объявились. Но ничего... Будем стоять! — негромко, чуть устало сказал Солоухин и, пожав мне руку, спешно захлопнул дверцу кабины, торопясь засветло выбраться из переполненных жизнью улиц Москвы.

ГЛАВНЫЙ ВОПРОС НАШЕЙ ЖИЗНИ

В статье «Россия. Национальный вопрос», опубликованной 23 января в «Независимой газете», В.Путин вновь повторил этот банальный, давно навязанный нам пропагандистский штамп: *«Историческая Россия — не этническое государство... Россия возникла и веками развивалась как многонациональное государство. Государство, в котором постоянно шел процесс взаимного привыкания, взаимного проникновения, смешивания народов на семейном, на дружеском, на служебном уровне сотен этносов, живущих на своей земле вместе и рядом с русскими»*. Неудивительно, что среди длинных рассуждений автора о мигрантах и полиэтничности российского народа места русским проблемам в статье не нашлось. Архаичный стиль статьи и ее устаревшие, порой просто невежественные тезисы в общем-то довольно ясно говорили о том, из чьих мозгов исходила эта реальная «сурковская пропаганда». И тут будет полезно лишний раз напомнить национальный состав населения нашей страны. Согласно переписи 2010 года, русских в России 80%, татар — 3,5%, украинцев — 2%, башкиры, чуваша,

РУССКИЙ ВОПРОС

чеченцы и армяне составляют соответственно по 1%. Остальные народности еще малочисленнее. Да, конечно, на нашей территории проживает множество разных этносов. А где, в какой стране их нет? Но Франция — это французское государство, Германия — немецкое, Швеция — шведское, Испания — испанское... А **Россия — русское!**

Так что нужно настойчиво, твердо и вразумительно возразить господину Путину: **историческая Россия — это национальное государство русских.** И если человек, занимающий должность главы **Русского государства**, этого не знает и не понимает, то никакое возрождение, а тем более процветание России не может быть связано с данным человеком.

Но все же Путину пришлось под многолетним давлением национально-патриотической борьбы назвать русских государствообразующим народом. Кто-то скажет: жизнь заставила, да и выборы были на носу. Не только. Двадцать с лишним лет патриотическая пресса и русские лидеры внедряли эту простую и опасную истину в общественное сознание России. Многие патриоты сложили за нее головы. Они погибали за то, чтобы эту истину наконец признали даже те представители высшей власти, которые ее долго и упорно отвергали. Потому что это и есть **самый главный вопрос нашей жизни.**

И тут необходимо отвлечься на другую, не менее важную тему разговора, тесно связанную с национальным вопросом.

В российской мыслительной среде остались еще преподающие кое-где профессора, не сумевшие преодолеть закостенелости своего атеистического мировоззрения, по-прежнему делящие наше общество на социальные классы — в давно устаревшем железобетонном марксистско-ленинском понимании. И бывает очень трудно объяснить им то, что они заблуждаются.

Никаких классов в России больше не существует. Они, классы, уже ликвидированы. Теоретики марксизма-ленинизма обещали сделать это при коммунизме, однако их либерально-демократические наследники план перевыполнили досрочно... (Или, по крайней мере, надо согласиться с тем, что в России уже наступил коммунизм...)

Труднее всего, конечно, революционным практикам марксизма-ленинизма пришлось повозиться с классом крестьянства. Во-первых, потому, что этот класс, по словам Ленина, был самым «реакционным», а попросту говоря, самым упёртым. Во-вторых, потому, что у него, в отличие от рабочих, была родина — их земля. И в-третьих, по причине его «тёмной», «косной» (определение М. Горького), не поддающейся слову религиозности.

С помощью Гражданской войны миллионы крестьян были уничтожены физически (в гораздо большем количестве, нежели бойцы Красной и Белой армий). Но этого для поставленной цели было недостаточно. Чтобы окончательно уничтожить крестьянство как класс, нужно было его *расхристианить*, то есть лишить веры, оторвать от Христа, в буквальном смысле отнять крест, с которым оно было кровно и духовно связано изначально.

Работа была проделана большая и серьезная. Церкви в селах в основном закрыли, священников изгнали или ликвидировали, а крестьяне, загнанные в колхозы, подверглись воинствующей атеистической пропаганде. Цель в общем была достигнута: за годы советской власти крестьяне в России были *расхристианены*. Да и называться они стали уже не крестьянами, а «сельскими тружениками», «сельскими работниками» и т.п. Пока у них была возможность трудиться, этому факту мало кто придавал значения. Но как только власть в стране захватила откровенно этно-«либеральная» банда, колхозы с совхозами были распущены, и т.н. «сельские работники» оказались не у дел. Одни из них сорвались с земли, уехали на заработки в города, другие спились, поумирали от безысходности или ушли в криминал. На этом история русского крестьянства закончилась. Теперь уже можно констатировать — оно ликвидировано как класс. Задача, поставленная классиками марксизма-ленинизма, оказалась выполненной. (К сожалению, об этом у нас мало кто задумывается.)

Ликвидация рабочего класса произошла на наших глазах намного легче и гораздо быстрее. В десятилетие Ельцина закрывали большую часть заводов, фабрик и шахт, а в десятилетие Путина—Медведева оставшихся рабочих заменили на гастарбайтеров. И т.н. «российский рабочий класс», «гегемон-пролетариат», с этим молча смирился.

Теоретики марксизма-ленинизма» часто употребляли еще один свой излюбленный термин: «класс буржуазии». В настоящее время их зашоренные последыши говорят в этом смысле о *финансовой буржуазии*. Однако, наверное, только самым невежественным людям неизвестно, что вся нынешняя российская финансовая буржуазия или «элита» — это исключительно этно-мафиозная структура, выросшая из криминального бизнеса. Затесались в нее, конечно, и просто бандиты разных национальностей. Но как структура, как «финансовая буржуазия» она имеет ярко выраженный этнический признак. И классом в традиционном понимании уже давно не является.

В наше время российское общество больше нельзя делить на классы. Нет ни класса рабочих, ни класса крестьян, ни класса буржуазии. Но есть жестокая, циничная, обезбоженная этно-мафия, опутавшая своими ядовитыми щупальцами все сферы российской власти и безжалостно эксплуатирующая и дуращая с помощью СМИ весь остальной российский народ. Эта всем известная этно-мафиозная «элита» финансовых дельцов и воротил использует в своих корыстных целях и другую этно-мафиозную структуру — кавказско-азиатскую, выросшую на теле России за последние 10—15 лет. Но опять же мы имеем дело с исключительно этническим принципом создания клановых эксплуататорских объединений, по внутренней сути своей, феодальных.

Кроме прочего, существует в современном общественном обиходе и такое понятие, как «средний класс», под которым подразумеваются т.н. офисные работники. Однако термин этот искусственный, притянутый за уши. Называть отдельным классом плывущий по течению офисный планктон — безосновательно и несерьезно. Это не класс, а в большинстве своем безликая масса приспособленцев к любой власти и к любым обстоятельствам.

Таким образом главная проблема, главный конфликт нынешнего российского общества происходит не на почве классовой борьбы, не в столкновении эксплуататорских и эксплуатируемых классов, а исключительно на национальной основе, под которой уже много лет не угасает пламя русофобии. Этническая мафия ненавидит всё русское со скрежещущей внутренней яростью, т.к. очень опасается утратить свою закулисную, но реальную власть. Именно поэтому и для пресечения русской реакции на всем видимую несправедливость были срочно проташены в Уголовный кодекс 280-я и 282-я статьи, по которым, как все видят, преследуются исключительно лица русской национальности. Причем преследуются за такие «провинности», которые милостиво позволены лицам всех иных национальностей. И это при том, что обозначение чьей-либо национальности в России как бы отменено...

Исходя из цифр состава населения нашей страны, приведенных выше, можно уверенно утверждать следующее: **в России национальный вопрос — это русский вопрос.** И от его решения зависит всё — от социальных, политических и культурных проблем до самого существования страны. Не понимать этого могут только те, кому понимать это очень не хочется и по разным причинам невыгодно, кто безразличен к будущему нашего государства.

Советская эпоха и нынешнее время обязаны были нас привести (и привели) к пониманию и к необходимости решения национального русского вопроса — **главного вопроса нашего времени**. И решать его **неизбежно придется**, потому что от этого будет зависеть личная судьба каждого гражданина Русского государства. С Путиным или без него, но придется. И Конституцию переписать тоже придется. Кто решит этот вопрос на государственном уровне, тот и войдет в историю России как величайшая личность.

Решение национального (русского) вопроса заключается в возвращении России русской власти. Русской не по фамилиям, а по духу, по мировоззрению, по осознанию русских национальных интересов и по практическим действиям. Сюда укладывается всё — и мощь государства, и численность населения, и соблюдение справедливых законов, охраняющих существование русского народа. И ни одна нация, ни один коренной народ России не будет притесняем. Рядом с сильным русским народом всегда спокойно и благополучно жили все остальные народы. Вот это и будет называться возвращением в нашу жизнь справедливости.

Кто-то еще наивно лелеет мечту уйти от решения национального (русского) вопроса с помощью социальных благ для всего населения. Но, во-первых, равные «блага» никогда не устроят всех, и те, кого называют «финансовой буржуазией», всегда будут стремиться к особым привилегиям и к особому положению, ставящему их над всеми остальными. А во-вторых, таким способом можно лишь временно приглушить национальный (русский) вопрос, но не решить его. Невозможно заглушить один вопрос за счет раздувания другого, за счет временного решения социальных вождедений населения. Нерешенные вопросы с течением времени накапливаются, разбухают и с болью (а часто с кровью) прорываются. Многолетнее демонстративное игнорирование как советской, так и российской властями русских национальных проблем породило такое явление российской общественной жизни, как русский национализм. Так что отдадим должное властям...

Пора понять, что при русской национальной власти прежнего социализма не будет. Жизнь не может идти вспять. Но будет смешанная форма собственности с элементами социалистических методов хозяйствования в экономике. У каждого времени свои задачи. Капитализм же при русской власти отомрет естественным путем вместе с «финансовой буржуазией» по мере отмирания *власти капитала*.

КЛЕЙ ИЗ НАРОДА

В начале года Владимир Путин опубликовал в «Независимой газете» статью, целиком посвященную проблемам межнациональных отношений в России. Сенсацией она, конечно, не стала, но вот срезом идеологического сознания Путина, а точнее всей его национальной политики в последнее десятилетие — несомненно.

После ее прочтения мне стало жутко за будущее нашей страны. И не потому, что все, о чем в ней утверждает Путин, — неправда. Проблема в том, что она — продукт не столько ошибок, сколько чудовищного невежества и лени государственного аппарата.

Я прекрасно понимаю, что Путин не специалист по проблемам современной этнологии и социологии. Но Путин при этом регулярно намекает, что он — профессионал. «Менеджер всея Руси», так сказать. А хороший менеджер всегда привлечет для вопросов, которых не понимает сам, лучших специалистов, фундаментальных и не ангажированных. Чтобы хотя бы в терминах не «плавать». Но вместо этого происходит нечто прямо противоположное: Путин совершенно не понимает реалий, о которых сам говорит.

«Плавильный котел» ассимиляции барахлит и чадит — и не способен «переварить» всё возрастающий масштабный миграционный поток. Отражением этого в политике стал «мультикультурализм», отрицающий интеграцию через ассимиляцию», — вроде бы справедливо пишет Путин. Но при этом он смешивает в одну кучу и «ассимиляцию», и «мультикультурализм», не понимая, что речь идет о двух совершенно разных концепциях — американской и европейской, развивавшихся параллельно и взаимоисключающих друг друга. В Европе никогда не работали никакие «плавильные котлы», и никому в мире они не приходили на смену — это чисто американская идея. Но об этом премьеру, наверное, просто забыли рассказать его «научные» спичрайтеры.

Отсюда же — совершенно с ног на голову поставленный путинский тезис о том, что в провале мультикультурного проекта стоит кризис самой модели «национального государ-

ства», по Путину, «исторически строившегося исключительно на основе этнической идентичности». Интересно как получается — одна модель доказала свою полную недееспособность, а виновата в этом почему-то предшествующая модель. Ну, это нам хорошо знакомо: доморощенные либералы до сих пор объясняют, что все беды «реформируемой» ими вот уже более 20 лет России — в том, что «во всем виновато наследие проклятого совка», а не в том, что это самое наследие беззастенчиво грабится все эти 20 лет самими проклинателями. Увы, это не ново: точно так же большевистские комиссары разруху после Гражданской войны списывали на тяжкое наследие «ужасов царизма».

Но кто Путину сказал, что модель «национальных государств» построена на основе этнической идентичности? Любый более-менее читающий второкурсник любого истфака скажет, что именно Вестфальская система 1648 года, породившая сам концепт «государств-наций», запустила процесс размыывания государств-этносов. Чувство самоидентификации определенного народа все больше вытеснялось чувством принадлежности к конкретному государству, а затем — к политической нации и «гражданскому обществу». Именно эпоха Модерна загнала этническое измерение человека вглубь искусственных конструкций государственного и общественного права.

Дальше — больше. Путин пишет: *«Россия возникла и веками развивалась как многонациональное государство».*

Извините, но от этого утверждения даже слух коробит, не говоря уже о здравом смысле. Во-первых, оперировать такими понятиями, как «нация» и «национальность» применительно к Средневековью, — антинаучно, так как эти реалии появились лишь в эпоху Просвещения. Или же Путин считает, что сначала у разрозненных племен появилась идея «многонациональной общности», эдакий древний «общественный договор» и только потом возник сам этот народ?

История не знает народов, которые строили свою государственность для других (не важно — народов или идей), а не для себя. Это, конечно, не означает, что другие народы России не могли принимать участия в этом строительстве. Но каждый из них знал, что живет и служит государству русских, а не отвлеченной идее «русской цивилизации». Все другие народы сначала признавали власть государствообразующего народа и только потом получали какие-то права и возможности совместного бытия. Точно так же когда-то Римская империя была в первую очередь государством римлян, а не «народов Римской империи», а Великобритания — коро-

левством английского народа, а не тем, во что она превратилась сейчас. И даже в Соединенных Штатах была государствообразующая народная общность: «белые англо-саксонские протестанты. Напротив, когда государства становились цивилизациями, в которых система ценностей и культурных стандартов унифицировалась и больше не ассоциировалась с культурой их национального ядра, это ядро деволюционировало и исчезало.

При этом Путин постоянно жонглирует терминами «многонациональный народ», «полиэтническая цивилизация», «поликультурная общность». Здесь сразу возникает множество вопросов. Мы кто? Народ? Многоэтническая общность? Или все же цивилизация? Все эти понятия — разные вещи.

Точно так же различны и их характеристики. Казалось бы — этническое, национальное — какая разница? А вот есть разница. «Этнос» и «нация», а тем более — «культура» — это отнюдь не синонимы, а вещи, находящиеся на совершенно различных уровнях развития народа и государства. И каждому из них присуще свое самосознание.

Например, Путин приводит цитату из «Повести временных лет» как доказательство «многонационального» характера древнерусского государства: *«Вот только кто по-славянски говорит на Руси: поляне, древляне, новгородцы, полочане, дреговичи, северяне, бужане... А вот другие народы: чудь, меря, весь, мурома, черемисы, мордва, пермь, печера, ямь, литва, корсь, нарова, ливы — эти говорят на своих языках...»*. Но при этом он сам или его «научные консультанты» не имеют вообще представления о том, по каким именно законам развивается народное самосознание. Неужели Путин сотоварищи всерьез полагают, что «поляне», «древляне», «северяне», «чудь», меря» и т.п. — это «национальности»? А между тем, строго научно говоря, это даже не «народности» с этническим самосознанием, а всего лишь племена, у которых бытовала еще более низшая стадия самоидентификации: родоплеменное или т.н. «гентильное» самосознание.

С упоминанием Путиным еще одного древнерусского источника — «Слова о Законе и Благодати» митрополита Илариона — дело еще интереснее. Путин никаких цитат из него не приводит, но пишет, что там «отвергается сама теория «избранного народа» и проповедуются идея равенства перед Богом». Я заново перечитал этот источник, который, кстати, вполне достоин места в будущем «путинском списке» 100 обязательных книг для нации. Ни слова про «равенство» и теорию «избранного народа» я там не обнаружил. Живший в XI веке русский митрополит Иларион в своем тексте активно

использует богословскую полемику с иудаизмом, указывая на просвещение Христовой верой множества народов по всей земле: *«И к тому же, оправдание иудейское скупое было, из-за ревности, не распространялось на другие народы, но только в Иудее одной было. Христианское же спасение благо и щедро простирается во все края земные... Закон раньше был, и вознесся в малом, и отошел; вера же христианская, явившись после, больше первого стала и распространилась среди многих народов»*.

Но откуда же Путин взял этот пассаж про «равенство» и отрицание «избранности»? Поиск меня шокировал. Оказывается, этот кусок всплывает в крохотной статье про «Слово» в «Википедии», а его автором является академик Д.С. Лихачёв: *«Тема «Слова» — тема равноправности народов, резко противостоящая средневековым теориям богоизбранничества лишь одного народа, теория вселенской империи или вселенской церкви. Иларион указывает, что Евангелием и крещением Бог «все народы спас», прославляет русский народ среди народов всего мира и резко полемизирует с учением об исключительном праве на «богоизбранничество» только одного народа»*.

Как вам такой финт? Использовать для важнейшей программной статьи цитату из «Википедии», даже не прочитав сам источник! Что будет дальше? Дойдем до цитат из бульварной прессы?..

А ведь академик Лихачев — далеко не самый бесстрастный авторитет по данной тематике. Он писал свои труды в условиях, когда нельзя было называть вещи своими именами, в том числе и имя «богоизбранного народа». Поэтому богословский пафос памфлета Илариона у него, как и у многих других историков того времени, «умасливавших» советское начальство, камуфлирован догматическим марксизмом с его просвященческими мантрами о «равенстве» и «историческом прогрессе». Ничего подобного в самом источнике нет и в помине.

Что же получается в итоге? Путин обосновывает всю сложность спектра сегодняшних межнациональных отношений в России абсолютно искусственной и притянутой за уши конструкцией «многонационального народа», для «исторического подкрепления» которой производит искажение данных исторических источников. Совершенно очевидно, что эта конструкция, в самой основе которой заложена ложь, обслуживает вполне конкретные политтехнологические задачи Кремля, который привык игнорировать реальные проблемы межнациональных отношений. Путин, кстати, прямо отрицает собственно этническую подоплеку в межнациональных

конфликтах в РФ, утверждая, что они являются лишь последствиями отсутствия должной защиты со стороны государства гражданских прав населения России.

Путин много пишет о России как «историческом государстве», «государстве-цивилизации», как об альтернативной схеме межэтнического мира, выгодно отличающейся от западных моделей межнациональной интеграции. Однако чем она отличается от того, что происходит на Западе? И путинская и западные модели камуфлируют реальность, а не раскрывают ее. И здесь и там происходит практически одно и то же: роль, положение и права национального большинства в государстве нивелируются и размываются, становятся в зависимость от неолиберального «общественного проекта», чьи ценности призвано обслуживать ради «общего интереса», далеко не тождественного исконным интересам самого большинства.

Очевидно, что на Западе этот идеал представляет собой концепцию т.н. «открытого общества» с провозглашаемыми им ценностями «толерантности» и объявлением приоритета гражданских прав свободных индивидуумов над государственными и национальными интересами, в том числе и прав разнообразных меньшинств перед правами большинства. А в России абсолютно те же функции, с поправкой на местную ситуацию, выполняет примат идеала евразийской «цветущей сложности», «исторической полиэтнической общности». В наше общество насильственно внедряется модель «многонационального народа», заслоняющая и вытесняющая собственно историческое и этническое большинство России — русский народ, который создал государство, страну, культуру и цивилизацию под именем «Россия».

Например, в путинской статье признается государствообразующая роль русского народа, но делается это в манере безучастной, ни к чему не обязывающей декларации. Ни о каком изменении в связи с этим действующего законодательства не говорится, как и в путинском увещевании приезжих, чтобы они с уважением относились к местным обычаям. Зато Путин много и с удовольствием рассуждает о «священной» роли русского народа. Да и про русское большинство премьер упомянул лишь вскользь — несколько строк во всем тексте, кстати, ни одним словом не обмолвившись про вопиющую диспропорцию осужденных по 282-й статье УК РФ, не зря прозванной «русской статьей». А вот зато проблемам миграции и обустройства мигрантов Путин посвятил едва ли не треть своего опуса.

Путин говорит, что «самоопределение русского народа — это полиэтническая цивилизация, скрепленная русским

культурным ядром», и что «великая миссия русских — объединять, скреплять цивилизацию», «способную органично решать задачу интеграции различных этносов и конфессий». Возникает такое чувство, что других целей и задач для русского народа, кроме роли «культурного цемента», скрепляющего другие народы, как бы и нет. Кому приятно чувствовать себя «историческим клеем»? Мне — как-то не очень.

И ладно бы, если «нацидер» взял на вооружение уже отточенные неолиберальные или право-консервативные концепции построения межэтнического мира. Но ему захотелось ублажить всех, раздать «всем сестрам по серьгам», смешать все идеи в один винегрет, не дружащий ни с реальностью, ни с научными данными, ни с подлинными задачами построения действительно справедливого национального мира. Путинское «многонациональное государство» — не более чем штамп пропаганды, политидеологический миф, слово в слово повторяющий точно такую же фальшивую советскую модель «новой исторической общности — советского народа», созданную в конце 1970-х годов. Не стоит напоминать, чем этот блеф закончился — грандиозным этническим коллапсом и развалом СССР. Нам опять предлагают наступить на те же грабли? Тогда концепция «советского народа» хотя бы была построена на идеологической базе. Путинская «многонационалия» не построена ни на чем. Это советизм без «мяса», с полным вакуумом внутри. Возвращение к этой недееспособной концепции говорит о том, что национальной политики у нынешней власти нет: она попросту профнепригодна.

Реальность сегодня такова, что у русского народа сегодня нет цивилизационных сил, чтобы поддерживать империю — ни в хорошем, ни в плохом смысле слова. Ни один народ России, кроме русских, не способен на такой проект. Но как его можно осуществить, если русские и без того надорвали свои исторические силы на строительстве предыдущих больших цивилизационных проектов? Здесь впору бы подумать сначала о сохранении и приумножении именно русского ядра, так как мы банально вымираем — кстати, не в последнюю очередь благодаря путинской политике. А сохранить русское ядро сегодня невозможно без кардинального пересмотра всей государственной политики — и не только в национальном вопросе. Так всегда было, когда мы возрождались из пепла — и сами объединяли и сохраняли вокруг себя союзные нам народы, причем без всякого мифического «многонационального государства».

РУЖЬЁ НА СТЕНЕ

В русском человеке испокон веков живет вера в доброго царя, которого коварные бояре окружили кольцом, и таким плотным, что через него не пробиться слову правды. А если бы царь-батюшка ее знал, он бы навел порядок. В переводе на современные наши реалии это звучит так: национального лидера окружали то «семья», связавшая его по рукам и ногам обязательствами, то персоны вроде Кудрина, Грефа или непотопляемого Чубайса, «смотрящих» от мирового правительства и фининтерна, то клан чиновников и политтехнологов, не подпускающий Владимира Владимировича к нужной информации...

Но зашумели людские волны на Болотной площади и проспекте Сахарова, качнули правительственную лодку, точнее, путинскую яхту «Олимпия», и с ее борта один за другим раздалась залпы. Они были посланы в медийное пространство как информационный контрудар. В «Известиях», «Независимой газете», «Ведомостях», «Коммерсанте»... появились статьи, которые общество должно было воспринимать в качестве его программы.

Прежде всего «главный менеджер» страны, как и следовало ожидать, отчитался в своей работе. В этом отчете были такие перлы: «Согласно независимым исследованиям, реальные доходы четырех из пяти россиян превышают уровень 1989 года — «пика» развития СССР.. Не только среднестатистический гражданин России, но и наши пенсионеры сейчас потребляют основных продуктов питания больше, чем в 1990-м».

Однако скорее всего доходы жителей нынешних разоренных русских деревень в расчет не брались. Их, видимо, никто и не опрашивал. Иначе они могли бы рассказать, как систематически и целенаправленно подводились и до сих пор подводятся под банкротство хозяйства, дававшие людям заработок. Достаточно в уборочное время проехать от Москвы до Нижнего Новгорода или хотя бы до Тулы или Пензы. И вряд ли кто-нибудь увидит там хоть один зерноуборочный комбайн на полях или стадо коров на лугу.

Привычный и дорогой русскому сердцу пейзаж — бескрайнее поле колосющихся хлебов (вспомним: «Шумит, шумит

пшеница золотая, о самом лучшем в мире говорит»), — где он теперь? В путинско-медведевской России нивы и культурные пастбища на миллионы гектаров заросли сорной травой и выведены из хозяйственного оборота: расчищен путь потоку импортного продовольствия, которое после вступления РФ в ВТО окончательно ликвидирует остатки крестьянства.

А рабочий класс? Где он? За последние 20 лет в стране исчезло 75 тысяч производств. К примеру, город Балеи практически умер после того, как в 2006 году право на разработку золотых месторождений было передано британской компании Highland Gold Mining. Помнится, перед президентскими выборами Путин бросил реплику в адрес Зюганова: чего, мол, он там говорит о необходимости национализации минерально-сырьевой базы? По закону недра Российской Федерации и так являются государственной собственностью. Но о том, что по этому закону права пользования недрами могут отчуждаться, а добытые из недр ресурсы могут находиться в частной форме собственности, противник национализации умолчал.

Однако программные статьи нынешнего президента как раз и обязаны были всем показать: «царь-батюшка» все знает, обо всем информирован. Больше того, при их чтении не покидало ощущение, что писал их не тот, кто свыше двенадцати лет определял политику страны, а некий оппозиционер, все эти годы боровшийся с путинским режимом: *«Уверен, нам не нужны балаган и соревнование в раздаче необеспеченных обещаний. Нам не нужна ситуация, когда демократия сводится к вывеске, когда за «народовластие» выдается разовое развлекательное политическое шоу и кастинг кандидатов, где содержательный смысл выхолащивается эпатажными заявлениями и взаимными обвинениями. А настоящая политика — уходит в тень закулисных сделок и решений, которые ни с каким избирателем не обсуждаются в принципе».*

Заметим, что критиком политического «балагана и раздачи необеспеченных обещаний» выступал человек, в 2007 году возглавивший партию Единая Россия (с момента своего создания служившую послушным придатком президентской администрации), которая обещала: «К 2008 году каждая семья будет иметь собственное благоустроенное жилье, достойное третьего тысячелетия, вне зависимости от уровня сегодняшнего дохода. К 2008 г. Чечня и весь Северный Кавказ станет туристической и курортной «Меккой» России. К 2010 г. будут построены транспортные магистрали Санкт-Петербург — Анадырь, Токио — Владивосток — Брест и другие...»

Интересно, кто же это накануне выборов говорил о том, что «настоящая политика — уходит в тень закулисных сде-

лок и решений, которые ни с каким избирателем не обсуждаются в принципе». И кто же это проводил такую политику? Может Владимир Владимирович советовался с народом, приказывая затопить космическую станцию «Мир»? Или, может, не «в тени закулисных сделок» было принято решение отказаться от военных баз Камрань и Лурдес? Может, кто-то прислушался к мнению преподавателей, родителей, школьников, студентов, протестовавших против ввода ЕГЭ и реформы высшей школы? И вдруг мы услышали: «Демократия сводится у нас к вывеске, а за народовластие выдается разное развлекательное политическое шоу». Но чем, если не политическими шоу и не отрежессированными спектаклями с самого начала были путинские «прямые линии», встречи с избирателями, доверенными лицами, политологами и многие другие постановочные действия? Оказывается «царь-батюшка» **знает**, что наша демократия — лишь вывеска на двери...

Можно, правда, предположить, что Путин, снова получив президентские полномочия, постарается исправить свои огрехи, промахи и грубейшие ошибки. У нашего государства, как, впрочем, и любого другого, дела могут идти хорошо только тогда, когда его интересы и интересы правящей элиты совпадают. Судьба Милошевича, Хуссейна, Каддафи, Мубарака могла бы заставить призадуматься наших высших руководителей о том, что их западные друзья готовят им ту же участь...

«Русский народ является государствообразующим — по факту существования России. Великая миссия русских — объединять, скреплять цивилизацию. Языком, культурой, «всемирной отзывчивостью», по определению Федора Достоевского, скреплять русских армян, русских азербайджанцев, русских немцев, русских татар. Скреплять в такой тип государства цивилизации, где нет «нацменов», а принцип распознавания «своей—чужой» определяется общей культурой и общими ценностями. Такая цивилизационная идентичность основана на сохранении русской культурной доминанты, носителем которой выступают не только этнические русские, но и все носители такой идентичности независимо от национальности. Это тот культурный код, который подвергся в последние годы серьезным испытаниям, который пытались и пытаются взломать. И, тем не менее, он, безусловно, сохранился. Вместе с тем его надо питать, укреплять и беречь», — читали мы путинские декларации в «Независимой газете».

Признание русских государствообразующим народом, а также необходимости сбережения русской культурной доминанты поистине дорогого стоит. После десятилетий унижения, которым подвергалась русская нация, издевательства

над ее культурой и историей со стороны либеральных газет, журналов, радио и телеканалов, министров и шоуменов, внушавших державному народу чувство неполноценности, произнесены слова, за которыми, по нормальной логике, должны последовать действия, прекращающие политику геноцида русских, укрепляющие русское культурное ядро, повышающие самосознание титульной нации. То есть в политической пьесе Путина на стене появилось ружье. Выстрелит ли оно? Ведь для того, чтобы за словами последовали дела, должна быть проведена чистка во всех сферах власти (в том числе и в «четвертой власти»). Зачем? Затем, чтобы оказалось возможным переформатировать или, как теперь стало модно говорить, «перезагрузить» сознание российской элиты.

В этой связи вспоминаются слова Александра Сергеевича Панарина, сказанные автору этой статьи в интервью, данном летом 2003 года, незадолго до кончины:

«Вы знаете, красные комиссары уничтожали национальную Россию. За слово «патриотизм» ставили к стенке. Всякое упоминание отечества считалось белогвардейщиной, потому что у пролетариев нет отечества. Так продолжалось все то время, пока комиссары верили в мировую революцию, в революцию в Европе. Но когда в Германии к власти пришел Гитлер, в воздухе запахло жареным. И тогда наиболее проникательные красные комиссары поняли одну простую вещь: Россия очень плохая страна, но другой у них нет, и если эту страну победит Гитлер, их место будет на виселице и нигде больше. Те, кто это понял, стали патриотами, а тех, кто не понял, Сталин просто ставил к стенке».

Сегодня в воздухе тоже пахнет жареным. Волны мировой «цветной» революции от площади Тахрир покатались к нам. Но продолжу цитату из последнего интервью великого русского философа, которое считаю его духовным завещанием:

«Сегодня наш класс собственников полагает, что главный оппонент их богатства — русское обедневшее большинство. Между тем Америка затеяла прибрать к своим рукам все богатства мира, в том числе и богатства нашей страны. Передачу собственности России в руки олигархического меньшинства она считает как бы промежуточным этапом. Завтра уже придет очередь США брать собственность, присвоенную нашим меньшинством, объявив ее незаконной, вклады криминальными и тому подобное. Наши богатеи, может быть, до этого пока не догадались, но рано или поздно они поймут, что на их состояния, на результаты приватизации покушаются не нищие соотечественники, а посягает сверхдержава, которая говорит: «Ваша собственность слишком хороша для

вас». И вот когда наши новые собственники почувствуют эту угрозу, они так же, как красные комиссары 30-х годов, поймут, что Российское государство является их единственным историческим прибежищем. Вот тогда-то они дадут кое-какие денежки на возрождение России. А с теми, кто не станет этого делать, новая власть, быть может, распорядится так же, как Сталин распорядился с комиссарами, никак не хотевшими понять, что пора от пролетарского интернационализма переходить к патриотизму».

Итак, вопрос в том, что будет сделано за словами, которые мы ждали от руководства страны не один десяток лет? Вопрос «что делать» тянет с неизбежностью другой вопрос: кому и как делать? Тем более что слова В.В. Путина о сохранении русской доминанты нельзя трактовать в пользу государствообразующего народа, коль скоро, по Путину, носителями данной доминанты, выступают не только этнические русские, но и все «носители русской цивилизационной идентичности» независимо от национальности. То есть получается, что русский народ беречь совсем необязательно — есть и другие народы, которые это ядро сохраняют.

Да, исторически миссия русского народа государствообразующая. Но если созданное им государство в лице «демократической» власти выступает против него (а начиная с горбачевской перестройки по сегодняшний день это именно так), он будет вынужден отказаться от своей миссии. Мы сегодня не страна времен Достоевского. Ссылка в статье Путина на «всемирную отзывчивость» русского народа из знаменитой речи русского писателя делает, разумеется, честь «эрудиции» автора, но и отдает банальной книжностью. Скольких бы бед и трагедий удалось бы избежать, если бы государство хотя бы с 2000 года опиралось на державообразующий этнос! И внутренняя стабильность, и ликвидация сепаратизма, и ликвидация угрозы распада страны стали острейшими проблемами именно потому, что все это время велась планомерная политика отбрасывания русского народа, игнорирования его коренных интересов, его предназначения быть главной скрепой российской государственности. А он все это время вымирал со скоростью не менее миллиона человек в год. Чтобы остановить геноцид, «исторически русским территориям», как они именуются в статье Путина, нужны преференции, определенные экономические льготы, которые приостановят сползание основной массы русских в бедность и нищету (или хотя бы элементарное экономическое равенство).

Однако, судя по экономической программе нового-старого президента, опубликованной в «Ведомостях», ничего из того, что облегчило бы положение русских, не предполагает-

ся. Путин утверждает, что государство будет продолжать уходить из экономики. И вновь — все то же штампованное упование на вездесущую и всемогущую руку рынка.

Больше того, Путин, как до него Медведев, обещает глобальную приватизацию: *«Ошибочно на основании нашей работы по сборанию, реструктуризации и предпродажной подготовке активов делать вывод о разрастании госкапитализма. По каждой компании у нас есть план по их реорганизации, выводу на рынок... Надо искать покупателей среди глобальных инвесторов»*. Комментаторы справедливо писали о том, что адресатом экономического послания Путина являются не российские избиратели, а западный финансовый капитал. Значит, ни о какой политике, выравнивающей экономическое положение регионов на территории РФ, речь идти не может.

За комплиментами государствообразующему народу должны следовать дела, что в корне изменят его политическое, социальное и экономическое положение, выведут из состояния апатии, в которую его ввергла ведущаяся десятилетиями на государственном уровне компания травли всего русского.

«Надо настроить механизмы политической системы таким образом, чтобы она своевременно улавливала и отражала интересы больших социальных групп и обеспечивала бы публичное согласование этих интересов», — писал Путин в статье «Демократия и качество государства». Что и кто здесь имелся в виду? Разве русские крестьяне — это теперь большая социальная группа? Чьи интересы учитываются — их или того хищного меньшинства, которое их разоряет? Разве русские рабочие, лишённые возможности трудиться на заводах, — это большая социальная группа? Чьи интересы учитываются — их или «эффективных собственников», лишённых русских рабочих возможности трудиться? Если не вернуться на производство русских мастеров, русских инженеров, если не создать условия для возрождения русской деревни в целом, если не разбудить и не использовать творческую энергию русского народа в науке, культуре, промышленности, сельском хозяйстве, медицине, образовании, — ни о каком сохранении русской культурной доминанты не может быть и речи, и страна под названием Россия будет обречена.

1938 год. Пахнет порохом. Мир накануне Второй мировой войны. На экраны выходит фильм Сергея Эйзенштейна «Александр Невский». На всю страну звучит песня Сергея Прокофьева на слова Владимира Луговского «Вставайте, люди русские!» Сталин знал, кого надо призвать к подвигу сохранения Отечества.

ШАБАШ РУСОФОВ

Вспомним недавние события. Грязь и склоки вокруг сомнительных выборов в Госдуму в декабре минувшего года. Президентская избирательная кампания, с ходу начавшаяся со скандалов. Массовые выступления граждан под общим лозунгом «За честные выборы!». Поднятая режимом очередная истерика о «грядущей «оранжевой» революции», поделившая всех на «антиоранжистов» и «оранжевых». Митинги на площади Сахарова, на Поклонной горе, на Болотной площади. Громкие заявления, шествия, споры...

За всеми этими, разумеется, важными и злободневными событиями и темами обсуждений как-то забыли о проблеме, которая несоизмеримо важнее любых выборов и в тысячу раз более опасна, чем все «оранжевые» вместе взятые. Я говорю о таком кошмарном и смертельном для нашей страны и нашего народа явлении как **русофобия**. Мы о ней забыли. А она о нас — нет. Русофобия поторопилась вновь заявить о себе в передаче «НТВшники» 12 февраля сего года.

Я стараюсь не смотреть лишний раз все эти телешоу «энтэвэшных мальчиков» — хрековых-пивоваровых. Из чувства элементарной брезгливости. Но в этот раз заявленная тема касалась национального вопроса, точнее «русского вопроса». И я (заранее зная, как заявленная тема будет преподана зрителю) пересилил себя. Недруга нужно знать в лицо. Знать, что он будет говорить, чтобы потом отвечать ему, опираясь на конкретику. И реальность, как принято говорить, превзошла все мои ожидания.

Разговор был о русских: кто такие русские вообще (те, кто русский по крови, или те, кто живет в России, впитав русскую культуру, или те, кто считает себя русским), являются ли русские государствообразующей нацией и нужно ли это закрепить в официальных документах, насколько это опасно, если русские не будут бояться называть себя русскими, угрожает ли рост национального самосознания среди русского населения гражданской войной и распадом России? Короче — стандартный набор тем. Только вот в студии собрались, мягко говоря, очень странные представители русского народа. Гозман, Шевченко, Митрофанов, Надеждин,

«оранжевый» Рыжков, Гейдар Джемаль... Как-то в одном из своих выступлений Михаил Задорнов дал характеристику судебным баталиям между Абрамовичем и Березовским: два еврея в Лондоне спорят из-за русских денег, лежащих в Швейцарии... Но давайте припомним, как 12 февраля эти «энтэвэшники» решали в эфире русский вопрос.

Началось всё с избытого, замусоленного вопроса: кого считать русскими? Галдели, перекрикивали друг друга, пытались блеснуть остроумием. Певица Шаврина с блаженно-пустым выражением лица поторопилась заявить, что всегда стесняется говорить о своей «русскости», стыдится ее «выпячивать» и у нее есть «друзья грузины», с которыми она соседствует не только дачами в России, но и домами на Кипре. (У меня, в отличие от Шавриной, есть среди друзей и грузины, и армяне, но нет дома на Кипре. Наверное, именно по этой причине я и не стесняюсь всегда прямо говорить, что я русский.)

В качестве критерия для определения национальной принадлежности критики русского вопроса, как обычно, приводили США... Видимо, «не понимают», бедные, что США — в национальном вопросе — не пример для стран Европы и Азии. Коренной народ северо-американского континента был практически полностью уничтожен незваными пришельцами, а оставшиеся в живых были загнаны в резервации. В России же всегда жили и живут коренные народы, и ни один из них не исчез и не вымер за столетия. И все они ревностно относятся к своей этнической самоидентификации. Телешабашники же решили, что, мол, русские — это без исключения ВСЕ те, кто живет в России и кто говорит на русском языке. То есть энтэвэшные «знатоки» русского вопроса **отказали русским в праве этнической, национальной самоидентификации.** (Впрочем, в этом можно было заранее не сомневаться.)

Только хотелось спросить у этих «умников» и им подобных: а вот, допустим, евреи — это те, кто просто ощущает себя евреем или это евреи по крови? А чеченцы? Ими тоже могут считать себя знатоки чеченского языка и биографии Шамиля? Наверное, вряд ли. Вышел бы «оранжевый» Рыжков на центральную площадь Грозного и громогласно объявил бы: «Чеченцы! Отныне называться вами могут все желающие, а не только те, у кого папа и мама этнические чеченцы!». Интересно было бы посмотреть на реакцию... А поехал бы Гозман в Израиль, пришел бы на заседание их Кнессета и так вальяжно, как в студии НТВ, поставил бы присутствующих перед фактом: евреи — это те, кто просто

считает себя евреем... Наверное, живым бы назад вернулся, но бока бы намаяли... И никто бы ни чеченцев, ни евреев за это не осудил.

И что же получается? Выходит, другие нации в России находятся в более привилегированном положении по отношению к русским? И энтэвэшные «шабашники» нам всем хотят это внушить? Но, между прочим, это статьи УК, те самые, родимые 280-я и 282-я: экстремизм, межнациональная рознь и унижение по национальному признаку. Вот только статьи эти почему-то применяют в основном против русских...

Но самое интересное началось, когда они стали «обсуждать», является ли русский народ государствообразующим, должен ли этот факт быть юридически закреплен в Конституции и других нормативно-правовых документах, какие последствия это может за собой повлечь и т.п. Вот тут все и началось! Это было похоже на истерику вампиров из фильма ужасов. Ор стоял, как на шабаше ведьм! Выпученные испуганные глаза, перекошенные злобой лица, слюна на дрожащих губах... Вскливали с мест, старались переорать друг друга...

Среди этого визга и крика можно было расслышать основные их страхи: мол, признание русских государствообразующей нацией сразу же унизит другие этносы, проживающие на территории России, сделает их людьми «второго сорта». И это станет началом гражданской войны! Получим «вторую» Чечню! Россия создана усилиями всех населяющих ее народов, и за русскими нельзя признавать ведущую роль в этом вопросе! Нечего выпячивать русских! Это «нацизм»! Не смей что-то там вякать об ущемлении прав русских, поскольку это тоже «нацизм»!

Не обошли они вниманием и вопрос засилия мигрантов. Показали кадры празднования «Новруз Байрама» в Москве, когда улицы древнего **русского** города (столицы!) были запружены толпами мусульман... А во дворах резали баранов... Показали репортаж об одной сибирской школе, где классы на 90% состоят из представителей «мигрантского сословия»... Эмоционально порассуждали и на эту тему. И, естественно, пришли к вполне прогнозируемому знаменателю: ничего страшного в этом нет. Просто мусульманам в Москве не хватило места в мечетях (то есть нужно их строить как можно больше). Баранов резать, конечно, публично нельзя, но не потому, что это оскорбляет чувства русских, а потому, что это, всего-навсего, противоречит закону о порядке в общественных местах. Не более того. А реакция коренного населения значения не имеет. И что касается мигрантов из южных рес-

публик СНГ, по общему мнению энтэвэшников, то русским лучше молчать в тряпочку... А что отбирают у коренного населения рабочие места — так ему и надо; создают свои этнические анклав — правильно делают; плюют на наши обычаи, избивают и убивают русских парней и насилуют наших девушек — ничего страшного, дело обычное... А то, что в наших школах классы будут забиты мигрантами, не знающими русского языка и не желающими понимать русских традиций и обычаев, — все это не имеет никакого значения... Мол, важно другое: воспитать из мигрантов «граждан России», научить русскому языку и сделать из них замену коренному населению... И еще нужно создавать все условия для мигрантов, чтобы те абсолютно свободно наводняли русские земли, вытесняя на обочину жизни этот самый коренной народ...

Как мы знаем, весь этот русофобский, а по сути, нацистский бред звучит с экрана черного ящика уже лет двадцать. И вроде бы нет смысла удивляться. Двадцать лет в России совершенно открыто и безнаказанно т.н. «демократическими» СМИ оскорбляется русский народ, и это ни властью, ни правоохранительными органами не считается экстремизмом и преступлением. Но в этот раз в своей наглости, мерзости и развязности энтэвэшная компания превозмогла сама себя...

Русский народ пожертвовал миллионами своих сыновей и дочерей, спасая мир от нацистской чумы. Миллионы русских отдали свои жизни, чтобы могли жить все эти гозманы, шевченки, митрофановы, рыжковы и им подобные русофобы. И теперь они с шипением и яростью оскорбляют и унижают русских!

Мы, русские, вымираем по миллиону в год. Именно по нам сильнее всего ударили «реформы» Ельцина—Путина. Какими же нелюдями, какими оголтелыми фашистами нужно быть, чтобы при всем этом запрещать русским даже просто говорить о своей национальной принадлежности! Те, кто действительно думают о благополучии России и её коренных народов, должны бить в набат, чтобы улучшить жуткое положение русского народа, чтобы поддержать его, чтобы он начал возрождаться. Потому что только от русских как стержня российской государственности зависит существование самой России! Даже один из апологетов «демократии» Гавриил Попов несколько лет назад в своей статье призывал сделать все, чтобы сохранить русский народ и остановить маховик его геноцида: «...сегодня надо прямо сказать о цели — «русские». Иначе нас погубит лицемерие. Это проблема всех наро-

дов Российской Федерации, конечно, если они хотят жить в большом едином государстве, которое невозможно без значительного преобладания русских... Россия 21-го века должна уменьшить численность русских в 2—3 раза — или великой России не будет... Разговоры о «россиянах» — это попытка спрятать голову в песок. А нам нужна правда». Но эти шабашники-руссофобы собрались для того, чтобы лишний раз оскорбить великий народ. И никакая прокуратура, никакой следственный комитет не пошевелились...

Государствообразующая роль русского народа должна быть непременно закреплена в первых строчках Конституции. Да, именно и только русские являются стержнем российской государственности, фундаментом России и цементом, скрепляющим ее блоки. Кто утверждает обратное — руссофоб, фашист и нацист! **Россия была создана русскими и свое название получила от имени народа.** Именно русские сумели сплотить коренные народы России в единое великое и прекрасное государство Россию. Или, может, татары, башкиры, буряты, эвенки, мордва, чеченцы, аварцы вдруг решили объединиться и образовать единое государство? Или это русские сплотили их в единое целое, заботясь о них и защищая от врагов?

И уж, конечно, абсолютно глупо и мерзко звучит «мнение» руссофобов о том, что если государствообразующая роль русских будет официально закреплена в Конституции, то это станет причиной «гражданской войны», «второй Чечни» и «кровавой бойни», поскольку остальные коренные российские народы окажутся на положении «второго сорта». Можно не сомневаться, в это не верят даже сами обнаглевшие «шабашники».

Согласно официальной статистике, русских в России 80%. И она по всем международным стандартам — **мононациональное государство.** Но не потому ли и был запущен ельцинским режимом кровавый маховик целенаправленного геноцида русского народа, чтобы русских стало как можно меньше?.. И, похоже, с той же целью ныне наполняют страну разномастными мигрантами...

Отчего это вдруг татары, башкиры, калмыки или буряты станут людьми «второго сорта», если в Конституции будет прямо прописана государствообразующая роль русского народа? В чем будут ущемлены права остальных 20% населения страны? Наши коренные народы несоизмеримо более умны, чем все эти гозманы, и абсолютно спокойно воспримут внесение такой логичной поправки в Конституцию. Все наши народы прекрасно сознают роль русских в России.

Между прочим, в Татарстане и Башкирии в паспортах есть вкладыши, в которых прописывается национальная принадлежность. В этих республиках официально закреплено такое понятие, как «титульный народ». Но вот русским это запрещено. И разве это не факт дискриминации? Почему-то Гозман с Шевченко не обвиняют чеченцев в «нацизме» за подчеркивание своей национальной принадлежности? Почему-то они не обвиняют в «фашизме» татар, узбеков или евреев, публично заявляющих, что они татары, узбеки и евреи. Но какой поднимается вой на том же НТВ, когда дело касается национальной самоидентификации русских!

Когда «джигиты» с гор или «басмачи» из Азии в русских городах убивают русских парней и насилуют русских девушек (примеров этому тысячи по всей России) — русофобы не видят в этом национальной розни и межэтнической распри. Но стоит русским дать отпор распоясавшимся бандитам, спустившимся с гор, — тут же поднимается хай про «русский фашизм». Кто-нибудь слышал о подобных преступлениях, совершаемых русскими в Баку, Ташкенте, Ереване, Махачкале, Грозном по отношению к представителям коренного населения? Такое даже трудно себе представить.

15—20 лет назад в отколовшихся от нас южных республиках тысячами резали и выгоняли русских «оккупантов», которые строили там дома, заводы, школы и больницы. Жители этих республик жаждали «независимости» от России. Ну, получили они эту «независимость», изгнали русских. И что? Теперь едут к нам сотнями тысяч в поиске работы и денег. Едут к «оккупантам». И мы, как считают гозманы, **обязаны** принимать их с радостью и создавать им «комфортные условия», «интегрировать» и «помогать стать гражданами России». А кто-нибудь спрашивает: как живет в их странах оставшимся русским? Их там тоже «любят» и им «помогают»? Впрочем, далеко не надо ходить: достаточно посмотреть, сколько русских осталось в Чечне.

По сводкам МВД, подавляющее большинство мигрантов тащат в Россию наркотики и множат криминал. Для Гозмана, Шавриной или Шевченко эти факты не являются «угрожающими». Но большинство русских мириться с этим не желает. В отличие от русофобов русские не считают, что Россия — проходной двор и арена дикого варварства.

Пришельцы-мигранты уже создают здесь целые анклав-ы, где русским просто опасно появляться. Пришельцы заселяют целые деревни, выдавливая оттуда коренное население. Мигранты отнимают у нас рабочие места, обрекая сотни тысяч русских мужчин и женщин на безработицу.

Сбивают уровень зарплат у местного населения. По протекции и с соизволения продажных чиновников мигранты колонизируют нашу страну, отовсюду выдавливая нас. И сопротивляться — бесполезно. Местные власти, суды и полиция, как правило, занимают сторону пришельцев. И кто-то удивляется: с чего это русский народ вымирает?.. А русофобы злорадствуют: мол, мигранты решат нашу демографическую проблему...

А нам президенты и премьеры всё рассказывают сказки о «реформах» и «изменениях», которые должны возродить Россию... Возродить, видимо, с помощью таджиков и узбеков... Но вот это и есть самая настоящая русофобия. И этой болезнью в первую очередь заражена сама власть. Потому-то и происходят эти шабаши на НТВ. И потому-то так нагло и бесцеремонно ведут себя энтэвэшные русофобы.

*Литературные страницы
Международного сообщества
писательских союзов*

Валерий КОЖУШНЯН (Приднестровье)

ГОРНЮХА

Повесть

Он сызмальства знал, чего хотел: вырваться из беспощадного круга обыденной действительности и открыть для себя весь мир или по возможности завоевать себе в нем прочное место. Эта мечта зародилась еще в мальчишеском возрасте, когда прочел он одну занимательную книжку про моряка. Старшая сестра принесла ее из сельской библиотеки да все забывала отнести обратно. Вот Колька и надыбал на подоконнике среди разных штучек-дрючек в потертом переплете эту книжку. Учился он тогда в седьмом классе. Запала она в душу крепко, но вот концовка романа не понравилась ему. Блажь, видать, нашла на мужика. Кто ж от славы и богатства так просто отказывается? Нет. Тут или автор перемудрил, или непонятное что-то в душу к герою проникло. Неправильно как-то выходило. По малолетству он не стал над этим голову ломать. Перед ним маячил крепкий парень, моряк, сумевший сделать самого себя и подняться из самых низов на гребень жизни.

После школы старшие сестры и братан в колхоз подались. Гриша на трактор сел после краткого ученичества. Колька

Публикуется в сокращении.

же на подходе выпускного года и думать не желал о колхозе. Ни в какую не хотел продолжать традиции семьи на сельской ниве. Он твердо усвоил, что только в городе он сможет достичь своей цели. Ремесло собирался подыскать себе поприличней да поаккуратней. А таким заведением он считал мореходку. На институты разные у него знаний не хватало. Как ни крути, а в сельской школе не тот уровень преподавания, да и природная ленца давала знать. Определился он в училище, где готовили кадры для рыболовецкого флота. В среднюю мореходку он соваться не решился. Главное — получить первоначальное образование, профессию, а там видно будет. Тем более, что в училище Рыбфлота особых знаний и не требовалось, лишь бы парень был здоровый. А крепостью организма Бог не обидел Кольку: и ростом вышел, и телом ладен, и лицом пригож. Форма на нем курсантская сидела, словно на витринном манекене. Городские девахи заглядывались, что уж о сельских «золушках» говорить. Приедет, бывало, на выходные домой, вечера дожидаться не может, скорее в клуб, на «пятак», где еще до сумерек колготилась молодежь. Дожидались темноты. И начинались танцы! Эх, и гужеванил Никола, только пыль из-под клешей могучими клубами взвивалась. Площадь-то перед клубом не асфальтом покрыта, просто утрамбованная за десятки лет многими ногами земля. Местные хлопцы только зубами скрипели от зависти, а навешивать пилюлей за излишнюю прыть не решались. Знали, за Николаем не заржавеет. В последнее время его чаще кликали не по имени, а по удачно приклеенной сокурсниками по мореходке кличке — Горнюха. Случалось, наезжал Колька в село и с новыми дружками. От них и узнали в селе о прозвище. Так и пошло-поехало — Горнюха. Вскоре многие сверстники стали подзабывать истинные имя и фамилию Кольки.

В село в гости к Николаю курсантики приезжали частенько и охотно. Вина можно было попить вволю. В такие наезды программа активного отдыха была незатейливой, но эффективной. Сначала на берегу речки устраивали пикник с обилием выпивки и скудостью закусок, затем с вечерними сумерками отправлялись на танцы к клубу. Подпитые курсанты не в меру были задиристы и нахальны. Танцевали со всеми подряд девчонками и, случалось, цепляли тех, кто был уже занят местными ухажерами. Возникали локальные конфликты. Колька в ущерб своим развлечениям то и дело кидался в людские водовороты, где мелькали среди рук и ног клеш и гюйсы корешков. В конце концов, все завершалось мирно, чаще

лихой выпивкой после танцев в зарослях густой сирени, что буйно кустилась за клубом. Правда, иной курсантик хлюпал расквашенным носом или «светил» удачно поставленным «фонарем», но эти обстоятельства контактов с абorigенами села служили скорее предметом для шуток, чем для злого желания отомстить. Морячки обиды не копили и вместе со своими недавними соперниками откликались на грубоватые сельские шутки. Зато вспомнить было что в дни нудных занятий в мореходке.

Несмотря на оттяжку по выходным и внешнее ухарство, учился Колька неплохо. Ему нравилось морское дело, нравилось море, неповторимые и будоражащие фантазии, запахи порта. Специальность, которой он обучался, была ему по душе — радист. Надоумил его один дружок — Серега, с которым сошлись они еще при поступлении в мореходку. Кольке хотелось на штурвальном податься. Очень уж эффектно он бы выглядел за рулевым колесом. Однако доводы, которые привел новоиспеченный дружок, перевесили первоначальные замыслы будущего «морского волка». Одобрили сей выбор и родители. Дело хорошее, главное — чистое и работа головы требует, а не одних рук. Это тебе не слесарь, вечно в мазуте и грязи да с зарубинами на огрубевших руках. Опять же, после, когда мозги в морских буднях пообветрятя, на земле работенка найдется. Так примерно рассудили Колькины старики. Уж кому-кому, а им житейской мудрости не занимать было. Хоть здесь сынок перечить не стал — и на том спасибо.

Осваивать специальность радиста Кольке было не сложно, слухом Бог не обидел его. Он даже на гитаре самоучкой научился бренчать. Короче говоря, весь набор бесшабашного «морского бродяги» был при нем. Через год учебы в городе прибавилось в нем лоска, и появились некоторые наметки шика, выучился он и за подругами ухаживать так, что позавидовал бы ему и прожженный ловелас. Особого сопротивления от женского пола он не имел, видный парень, потому и действовал всегда целеустремленно и даже самоуверенно.

Как сказано не единожды и не нами — ищущий большой любви да обретет ее! Замысловатые зигзаги судьбы привели на это поле и Горнюху.

До этого Колька больших чувств к своим подругам не испытывал. Все некогда было притормозить и присмотреться попристальней хотя бы к одной из них.

Дело случилось уже после окончания «бурсы», так называли курсанты свое училище. Николай ходил в моря и океаны, правда, поначалу не в очень фартовые рейсы. Стране нужна была рыба. За «живым серебром» уходили аж к Африке. Мо-

ряку там особо пожить нечем, в смысле барахла всякого. То ли дело страны, обсаженные вокруг Средиземного моря, или на худой конец Турция. Конечно, кое-какую копейку Горнюха зашибал, что уж греха таить, но приторговывать шмотками не получалось, как ребятам с Торгфлота. Но он ясно отдавал себе отчет, что надо пообтереться здесь, на Рыбфлоте, завести нужные знакомства, а там дело пойдет на лад. После четырехмесячной морской вахты у чужих берегов Колян прибыл в родной порт с полными карманами денег. Понятное дело, что расчет он получил уже на берегу. Такой суммы он ни разу в куче не видел, не то что в руках держал. И здесь он впервые понял, как значим и солиден человек с деньгами. Он вдруг отчетливо ощутил себя совсем другим. Кроме своей природной независимости, он заметил в себе некую снисходительность к тем, кто считал каждую копейку. Всесокрушающая сила денежных знаков захватила его с головой. Доселе не испытываемое им состояние окрашивалось едва сдерживаемой радостью от своего величия. Я — богат! Когда у тебя заваливается лишний червонец — это совсем не то, даже сравнивать неохота. А вот если ты при деньгах — это другой коленкор. Конечно, для задрюченного совбытом бедолаги неполных две тысячи рублей воспринимались как солидный капитал. Новоиспеченные отечественные нувориши только усмехнутся: мол, нашли, что деньгами называть. Но наш народ памятный и еще держит перед глазами те годы, когда хлеб и пиво стоили сущую ерунду, а зарплата в 120 рублей воспринималась как вполне нормальное явление. Так что две тысячи рублей, за небольшим вычетом — это великие деньги были.

Колька воспарил. Дремлющая в душе, но придавленная воспитанием и всеобщим равенством зарплат и окладов, жажда наживы ударила в голову и обострила давние мечты и помыслы. Нет, стремление перебраться на Торговый флот не угасло, наоборот, усилило его душевный напряг. Конечно, Колька родителям подсоблял, но особо деньгами не разбрасывался. Хватило с него и первого рейса. Погужевал он тогда знатно, но все же сумел придушить возникшее из невесть каких глубин ухарство. Замыслил он скопить солидную денегу. Зачем? Он, наверное, и сам бы не смог четко ответить. Просто нравилось ему быть всемогущим и способным реализовать любое желание. С этим непередаваемым чувством он уже не хотел расставаться. Разве могли понять его эти, копошащиеся в земле и вечно считающие копейки в закутках, колхозники? Откуда! Им бы на дом скопить, на машину да на всякую дребедень. Так и жизнь пролетит. Не заметят, как посох в руке окажется.

Мать по первости так и думала, что сынок деньги копить начал на строительство собственного дома да на женитьбу откладывает. Огорчалась, наивная, когда Колька бесцельно проматывал с друзьями целый столярник. Журила его, настаивала на путь истинный. Тут и сестры встревали с советами не медлить с женитьбой. Годы бегут, мол, не успеешь оглянуться — бобылем останешься. С ними все понятно. С их женской колокольни оно так и может выйти. Девкам главное — замуж вовремя выскочить. Но Колька-то мужик, куда ему спешить. Не нагулялся еще. Батька от назиданий отказался и с сыном редко заводил разговоры о планах на будущее.

После очередного рейса Горнюха, как повелось, дня на три заявлялся к родителям на побывку. В первый же вечер того злополучного приезда, не дождавшись родни к застолью, улизнул из дому и — напрямик в сельский клуб. Друзья тут же его взяли в оборот. И пошло-поехало. Очнулся он поутру на чьем-то чердаке недостроенного дома с молодой краснощекой продавщицей сельпо. Измотала, видать, его девах изрядно: целый час не мог определить Горнюха своего местонахождения. Томная, насытившаяся любовной лаской продавщица, лениво потягиваясь, с любопытством наблюдала за Горнюхиной маятой. Она изредка издавала смешки, словно мелкие камешки разбрасывала, когда Колька тупым недвижимым взглядом застывал на дощатом фронтоном чердака. Голова его была пустой и гулкой, словно артельный казан после знатной юшки. Ни одной мысли или хотя бы тени ее не возникало под сводом черепа. Будто вместе с мужскими силами вытекли и мозги.

Припелся он домой к шести утра. В доме уже все были на ногах, крутилась обычная хозяйственная карусель. Батька завтракал.

Горнюха хотел незаметно прошмыгнуть в спальню, но был остановлен грозным окриком. Жестом указал на лавку и, прожевав очередной кус бутерброда с салом, молвил:

— Слухай сюда, бедила. Будешь шляться по ночам и портить сельских девок, отрублю твою женилку. Или не приезжай вовсе до хаты. — Василий Андреевич выдержал паузу и закончил: — Вон, мать испереживалась вся. Наслушается от баб всякого про тебя и не спит ночами. Холера тебя побери!

Колька уловил снижение тона в батькиной речи и решил увести разговор в нейтральное русло.

— Бать, кончай травить, лучше налей. Голова трещит, намешали вчера всякого... — и потянулся к графину.

Василий Андреевич дернул кадыком и угрюмо воззрился на сынка. Затем обтер ладони кухонным полотенцем и вле-

пил тяжеленную оплеуху взрослому неслуху. Голова Горнюхи дернулась, словно подсолнух при порыве ветра, и завернулась набок.

— Ты шо батя, чокнулся? — Горнюха невольно схватился за щеку и непонимающе уставился на своего родителя. В голове возник всепоглощающий звон. Горнюху замутило. Преодолевая слабость в ногах, он поднялся и собрался было ответить своему родителю тем же макаром, но одумался. Расслабленно шмякнулся на лавку и бессильно заплакал. Василий Андреевич еще понаблюдал за сыном, горько вздохнул и, не проронив ни слова, вышел из-за стола.

— Следующий раз руки обломаю, — обернулся с порога и с силой хлопнул дверью.

Горнюха утерся и налил полную кружку вина и выпил. Сидел минуты две и ждал, пока в организме приживется живительная влага. Вроде, ничего. Отломил кусочек брынзы, так и не тронутый Василием Андреевичем, и вяло стал жевать. Не пошло. Еле проглотил. Решил закурить, но воспоминания о табаке вызвали волну тошноты.

Вошедшая в кухню мать взглянула жалостливо на своего непутевого сынка, но ничего не сказала, загремела у плиты чугунами. Время было готовить варево пороссятам.

— Ладно, как хотите, — пробубнил Горнюха. — Больше меня не увидите. Еще посмотрим. Подумаешь, погулял маленько. Вот интересные дела, будто сам молодым не был.

— Сынок, Коленька, жениться тебе надо. Чего уж так бегать, как кобелю непутевому, — откликнулась от печки мать. Голос ее дрожал и вибрировал, выдавая накопившуюся материнскую боль. Она бы и запричитала, да Колька вскочил и опрометью бросился во двор. Таки не пошла на пользу кружка.

Пришел в себя Горнюха только к полдню после миски густого наваристого борща. Понукаемый матерью, он едва одолел налитую порцию. Насилу, ложка за ложкой, вливал в себя огненно-красную жидкость, отодвигая к краю миски варенные овощи. Горнюху прошиб болезненный пот, но внутри потеплело и стало помаленьку отпускать.

«Что ни говори, — размышлял Горнюха, — а батяка прав. Я бы тоже своему сынку залимонил». Обида на отца прошла, но отношения так и не наладились толком. Батяка тайно переживал разлад с сыном, виду никому не подавал, да и Горнюха в свои наезды уже стал поскупее на гулянки. Беседы с отцом тоже многословием не отличались. Так и жили.

Горнюхе вскоре с помощью надежных друзей удалось втереться в Торговый флот. Зарабатывать стал поприличней, это с учетом навара со шмоток импортных. Рейсы случались и ко-

роткие, и длинные, но куда там Рыбфлоту. Раздолье здесь. Научился Горнюха валюту экономить и вкладывать ее с толком в куплю-продажу импортных вещей. Прибавлялись денежки. Кто не видел Горнюху давно, удивился бы его внешнему виду, ни за что не поверил бы, что перед ним бывший сельский пареня стоит. Американская кинозвезда — не иначе. Джинсы в обтяжку, сапоги ковбойские, рубашка немыслимой расцветки и шляпа точь-в-точь с картинки о родео. Отстегивал Колька и старикам. Кроме денег, которые отдавал только в руки матери, привозил всякие заморские штыки и диковинки. Братан Гришка и сестры тоже не обделенные ходили. А однажды батьке привез он чудный портсигар. Удивительная была вещь — с подсветкой и музыкой. Откроешь его — свет загорается по краям и мелодия звучит приятная. Мужики на перекурах только и делали, что вокруг Василия Андреевича грудились, глазели на чудеса иностранных и все музыку заставляли включать. А зажигалка вообще неопишесмый восторг вызвала. Щелкнешь — и тут же загорается огонек. И что характерно, не гаснет он на ветру, а только пуше разгорается. «Умеют же делать вещи, собаки», — вслух восхищались мужики.

Василий Андреевич в руки никому портсигар не давал, а все же от частого открывания музыка слабеть стала. Пришлось просить сына привезти что-нибудь попроще, а это чудо приберечь. Пусть дома находится, праздников дожидается. Не дело такую диковинную вещь на поля таскать. Не ровен час, под колеса комбайна обронишь, и конец этой хрупкой красоте. Нехай лучше дома покоится, в серванте.

Старшой Гришка давно как женился. Живут, детишек клепают. Ольга замуж за хохла пошла. Сейчас обретается на той стороне лимана. Тоже неплохо живет. Муж работающий попался да обходительный. Одно худо — старики у мужа совсем хворые, достается дочери. Да куда денешься, не бросать же их без присмотра, не по-людски это. Лишь бы лад в семье был. Вторая дочь, Катерина, тоже не утерпела, в Сибирь укатила, на какую-то большую стройку. Устала, говорит, коров доить. Пишет, что хорошо устроилась, мужика себе правильного нашла. К лету обещалась навестить семью. Один Колька никак на якорь не станет. Старики помалкивают, но нет-нет да вздохнут горестно. Горнюха эти вздохи расшифровывает в одну секунду. Все никак не дождутся старые внуков от него. А он все со своими шуточками: мол, у моряка в каждом порту по ребенку. Ну, не дурак ли так над родителями изгаляться?

Иной раз вернется со своего рейса и с порога: «Ну что, подыскали невесту мне?» Батя отмахивался, сам, мол, кумек в своих личных делах, не маленький.

Больше всего старики боялись, что сынок привезет им какую-нибудь городскую «свистульку» и заставит любить и жаловать. Вот, мол, моя жена. Однажды привозил, потому и боялся повтора от сына. С него станет. Не расписанные были, слава Богу. Девка на вид справная и красивая. Только дюже размалеванная, живого лица не разглядишь. Да и одежонка на ней какая-то, будто и нет вовсе ее. Неловко было разговаривать с ней. Приходилось в сторону глядеть. И что неприятно, разговаривает так покровительственно, будто в дом к недоумкам приехала. И то ей не так, и это. Оказывается, неправильно едят они и пьют черт-те что. Официантка с Колькиного парохода. Нахваталась всякого, куда там тебе! Старики не на шутку всполошились тогда. Хорошо, Гришка шепнул им, что она просто подружка Колькина временная. А-а, тогда хрен с ней, пусть выкаблучивается. Можно пару дней и потерпеть.

И тут случилось. На 9 мая дело вышло, в День Победы. В селе к этому всенародному празднику относились с особым уважением и почетом. Через село дважды война прокатилась, большой кровавый след оставила. Народу погибло на их земле видимо-невидимо. Не зря братская могила воинов находится в самом центре села. Ухаживали сельчане за памятником, что за родными могилами. Да что лишнее говорить, защитники здесь лежат. Обычно к празднику Победы наезжали гости знатные, большей частью ветераны. Одним словом, истинно народный праздник.

Подоспел к этому Великому дню и Горнюха. Душа домой потянулась. В село Горнюха приехал накануне праздника. В доме уже самый разгар суеты: варится, парится всякая съедобная всячина, вытряхиваются ковры и одеяла, дряхлые полы и окна. Батька как раз медали и орден Отечественной войны достал. Василий Андреевич из ветеранов сельских был самым молодым. На фронте угодил под конец войны совсем юным, но и года войны с лихвой хватило ему. В пехоте воевал, дважды ранен был. Все тело в шрамах, и оказалось их больше, чем наград. На калитке до сих пор висит табличка с надписью «Здесь живет ветеран Великой Отечественной войны». Вроде, и невеликие знаки внимания, а приятно старику, хоть и виду старается не подавать.

Присел Горнюха на диван напротив отца и наблюдает, как тот награды свои бархоткой холит. И, чтобы занять немного старика, стал ему о последнем рейсе рассказывать. Мать принесла пирожков с зеленью и кружку вина розового, чтоб с дороги немного перекусил. Горнюха винцо потягивает и рассказывает батьке о Канаде.

Со двора послышались голоса или голос, не разобрать, радиоточка мешала расслышать. Кто-то хозяев кликал. На голос отозвался и пес.

— Ну-ка, сынок, взгляни, кто там? — непривычно теплым тоном обратился Василий Андреевич к сыну. — Может, соседке шо понадобится? Мать у погребке, не услышит.

Горнюха поднялся. Конечно, здесь можно нагородить всякого о фатальности случая, о судьбе и тому подобные несуразности. Горнюха во все эти тонкости небесной сферы не вникал и не собирался засорять мозги лишними фантазиями. Он твердо усвоил: если человек поставит перед собой цель и будет двигаться к ней — рано или поздно результата он достигнет. Конечно, при условии, что субъект — мечтатель реального плана, а не строитель воздушных замков. Такая вот мечта возникла за калиткой. Там стояла девушка именно такого образа, который он не однажды рисовал в своих фантазиях, который нередко грезился ему в тяжелых морских снах. Опытным глазом прожженного сердцеда он окинул ее всю с ног до головы и улыбнулся немного растерянно и удивленно. Девушка ответила ему тоже улыбкой. У Горнюхи что-то беззвучно шелкнуло в груди и разлилось теплом внутри.

— Здравствуйте! Здесь живет Василий Андреевич? — обратилась девушка к Горнюхе. Тот все еще не мог стереть улыбку с лица.

— Заходите, заходите, — широко распахнул калитку обалдевший морской бродяга и свирепо цыкнул на собаку, рвущуюся с цепи.

Короткий переход по двору рядом с этим неземным созданием подвигнул Горнюху на светский разговор. У него аж лицо запыхало.

— Извините, вы из какого века к нам? — начал изысканно он.

— А вы оригинал! — Девушка сбоку глянула на него и улыбнулась.

— Я сто лет не встречал таких красавиц в наших краях.

— Вы это серьезно?

— Николай, кого там еще принесло? — послышался голос из открытых дверей веранды. На пороге появился Колькин батка в парадном пиджаке. Боевые награды жарко и ослепляюще горели на лацкане.

— Отец, что вы в самом деле. К нам девушка с визитом, точнее, по вашу душу. Нельзя же так неучтиво... — Горнюха пожал плечом и отступил на полшага, пропуская девушку в дом.

Василий Андреевич внимательно посмотрел на сына, хмыкнул, но ничего не ответил.

— Здравствуй, Олеся! Заходи у хату, не стесняйся.

— Я всего на минуточку, Василий Андреевич, — девушка смущенно остановилась на пороге.

Горнюха из-за ее спины замаячил батьке, мол, понастойчивей приглашай, не стой столбом.

Батька удивленно вскинул брови, но снова ничего не сказал сыну. Ишь ты, засуетился, кобеляка. Взял за руку Олеся и ввел в дом.

И от этого отцовского действия вспыхнул свет перед глазами Горнюхи: судьба!

— Я к вам, Василий Андреевич, с заданием пришла, — присаживаясь на высокий стул с резной спинкой, сообщила Олеся. — Завтра будет торжественная линейка и митинг. Надо будет выступить. Конечно, там будут и взрослые, но главное — перед ребятами. Я ведь теперь в школе по воспитательной части работаю, — и так это наивно горделиво получилось у нее, что ветеран не сдержал улыбки.

— Оратор из меня никудышный, можно сказать. Може, кто из других ветеранов расскажет. Я ведь балакать перед людьми не умею. У вас же учитель есть, тоже бывший вояка.

Горнюха знаками показал, что надо идти и выступать и никаких отговорок. Батька уже в который раз удивился сыну. Чего это с ним сделалось? А Горнюха вежливо склонил голову перед гостьей и вымолвил:

— Молодое поколение должно знать о подвигах своих отцов и дедов. По-моему, ничего так не впечатляет, как рассказ очевидца. Я прав?

— Конечно! Вот видите, Василий Андреевич, и сын ваш подтверждает. Да вы не переживайте, все будет хорошо. Там еще ветераны будут.

— Насчет сына это вы точно подметили. Извините, не представился, — Горнюха вскочил с кресла и по-гусарски шелкнул голыми пятками. — Николай, сын ветерана. По профессии моряк, по специальности — радист, по сути...

— Перья не распускай перед дивчиной, — батька покрутил шейей. — Сбегай-ка лучше у погреб, человека угостить надо, — отец глянул на остатки Горнюхиной трапезы.

— Отец, что значит «не распускай перья?» Что я вам, дичь какая-то? Не маленький уже, обойдусь без замечаний. Я просто хотел сказать в двух словах о своей работе, — Горнюха изобразил возмущение на лице и вышел.

— От трепло! Ты, Олеся, не бери сильно у голову. Парень он хороший, но кобенится, хлебом не корми.

Олеся засмеялась и весело стала успокаивать ветерана.

— Все хорошо, Василий Андреевич. Ведь он ничего плохого или дурного не сказал. По-моему, сын у вас замечательный.

— У самом деле так думаешь?

— Он мне сразу понравился. Только не говорите ему об этом, — понизив голос, испуганно попросила Олеся. Однако страхи ее были скорее веселыми, чем настоящими.

— Да я шо? Я — ничего. Только вот не женится никак, чертяка. Все принцессу шукает... Шо-то он при тебе дюже хвостом закрутил, а?

При последнем замечании Василия Андреевича Олеся невольно зарделась. Ветеран хмыкнул понимающе, но тему не стал развивать. В глазах его мелькнуло сожаление: еще одна дуреха попалась на крючок. Жаль будет девушку. Вроде, не избалована, скромна и собой хороша. Не такому ухарю должна бы достаться. Однако Олеся не замечала проникающего взгляда Василия Андреевича, погруженная в свои потаенные мысли.

— Я, пожалуй, пойду. Мне еще три хаты надо обойти. Ой, чуть не забыла, возьмите приглашение на праздник, — Олеся подала открытку Василию Андреевичу, и встала.

Василий Андреевич поднялся вслед за Олесей. В дверях столкнулись с Колькой.

— Вы куда? — в одной руке он держал нарядный белый кувшин с лепниной из голубых цветков по бокам, в другой — тарелку с пирожками. — Вот угощение готово.

— У другой раз. Девке еще побегать надо по хатам. Я ж не один такой. Нехай иде, — батька перехватил кувшин и тарелку у Кольки и добавил: — Проводи человека.

Горнюха повел Олесю к калитке. Трезор попытался было еще раз проявить собачью бдительность, но был пресечен грозным окриком.

— Хотел бы завтра вас, Олеся, увидеть.

— Я буду на празднике. Там и увидимся.

— Заметано. Надеюсь, вы будете без кавалеров?

— А вы что, боитесь соперников?

Горнюха весело рассмеялся.

— Я вас умоляю. Просто неприлично набиваться, когда вы уже заняты.

— Нет, я буду с подружками. А если вас интересует мой парень, то это так, школьная дружба. Он уехал учиться — и все.

— Знаете, Олеся, я вас завтра ангажирую на целый день. Не возражаете?

— Хорошо, — просто ответила Олеся.

И закрутилось. Горнюха, по определению моряков, заякорился. Свадьбу наметили к осени. Горнюхе предстоял один солидный рейс: то ли в Индию, то ли в Канаду. Деньги хоть и водились у Горнюхи, но предстоящее событие требовало, по разумению жениха, солидных вложений. Чтоб запомнилось, чтоб село трепетало от устроенного фейерверка.

Олеся влюбилась по уши в Горнюху, и каждый день разлуки с любимым переживала очень трудно. Ведь он у нее был первым мужчиной. Все ходила на развилку к шоссе, что за селом пролегло. Своим говорила, будто прогуляться пошла, но родители понимали, что к чему. Отец Горнюхи частенько заглядывал к будущим родственникам и, как мог, утешал свою будущую невестку. Советовал ей на речку сходить либо на лиман позагорать, книжки почитать, чем без толку у дороги торчать. Разлука от этого короче не станет.

Все проходит, и Горнюха в конце лета прибыл в родное село. Тут уж радости было выше крыши. Мать и не узнать было. Наконец-то ее молитвы дошли до Бога. Невесту свою Горнюха так одарил всякими одеждами и модной обувью, что бедная девушка даже растерялась на первых порах. Стеснялась надевать всю эту заморскую красоту. А Колян и не торопил ее. Пусть пообвыкнет. Он знал, что женщины к нарядам привыкают быстро, вот наоборот — драма получается. И действительно, вскоре Олеся по вечерам смело наряжалась в сарафаны, кофточки, это смотря какой вечер удавался — прохладный или теплый.

В селе бывшие приятельницы Горнюхи завидовали. Везет же дуре наивной. Но особо зацепить Олесю нечем было, и скоро недоброжелательные разговоры поутихли. Все ждали свадьбу.

Наиболее сильно обострился интерес у сельчан, когда начали готовить площадку под свадебный шатер. Прямо на улице, недалеко от дома насыпали песка вперемешку с глиной и ручными катками укатали. Получилась чисто древнеримская арена. Горнюха привез из города контейнер необычного цвета и размеров. Оказался там шатер сборный. Всевозможных трубочек алюминиевых выгружали связками. Два дня местные мужики мудрили над этим заморским чудом. Мало того, когда вырос над площадкой великолепный пестрый шатер, столы и скамейки оказались тоже сборными. Красиво получилось. Это же целый дворец вырос на улице. В длину метров тридцать пять, в ширину десять метров. Тут и танцевать можно на случай непогоды. В Молдавии сентябрь — месяц тихий, ясный, не зря считают его «золотым», а все же осень. Никогда не знаешь, что под вечер случится. Может и дождь зарядить, и ветруган подняться. Хотя и редко, но бывает.

И свадьба покати­лась по испытанному годами сценарию без сучка и задоринки. Конечно, не обошлось без ревнивых сцен со стороны подвыпивших мужей и расслабленных ви­но­жен, и легких, беззлых, правда, перебранок. Говорят, даже кому-то оплеухи достались. На то и свадьба, страсти здесь оголяются сполна.

Колесница перестройки подминала под свои беспощадные колеса все наработанное и припасенное за десятилетия мирного труда, пусть и не шибко резвого, но спокойного и целеустремленного. Еще не совсем отчетливо, но неотврати­мо, словно грозовая туча среди ясного неба, надвигалась на издерганную страну разруха. Первыми забеспокоились старики на селе: потихоньку от своих дочерей и сыновей стали закупать соль, сахар, муку, спички, табачные изделия. При­лавки катастрофически пустели. Крестьянина на лозунги и политические уловки не возьмешь. А когда ухнула по стране реформа денег в виде обмена 50-рублевых купюр, многие и вовсе остались без сбережений. И все же основная масса пер­вый напор государства сдюжила. Это потом уже, после раз­вала страны, сгорели дотла все сбережения рядовых граж­дан. Союзный премьер давал свою руку на отсечение, обеща­я никаких реформ не проводить, но все обернулось жесточай­шим обманом. Никто не нашелся отрубить ему руку, и дело кончилось как обычно: виноватых нет, пострадавшие — весь народ.

Находясь под эйфорией медового месяца, Горнюха не раз­делял тревог своих стариков. Мать с отцом переселились в косойку (летнюю кухню) и продолжали потихоньку накап­ливать все необходимое на черный день. Молодые жили в родительской хате. Горнюха, скорее по наитию да еще от мо­ло­дого форса, скупал ценные вещи и быттехнику. В каждой комнате — по телевизору, в углах прямо в упаковке стояли новенькие холодильники. Как-то так совпало, что ему хоте­лось порадовать молодую жену своими возможностями и чу­десами бытовой техники, заморской одежкой и обувкой, а получилось — деньги вкладывал. Ему хотелось, чтобы Олеся чувствовала себя в его родном доме свободно и комфортно и меньше возилась по домашнему хозяйству. Друзья настой­чиво советовали ему обратить оставшиеся капиталы в твер­дую валюту и выждать. Однако Горнюха не успел, все еще веря безоглядно своему лукавому государству. И все же кое­какие сбережения ему удалось спасти, и потому решил про­вести медовый месяц в морском круизе.

Он повез Олесю в Одессу и стал знакомить с достоприме­чательностями черноморского города. И, само собой, пово-

дил по всем лучшим ресторанам. На свадьбу он всех своих морячков пригласить не смог, поэтому давал заказные обеды и ужины то в «Аркадии», то в отеле «Красном».

Мотовство молодожена обрело характер загула периода конца империи, когда отчаяние делает людей вконец безумными. Притупленные алкоголем и упорным неприятием окружающей действительности, природные прижимистость и смекалка, уже не могли служить надежным тормозом. Деньги летели косяком в бездонные карманы ресторанных воротил. Одесса доить умеет. Кошелек катастрофически пустел. Так ничего не останется на дальнейшую жизнь. А круизный теплоход приходилось ждать еще неделю. Проснувшись однажды утром в шикарном люксе отеля «Красный», Горнюха понял, что пора завязывать. Останавливаться он умел, но все чаще ловил себя на мысли, что дается ему эта процедура все труднее. Олеся в эти дни выглядела подавленной, в пикниках ночных не участвовала, стала малоразговорчивой. Глядя на ее встревоженное лицо и отсутствующий взгляд, Горнюха поклялся себе больше ни в один кабак не заглядывать и от компании отделаться.

И вот подоспело время их морского путешествия. Горнюха сварганил в пароходстве бесплатные места, ибо в то время еще действовало правило раз в год дармового путешествия морякам и их семьям в пределах водного пространства страны. Обычно круизные маршруты устраивали на судах, прибывших из дальних странствий. Работник пароходства имел возможность совершить недельную поездку по известному маршруту Одесса—Крым. Меж собой моряки такие рейсы называли «Крымско-Колымскими».

Пожалуй, это были самые счастливые дни в жизни Олеси, доселе не видевшей толком ни море, ни пароходы, ни черноморские города. Да и откуда сельской девчонке видеть все это? Семья ее жила всегда внатяг. О каком-то отдыхе где-то на морях и не помышляли. Чаше каникулы, а позже отпуска Олеся проводила в колхозном саду или в поле. Деньги зарабатывала.

На лайнере, на котором Горнюха и Олеся пустились в путешествие в Крым, работали пара дружков. Они-то и раскрыли ему глаза на современную ситуацию. Горнюха после этих душевных бесед мрачнел и часами смотрел на мерцающее море с верхней палубы. Мысли о будущем все больше тревожили Горнюху. Ясно, что с женитьбой он больше в море не ходок. Можно, конечно, разок смотаться в рейс, если что стоящее подвернется. А это означает на полгода — не меньше — разлука предстоит с молодой женой.

Через несколько месяцев Горнюхе удалось—таки втиснуться в команду круизного судна и уйти в долгий рейс. И если в предыдущие свои походы он уходил в море с легким сердцем и с ощущениями радости новых открытий, то в этот раз он стал маяться и считать дни возвращения на берег чуть ли не на выходе из порта.

Прошел месяц, подкатывал к исходу другой и Горнюха все чаще впадал в беспокойство и мрачность. Естество стало настойчиво напоминать о себе.

Однажды Горнюхе пару раз на глаза попалась юная стюардесса. Она была ему симпатична и в поведении своем создавала впечатление серой скромницы, не осознающей еще своей красоты и изящества линий своего юного тела. В другое время, будь это на берегу, да еще рядом была бы Олеся, Горнюха и внимания не обратил бы на девушку. Но здесь, в замкнутом пространстве теплохода, она вызвала в Горнюхе образ женщины, оставленной на берегу. Тот же чудный блеск глаз, похожий голос, изящный поворот головы. Стюардесса напоминала если не саму Олесю, то младшую ее сестру и это сходство окончательно сбило Горнюху со стоических позиций. Он мысленно махнул на все рукой и решил на время рейса пришвартоваться к этому милому созданию, как он надеялся, без особого ущерба для души. Ему показалось, что и девушка испытывает к нему некоторую симпатию. Уж слишком часто она стала мелькать в районе радиорубки. Что только не возникает в воспаленном воображении мужчины, лишенного женской ласки. Девушку звали Ольгой. Пару раз он слышал это имя от ее подружек. Пришел момент решительного шага. Однажды они столкнулись в переходном коридорчике, куда Горнюха иногда выходил размять затекшие суставы. В этот момент с подносом в руках появилась Ольга. Она несла кофе на капитанский мостик. Короткая фирменная юбочка едва скрывала крепкие бедра, а белая без рукавов кофточка — свежую грудь. Горнюха сглотнул ком, вдруг вспухший в горле, и чуть сипловато обратился к девушке:

— Оленька, я прихвачу чашечку, а то меня всегда обижают, — взывавшие гормоны придали его голосу оттенки, присущие диким самцам в период гона. Это было не обращение и не просьба тем более, а скорее зов мужчины.

— Я сейчас отнесу заказ на мостик и через минуту буду у вас.

Она торопливо застучала каблучками по трапу. Горнюха прокашлялся и радостно хлопнул в ладоши.

Она пришла. И все случилось так, как он и не мечтал. Такой дикой и необузданной страсти Горнюха не испытывал давно. Точнее, вообще еще не испытывал. Да, с Олесей у него

тоже были минуты высочайшего наслаждения и любви, но здесь — другое. Что-то дикое и темное поднялось из глубин его организма и выплеснулось наружу. Они очнулись и оба поняли: друг без друга они уже не смогут. Их роман заметили многие и стали обсуждать их связь при каждом удобном случае. Горнюхе было на все наплевать.

Понятно, что роман засекали на самом верху. Дали вздрючку и Горнюхе, и Ольге. Однако видется им никто не смог помешать. Страсть бушевала в их организмах с еще более страшной силой. Известное дело, чем больше запретов и тайн, тем выше градус желаний. Горнюха понимал, что придется решать, в какую сторону качнуться: или с Ольгой остаться, или на приколы стать в своем селе с Олесей. Однако твердости для принятия окончательного решения Горнюха в себе не ощущал.

Рейс неумолимо приближался к своему финалу. Отволокли итальянцев в Неаполь и шли на Одессу. Чутьем зверя ощущал Горнюха конец своей счастливой жизни. Впереди маячил тупик.

После стояния на карантинном рейде и таможенных процедур лайнер во второй половине дня пришвартовался к пирсу Одесского пассажирского порта — Морвокзалу. За передвижными ограждениями шумела, колготилась, гомонила пестрая толпа встречающих. Олесе Горнюха запретил приезжать в Одессу на встречу. Сообщил, что будет дома через пару дней после прибытия судна. Всякие дела, мол, надо оформлять. И все же хотелось, чтобы среди этой беспечной шумливой толпы была и она — Олеся. Хотелось и не хотелось одновременно. Рядом стояла Ольга и шурилась на людской муравейник внизу. Она изредка махала рукой и улыбалась. У Горнюхи заныло под ложечкой, и он все больше мрачнел. Ольга собиралась немедленно ехать к себе в райцентр и ни на минуту не хотела оставаться в городе.

Спустили трап, и команда потянулась на берег. Ольгу подхватили подружки и уволокли вниз.

Горнюха и Серега не спеша сошли в числе последних с лайнера, и направились в зал ожидания. Решили скоротать время за бутылкой, врезать по сто граммов за встречу с родимой землей. Переведут дыхание, осмотрятся, а там видно будет. Серега звал его к себе в коммуналку, но Горнюха решил пару дней в гостинице провести.

Ольга вплыла в зал ожидания в группе каких-то мужчин и женщин. И не сразу стало понятно: она с ними случайно оказалась или сама по себе. Через мгновение стало ясно, она — отдельно, но рядом с ней вышагивал высокий чернявый парень. Он был в военной форме.

— Тыц-пыц, кажись, приплыли. С кавалером подруга, — резюмировал увиденное Серега.

— Разберемся. Брат, наверное... — попытался успокоить себя Горнюха.

— Ну-ну, — только и сказал Серега.

Ольга вся сияла и так стремительно летела через зал к брату, что на нее стали оглядываться мужчины. Молодой человек шел слегка сзади и что-то, видимо, говорил своей спутнице.

— Ой, привет, ребята! Знакомьтесь, — без перехода и пауз выпалила Ольга. — Это — Арнольд! Мой друг, — добавила она чуть тише.

Горнюха в этот момент держал две рюмки, собираясь одну предложить Ольге, да так и застыл в нелепой позе официанта-новичка.

— Что с вами? Уже приняли? — Она покосилась на ополовиненную бутылку водки.

Серега галантно склонил голову и протянул одну из рюмок Ольге, а вторую Арнольду. Тот бережно, двумя пальцами взял предложенный стопарик и, смущаясь, вымолвил:

— Я вообще-то не пью, но за встречу можно.

Ольга вернула стопарик Сереге, перехватила у самых губ Горнюхину рюмку и понюхала содержимое.

— Фи, водка. Я коньяка хочу... — Вернула рюмку Горнюхе и обратилась к барменше: — Коньяк, пожалуйста. Ах, только местного разлива? Тогда бокал шампанского.

Горнюха все это время наблюдал за Ольгой. Машинально взял у нее стопарик и хлопнул, затем запил вторым.

— Николай, ты зачем так делаешь? — Ольга пыталась придать своему голосу строгость. Но чувствовалось, что ей глубоко наплевать, сколько и как пьет ее любовник. Теперь уже бывший — это было ясно без всяких объяснений и разъяснений.

Горнюха сипло спросил:

— Кто это?

— Коля, я же тебе объяснила — друг.

— В каком смысле?

— А в том, уважаемый, э-э... Николай, что друг! — с нажимом подтвердил спутник девушки. — Надеюсь, на всю оставшуюся жизнь, — и лучезарно улыбнулся своей спутнице.

Вообще-то зря он так раздухарился. Серега вопросительно глянул на Горнюху и... не успел. Оплеуха первая досталась Ольге, второй конкретный удар пришелся Арнольду в челюсть. Тот упал, но быстро вскочил на ноги.

— А я вам, суки позорные, прохожий? — сопроводил свои решительные действия Горнюха.

Никто такого поворота не ожидал. Но парень оказался далеко не скромным и не трусливым. Оправившись от удара, спокойно отряхнув фирменные наглаженные брюки, Арнольд могуче и коротко всадил Горнюхе по печени. Тот всхлипнул, как запавшая лошадь, и грянулся на колени. Серега вскочил и бросился наперехват Арнольду. Тот уже примерился нанести удар по голове сверху. Ольга от оплеухи присела, да так и осталась там, внизу. У ее колен мычал и маялся от невыносимой боли и унижения Горнюха.

Серега держал за руки Арнольда и орал ему в лицо:

— А ну прекрати, фраер! Если этот парень сейчас очухается — уноси ноги!

— Все-все. Я успокоился. Отпусти клешни свои. И не ори!

Серега отпустил руки нападавшего, но со стойки взял начатую бутылку шампанского. К бару уже сбегались любопытные и милицейский наряд.

— В чем дело? — Старлей встал между Арнольдом и Серегой.

На полу у стойки бара все еще маялся и стонал Горнюха. Видать, удар пришелся в самую десятку. Над головой за стойкой бара трещала словоохотливая барменша.

— Вот тот, что на полу, первый начал. А с виду такой приличный. Девку они не поделили, товарищ капитан.

— Старший лейтенант, — поправил ее милиционер.

— Я и говорю, гражданин начальник, он начал. Чтоб мне век торговли не видать.

— Товарищ лейтенант, что произошло здесь? — обратился старший милицейского патруля к Арнольду.

Серега только сейчас разглядел погоны на этом фраере. Форма на нем была какая-то необычная.

— Этот человек отчего-то сильно взволновался, — Арнольд указал перстом на сидящего в нелепой позе Горнюху. — Бросился на меня с кулаками, девушку ударил. Мы только собирались как следует познакомиться. Я так понял, что эти ребята, — кивнул он в сторону Сереги, — коллеги моей невесты. Оля, — обратился он к своей подруге, — они всегда такие несдержанные?

Ольга отряхивала юбочку, низко опустив голову. Взглянула на Арнольда и отвернулась.

— Ладно, старлей, мы тут сами разберемся, — Арнольд протянул милицейскому чину красные корочки.

Старший лейтенант внимательно изучил удостоверение и, заметно было, прочитанное произвело на него впечатление. Он молча вернул Арнольду таинственный документ, козырнул ему, кивнул своим спутникам и направился через зал к выходу.

Увы, благоразумие никогда не дружит с пьяными и влюбленными, тем более, если эти два обстоятельства сочленены в одной особи. Инцидент был бы исчерпан, да не вовремя Горнюха оклемался. Словно растревоженный медведь из берлоги, взвился он с колен. Кто хоть однажды участвовал в зимней охоте на «хозяина тайги», может ясно представить себе ярость и дикую ожесточенность разбуженного от сладкой спячки зверя. Мало увидеть, надо почувствовать весь первобытный страх от этого рева и всеокрушающей силы. У неопытного охотника в такие мгновения встают дыбом волосы, сбрасывая на снег шапку. Рукопашная разыгралась у стойки бара кровопролитная и со многими втянутыми в ее водоворот участниками. Черная полоса вступала в свои законные права. Над Горнюхой опустился безысходный мрак: ни звука нет, ни проблеска надежды, ни голоса живого.

Началось следствие, томительное и тягучее, усугубленное тем обстоятельством, что советское законодательство уже как бы не действовало, а новое, самостийное, еще не было толком разработано. В этой мутной законотворческой воде уверенно чувствовали себя только милицейские чины, прокуроры и судьи. У кого были деньги, тот выпутывался быстро и почти без последствий. Кто был никем и за душой ничего не имел, тот становился обитателем тюрем и лагерей. Горнюха отсидел в следственном изоляторе полгода. Серега мотался в село к Горнюхиным родственникам, вытягивал заначки, менял на баксы, продавал кое-какие вещи друга, лишь бы вытащить его из кутузки. В пароходстве получил по доверенности за Горнюху расчет, добавил своих денег, и дело, наконец-то, сдвинулось. Через шесть месяцев и две недели Горнюха вышел на свободу, не получив даже условный срок. Виза ему на дальнейшее плавание была закрыта на всю оставшуюся жизнь, и теперь надо было искать приюта на брэнной земле.

Олеся за время сидения Горнюхи как-то поблекла, осунулась и перестала улыбаться. У них пошел разлад. Истинную подоплеку ареста мужа она уже знала. Скорее всего, от словоохотливых милицейских чинов. Серега проболтаться не мог, а Горнюха вообще на кратких свиданках об этом ничего не говорил. Скупно общались, нехорошо. По возвращению домой Горнюха запил. Частенько куражился, но быстро выдыхался. Успокаивался и снова брался за старое. Он был настолько занят собой, своими горестями и бедами, что совсем не обращал внимания на свою родовую. А между тем тяжело заболел отец. Не было денег на дефицитные лекарства, и он вскоре скончался. Следом захворала мать, но держалась из последних сил. Однако через год и ее похоронили.

Тем временем жизнь страны скатывалась в бездну. Перестройка, как и положено по законам исторической и других наук, плавно перешла в перестрелку, разыгралась трагедия и в их краю. А затем на руинах некогда могучего государства зашевелилась всякая нечисть и мерзость, устраивая перекличку. Надо было начинать жизнь сначала, вплавляться в сложившиеся реалии, но сил у Горнюхи уже не было, да и желания особого что-то изменить, хотя бы в масштабах своей семьи, тоже.

Горнюха иногда уезжал в Одессу, приторговывал шмотками, овощами и фруктами. Всю эту базарную мутоту он страшно не любил, и его тошнило от одного вида всех этих базарных людей и скользких их взаимоотношений. Старые друзья по случаю помогали, не давали Горнюхе полностью опуститься. Денег хватало на еду и только. Хорошо еще свой личный и Олесин гардероб остался в сохранности, а то вообще бы им пришлось по селу в фуфайках щеголять. Работали, как точно подметил Серега, на холодильник и унитаза.

Так долго не могло продолжаться. Какие бы ни были преданные друзья, а и у них были свои проблемы. Горнюха ясно осознал, что придется ему прикипать к какому-либо делу. Страна и отброшенные от нее осколки медленно стали приходить в себя. Первыми очухались и зашевелились различного толка торгаши и спекулянты, мягко перешедшие в другую, более благозвучную категорию — предприниматели. За ними быстренько организовались в шаткие сообщества многочисленные бандюки, тоже получившие в миру новые имена — братки. Округа, в которой обретался Горнюха со своим поредевшим семейством, неумолимо превращалась в один шумливый, и, на первый взгляд, неуправляемый базар, раздираемый к тому же национальными противоречиями.

Внутрисемейная жизнь так и не налаживалась у Горнюхи. Исчезли, растаяли, как весенняя дымка, все глубокие чувства, осталась одна привычка совместного жития, которая заменила все. Горнюха уже не пытался рыпаться, но по пьянке иногда заезживал к молодухам. Но такие заезды уже не будоражили кровь и не волновали душу. Скорее это было похоже на дань памяти безумной молодости. Детей с Олесей они так и не нажили. Когда Горнюха попал за решетку, Олеся была беременна. От переживаний случился у нее тяжелый выкидыш, и с тех пор новая жизнь так и не завязывалась в ее чреве.

Горнюха чувствовал, как в нем что-то большое и хорошее постепенно отмирает. Такая жизнь медленно его убивала, и он решил сопротивляться. Вот только, как и какими силами, он не представлял себе.

И вот однажды... Ох, уж это пресловутое «однажды». А что поделаешь, если вся наша жизнь есть непознанная и неосознанная закономерность всяческих случайностей. Как-то раз заехал в село к Горнюхе Серега. Нет, он и раньше бывал у друга, но в тот день, видно, его сам Бог направил.

— Все дремлешь на завалинке?

Горнюха обрадовался гостю. Так хотелось излить хоть кому-нибудь накопленное в душе, а тут лучший друг подвернулся.

— Да вот, определяю виды на урожай винограда.

— Ну-ну. Так вот, мичуринец, приехал я не только проведать тебя и спросить о твоём здоровье и винца молдавского попить. Есть дело у меня. Слушай сюда и не брыкайся. Сейчас в Одессе пооткрывалось море баров, а вот рыбки и раков — дефицит. Кумекаешь? Живешь, Колян, можно сказать, в раю, а щи лаптем хлебаешь. Значится так, я даю тебе бабки на коптильню. Усекаешь?

— Ну?

— Соображай побыстрее. Я по порядку. Будешь коптить рыбку, которой, сам говорил, до черта плавает в вашем лимане. А я буду сей продукт возить в Одессу. Транспорт — за мной. — Глядя на призадумавшегося Горнюху, добавил: — Не бойсь, старина, прорвемся. У меня там все схвачено. Даже на «Привозе» свои кенты имеются. Дело теперь за тобой. Так вот, мой бессарабский друг, — не упустил возможность подковырнуть и Серега, — серьезным людям нужны серьезные партнеры. Признаюсь, сказал, что ты сидел, живешь по понятиям, друзей не кинешь.

— В ээки уже определил.

— Так надо, Колян. Сегодня это визитная карточка. Усек?

— Ну, дальше.

— Короче, честный поставщик, первоклассный товар и никакой «осетрины второй свежести».

— Чего ты от меня хочешь? Чтобы я взял твои бабки, начал строить коптильню, чтобы рыбу ловил?!

— Ну да! Или не согласен?

— Коптильню на сколько килограммов рассчитывать? — Горнюха отломил веточку и стал чертить по земле. — Я думаю вот такого плана ее построить. Тут у одного есть свое домашнее сооружение. А нам надо, как я понял, более солидное.

— Килограммов на триста в один засол.

— Ни хрена себе! Где ж такую варганить?

Олеся краем уха прислушивалась к разговору друзей и тихо радовалась за своего Коленьку. Она по-прежнему любила его, но с примесью горечи, которую оставила в ее душе измена

мужа. Совсем потерялся мужик, а ведь каким орлом был. Видно, Бог послал Серегу в этот день к ним в дом. Есть еще на земле преданные друзья.

— Коленька, — неожиданно вырвалось у Олеси, давно не выговариваемое ею ласковое обращение, — ведь у бабы Насти, тетки моей, пол-огорода пустоует. Одна живет. Там места хватит.

Горнюха оглянулся на свою жену и внимательно посмотрел ей в глаза. Та улыбалась и кивала головой, мол, лучшего нет варианта.

— Вот видишь, молодец, Олеська. Дави на своего супруга, а то мне тяжеловато его раскатать.

— Не шебуршись. Нахватался блататы. Сразу, «дави». А ты чего уши развесила, когда мужики беседуют? — осадил жену Горнюха. Однако в его голосе не было тяжелого раздражения, больше шуточных ноток прозвучало. Давно он так с Олесей не говорил. Олеся улыбнулась в ответ и подняла руки, мол, больше не буду. Серега хмыкнул, но ничего не сказал, глянул на Горнюху весело и показал большой палец.

И потихоньку, с превеликими осторожностями (зачем лишние глаза и уши?) рыбное дело сдвинулось. Коптильню соорудили в две недели. Благо шабашников полно было. Да и денег ушло не так уж много, как первоначально планировали. Горнюха умел крутануться. Знакомых до черта, некоторые были Горнюхе еще с тех времен, когда он был в силе и, как говорят, держал судьбу за удила. Рыбный промысел стал набирать обороты. Наняли пару браконьеров. Через месяц друзья уже подсчитывали первые барыши. Деньги были еще советские, но статус их менялся ежедневно. Серега через своих знакомых обращал их в «зеленые». После расчета с добытчиками и работниками коптильни — двумя мужиками, потерянными в годы реформ и свои заработки и семьи, — денег оставалось еще прилично.

Клавдия Матвеевна — владелица рыбных рядов и магазина того же профиля на «Привоze» — оказалась ничего себе бабенка. Она была крупной, но фигуристой женщиной с миловидным лицом и большими зелеными глазами. У Горнюхи сразу с ней наладился контакт. Правда, она была не в его вкусе, Горнюхе все больше нравились миниатюрные женщины, однако симпатию она в нем вызывала. И этого вполне, как считал Горнюха, было достаточно для нормальной и продуктивной работы. Через три месяца Серега вернул свои деньги. Но свои ли? Горнюха был уверен, что вклад делала Клавдия Матвеевна. Откуда у Сереги бабки? Три бывшие жены его ободрали так, что лишних штанов у парня не было.

Ясно, что без командирши рыбных рядов не обошлось. Ну, да Бог с ними. Главное — пошло дело. Серега был активен, деловит и энергичен. Первое, что он сделал — это купил подержанную машину для Горнюхи. Это было первое серьезное приобретение. С хозяином «пожилой» иномарки стоворились быстро: половину отдали деньгами, а другую — рыбой. Обе стороны остались довольны. Серега где-то отыскал толкового мастерового и опять же за рыбу наладили купленный «тарантас». Колян после ремонта даже не узнал машины, ловко переоборудовал иномарку парень. Вот что значит на себя работать. «Оказывается, людей с золотыми руками не так уж мало, — размышлял на досуге Горнюха. — Дай только волю и заинтересуй человека».

Олеся не могла нарадоваться преобразению Горнюхи. Он под стать Сереге тоже стал деловым и хлопотливым. Все горело у него в руках. Отныне в их доме Серега стал самым дорогим гостем для Олеси. Она и так ему была благодарна за все, что он сделал для Николая, но тут особая статья. Друг вернул мужа к жизни. Горнюха в дни приезда Сереги ворчал шутливо на Олеся, смотри, мол, рога не сваргань мне. Олеся слегка округлилась, набрала женской прелести, но в меру. И Серега, глядя на жену друга, завистливо вздыхал: «Мне бы такую».

Олеся краснела при таких шутках, но была довольна. Понимала, что шутит, а все равно приятно. Горнюха отсылался тоже шутками: обоих закопчу и толкну на «Привозе» как свинину. Олеся на угрозы мужа смеялась и легонько хлопала ладошкой по его затылку: какие мы грозные!

Коптильня дымила круглосуточно. Местные рыбаки едва успевали таскать улов для обработки. Пришлось Сереге и Коляну устанавливать дополнительные чаны и приделывать пристройку. Дела шли. Жизнь налаживалась по всем статьям. Да разве дадут в этой стране мирно деньги зарабатывать человеку? Такое ощущение, что каждый второй родился с жабой в груди, которая сызмальства душит и давит при виде удачливых и счастливых. Первые сбои начались с зависти. Именно с нее, родимой, случаются все беды на земле. Где брат твой, Каин? Нет ответа.

Рядом с бабкой Настей жила-была вреднющая старуха с редкой для этих мест фамилией — Извекова. Поговаривали, что она тут осела с тех незапамятных времен, когда раскулачивали сельчан. А уж зла и памятлива была старуха, сил нет. Слова доброго от нее много лет никто не слыхивал. Пригрела как-то у себя пропойцу залетного, он и сварганил под ее диктовку письмо в соответствующие органы о незаконном про-

мысле. Речь шла о коптильне Горнюхи и Сереги, что построена была на задках огорода бабы Насти, а, значит, по соседству с Извековой. Мол, дым мешает дышать, вонь от загубленной браконьерами рыбы на всю округу стоит.

К несчастью, коптильня эта была зарегистрирована как сарай. Иными словами, подпольной была «кухня». Понятное дело, отстегивали кому надо, не без этого. И лихие ребята имели свою долю. Но сигнал есть сигнал. Письмо получило огласку в районных инстанциях, надо было реагировать. Закрылась следственная машина. Тут уже мелкими подачками не обойдешься. Серега и Горнюха это прекрасно испытали на своей шкуре. Дело надо было устаканивать, под угрозой оказался весь налаженный бизнес. После краткого, но бурного совета, Горнюха вместе с Серегой решили ехать к Клавдии Матвеевне. Только «матушка» в этом случае могла помочь. Кроме штрафов солидных, светила и конфискация имущества. Правда, без отсидки виновных. Ах, если бы с документами было все чин чинарем, проблем тогда бы не возникло. Но...

Клавдия Матвеевна выслушала эмоциональные объяснения своих партнеров и разлила водку. Выпили, закусили и потянулись к сигаретам. «Матушка» курила «Мальборо». От «Дойны», которой задымили Горнюха и Сергей, она поморщилась, но стерпела. Обронила только: «когда вы этот ягель перестанете курить? На хорошее курево денег не хватает?» Мужики только плечами пожали, мол, привычка. Молчали. Наконец Клавдия Матвеевна загасила свой окурочок и молвила:

— Слушайте сюда, орёлики. К кому надо ехать? Я пошлю своего парня. Игорька, сына.

Конечно, они его знали. Но слишком уж молод он был для таких дел. Засомневались мужики и совсем приуныли.

— Вы чего носы повесили? Мой Игорек и не такие дела устраивал. Так что, выкладывайте подробности.

— Дело находится в районной прокуратуре. Намекали нам, что согласны подмогнуть, но без вас мы не решились. Уж больно круто лыжи загнули, — стал пояснять Горнюха. — Мы что, на него должны целый месяц пахать?

— На кого, прокурора?

— А на кого же...

— Так. Ясно. Жадничать в этих делах смерти подобно. Готовьте отборной рыбки, можно и свежей прихватить. Только не подлещиков и карасей, а что-нибудь посолидней отобрать. Ясно?

— Чего уж...

— Идем дальше. Вот вам деньги. Хотя, нет. Этим займется Игорек. Дело тонкое, особого подхода требует. Если ни разу не давал взятку, дров наломаешь, — обратилась она к Горнюхе. — Тут без навыков не обойтись. Чиновник — он, что девица на выданье: и невинность хочет соблюсти, и деньги поиметь. Поганки, мать их...

Далее из ее уст вырвался такой изощренный мат, что Горнюха с Серегой рты пооткрывали. Вот чертова баба узлы вяжет, любой боцман позавидует. Школа «Привоза», и добавить к этому нечего. Выпили еще по одной, и мужикам захошло. Воспрянули духом. Нет, с такой «мамашей» не пропадешь. Дело свое знает четко...

Тем временем Клавдия Матвеевна кликнула сына.

— Игорек, поедешь с ними. Надо уладить одно дельце. Если потребуется, припугни стукачку. Мужики говорят, карга зловредная накапала на них. Только без глупостей. Вот тебе бабки. Это для ментов. Я сейчас свяжусь с нужными людьми. Вечером доложишь. Я буду здесь тебя дожидаться. Мало ли...

— Заметано. К кому ехать? — Игорек поднялся было, но был остановлен жестом мамыши.

— Предупреждаю, без глупостей.

— Мам, я все усек. Ну, шо, двинем?

Когда мужчины вышли, Клавдия Матвеевна достала из сумочки «мобильник», еще большая редкость у властей держащих, не то, что у завмага, пусть и одесского, и набрала номер.

— Володя, ты?! Привет! Клава. Да-да. Что надо? Ну, дорогой, как неучтиво. Даже не поинтересуешься о жизни. Понимаю, занят. Нужно помочь в одном дельце. Хорошо. Давай конкретно. Значит, так. У тебя друзей нет в Молдавии? Да-а! Как хорошо! Сделай милость, позвони туда, пусть примут, как положено. Как же без бабок ехать к людям? Не уважаешь. А сколько надо? Штуку зелени? М-м, ладно. Поняла, говорю. Я ему две дала. Много? Понятно. Ну, конечно, поняла. Вторую? Я сама, говоришь, знаю, кому отстегнуть? Ладно, ладно, будет тебе и рыбка, — Клавдия Матвеевна отключилась, и тут же набрала другой номер. — Игорек, слушай внимательно. Алло! Что там у вас? Магнитофон?! Да выключи его к чертовой матери! Слушай сюда. Отдашь половину Юрию Михайловичу. Ты понял?! Найдешь его, мужики покажут, как доехать. Войдешь сам. Все как я тебя учила: четко, по-деловому. Да. Это друг Владимира Николаевича. Нашего, нашего. Потом сразу домой. Остальное мужики разгребут сами. Понял? Ну и хорошо. Привет!

Горноухе пришлось побегать. Но это была действенная беготня, которая приносила свои результаты. В сельсовете он сварганил справку на разрешение постройки, заверил в районе в соответствующем ведомстве. Задним числом, конечно. На то она и взятка, чтобы миром решать назревшие проблемы. Утряс дело с санэпидемстанцией, пожарными и налоговиками. Прибавились лишние рты на их промысел, однако от реалий никуда не денешься. Не им так заведено, не ему это дела гасить. Хочешь спокойно работать — плати, и весь сказ. Трудно привыкал к нахлебникам Горноуха, пришлось мобилизовать все свои душевные силы, но одолел неприязнь к государственным людям. А куда прикажете деваться? На дворе всюду разгуливала отечественная беспредельная рыночная экономика. Смикитил Горноуха в конце концов, что пора переходить на новые жизненные рельсы. Уж лучше делиться, чем слезы на кулак наматывать. И все равно им с Серегой навар оставался. Пока еще водилась рыба в лимане и в речке, они использовали на всю катушку свои промышленные возможности. Рыба во всех видах шла в городе великолепно. Старались мужики, да и качество повысили, что отразилось на цене реализации. Серега со своим неистощимым оптимизмом все мечтал о большем. Мол, надо расширять производство. Умные люди, говорит, стараются по нескольким направлениям действовать: одно дело даст сбой, второе заменит, а то и третье. Надеяться надо только на себя. Кредитов вот так, запросто, никто не даст. Деньги добывать отныне придется только самим. Он прав был. Однако возиться с бумагами — смертная мука для Горноухи, да, видно, придется. А задумал Серега открыть свою строительную артель по возведению дач в районе Хаджибеевского лимана. Оборотистые одесситы сумели в кратчайшие сроки скопить солидные капиталы и теперь вкладывали их в недвижимость. Такие дачи строили — закачаешься. Опять же, случайные шабашники этим занимались. А зачем, когда мы можем при помощи нашей «мамочки» сами наладить строительство загородных вилл «новым русским», «хохлам», «жидам» и прочим деловарам. Да хоть черту лысому, лишь бы деньги платили. Серега не скрывал, что эти мысли ему внушила Клавдия Матвеевна. Уж кто-кто, а она в бизнесе толк знала.

Идея Клавдии Матвеевны, озвученная Серегой, требовала новых усилий и средств. Строить дачи — это тебе не рыбу коптить. Надо было мастеровых людей подыскать, толковых, расторопных, а главное — малопьющих. Кроме того, требовалось навести мосты с директорами предприятий, которые выпускали строительные материалы и, прежде всего, кирпич. Новые толстосумы взяли моду дома строить из бело-

го кирпича, а то и в комбинации с красным. Опять же дерево нужно, гвозди, черепица и прочая строительная дребедень. Лепить дома из материала заказчика, подсчитали, дело невыгодное. Это уже чисто для шабашников работа. Для задуманного предприятия необходимо ладную артель сколотить со своей материальной базой. Для этого и стали откладывать с наvara рубли, ужимая себя во всем.

Перво-наперво, Горнюха вместе с Серегой поехали по заводам. Прихватили рыбки, коньячку. Всюду начинали с вопроса: «Рыба нужна?» А дальше шло, как по маслу. Однако с директором кирпичного завода закавыка вышла. Этот завод в Молдавии обретался. На привычный вопрос директор ответил отрицательно. Предприниматели растерялись.

— Первый раз вижу человека, которому не нужна рыба, — упавшим голосом заметил Серега.

— А я первый раз вижу таких напористых рыбаков, — парировал директор. Помолчал, наблюдая за реакцией гостей, а затем расхохотался. Смеялся он весело и оглушительно. При такой могучей фигуре другие децибелы и не предполагались. — Короче, мужики, что конкретно требуется?

— Кирпич!

— Это понятно, раз ко мне на завод приехали. Я имею в виду, что строить собрались и в каком количестве? Ведь не хату же себе?

— Нет. У нас дело посерьезней.

— В таком случае поговорим. Но предупреждаю, рыбу я действительно не люблю. Так что, не обижайтесь. Меня деловые предложения интересуют.

К немалому удивлению Горнюхи, с директором поладили быстро. Его устроили все условия и особенно процент на личные расходы.

— А рыба понадобится все-таки. Не мне лично, сами понимаете, — пожимая руки друзьям, снизошел до просьбы директор.

Первый дачный дом, точнее загородную виллу, отгрохали какому-то хмырю из близкого окружения Клавдии Матвеевны. Разве это была дача? Умоляю вас, оставьте эти жалкие сравнения. Это был настоящий дворец. Трехэтажный, хамски нагло возвышающийся на берегу Хаджибеевского лимана, дразня глаз завистливого прохожего или залетного рыбака. Новостройка обосновалась недалеко от дома, тоже не хилого, Клавдии Матвеевны. Серега руководил артелью, а непосредственное строительство вел угрюмый прораб, изгнанный из ведущей строительной организации города за чрезмерную шепетильность и придиричивость в отношении приписок со стороны начальства.

Новоиспеченный руководитель артели частенько зааживал под вечерок в гости к «матушке». Та наезжала почти ежедневно. Деньки и особо вечера стояли такие, что невольно тянуло на природу. Хотелось тишины и покоя, и что более всего нравилось Клавдии Матвеевне, никто не мешал предаваться неге и мечтательности.

Как-то за вечерней «рюмкой чая» Клавдия Матвеевна пожаловалась Сереге на свое одиночество. Скорее, даже не пожаловалась, а обмолвилась. Серега всполошился не сразу, отдаваясь воле коньячного тумана. Приятное тепло разлилось в груди, и лень было шевелиться и напрягаться насчет серьезной и, не дай Бог, откровенной беседы. Однако Клавдия Матвеевна, расслабленная коньяком, молчанием, как ей показалось, деликатного собеседника, удивительно тихим, отсвечивающим позолотой вечером, повторила мечтательно о желании покончить со своим женским одиночеством. Серега очнулся, но не столько от слов произнесенных, сколько от тембра ее голоса. И когда поймал смысл услышанного, запаниковал. Парень был он видный. Впечатлял Серега женщин, очень даже, что уж много рассуждать. Господи, боже мой, вдруг «мамочке» взбрело в голову предложить свои центнеры для чистой любви с ним, Серегой.

Он как-то разом засуетился. Баба ведь заигрывает с ним. И не какая-нибудь шалава, а кормилица! Впору караул кричать! Придется дипломатию проявить, и не ниже китайской: ни да, ни нет не говорить и побольше улыбок и любезностей. Обидится если — хана! А Серега знал, на что способны обиженные женщины. Трех жен пережил. В смысле, совместно. Нет, лучше не попадать под такой пресс. И он ничего умнее не придумал, как перевести стрелки на своего друга Горнюху. Мол, такой мужик рядом, не мне чета. Без бабы мается, в смысле, на данный момент. И она, Клавдия Матвеевна, ему тоже симпатична. И понесло его, как дизентерийного солдата перед боем. Серега узрел для себя выход и попер по этому коридору, закусив удила. Красноречие так и лилось из него.

— Так вот, Клавдия Матвеевна, как на духу признаюсь, что Колян от вас прямо торчком торчит. Теперь хоть режьте меня, хоть на колбасу сдавайте, а против высокого чувства не поперешь.

Хозяйка незаметно поправила халат, откинула голову на спинку кресла, устремилась взглядом в потолок еще более вычурный, чем журнальный столик, на котором расставлены были выпивка и закуска. С ее лица не сходила презрительная улыбка, которой она вооружилась на весь пафосно-лживый монолог Сереги. Однако тонкий знаток женской

души уловил бы в этой улыбке и оттенки интереса к сказанному собеседником, и долю тончайших сомнений в собственных догадках. Она глянула на Серегу, ничего не сказала, но лицо обрело спокойствие и некоторую надменность. Так обычно она смотрела на вороватого грузчика, когда тот утаивал положенную долю за левые услуги рынку. Глаза ее поблескивали зеленой бутылочного стекла. Отстраненно и холодно. Мороз пробирал от этого взгляда.

— Я с тобой откровенничала не за тем, чтобы ты мне тут туфту всякую гнал. Ох, и прощельги вы все, мужики. Слова простого не скажешь, все наизнанку вывернут.

— Да я... — начал было Серега, но был остановлен повелительным жестом.

— К черту вас всех!

Серега от этой фразы на мгновение окаменел, затем сполз на колени. И вышло это у него до того театрально, что Клавдия Матвеевна скривилась.

— Мамочка ты наша, да чтоб мне отравиться толстолобиком, да чтоб мне в задницу все весь Хаджибеевский лиман закачали, чистую правду говорю. Горнюха мне сам про симпатию свою к вам рассказывал. Вот вам крест, — Серега немело обмахнулся пятерней.

— Встань! Чего раскорячился!? Давай-ка лучше еще по одной выпьем, а потом катись восвояси. Мне одной побыть надо.

В это время Горнюха возился в коптильне, готовилась большая партия копченой рыбы. Заказ особый, для ресторанов, потому лично и присутствовал. В перерыве между съемов со шпалер копченых тушек, покуривал и ничуть не подозревал о готовящейся подлянке со стороны друга. Мужики стали укладывать в ящики готовую продукцию, и Горнюха взялся ее взвешивать. Ни одним волоском, ни единой клеткой своего организма он не почувствовал надвигающиеся перемены в своей жизни.

Серега приехал к Горнюхе через день после злополучной беседы на даче у Клавдии Матвеевны. Был он весь напряженный, дерганый, будто после жуткой пьянки. Горнюха сразу обратил внимание на состояние друга.

— Ты чего такой кислый? Нажрался? Или лажанулся с артелью?

— Да нет, все в порядке. Маленько накатил вчера. Просто устал маленько.

— Устал он. Давай колись, Серега, не крути хвостом.

— Ладно. Все скажу вечером. Ничего страшного нет, но обмозговать кое-что надо.

Горнюха внимательно посмотрел на Серегу, но ничего не ответил.

Вечером после ужина друзья расположились в беседке, обвитой виноградом.

Серега плеснул в стаканы коньяку, и все медлил с началом разговора. Надо было как-то оправдаться перед другом и главное — убедить его на амурный альянс с «мамашей». Задача была не из легких. Знает, как привередлив к женскому полу Горнюха.

— Выкладывай, — прожевав кусочек брынзы, потребовал Горнюха.

— Понимаешь, старик. Дело уж больно тонкое, я бы сказал деликатное и... — Серега пощелкал пальцами, подбирая слова, — если точнее, интимное. Да, именно интимное.

И Серега в подробностях и густых красках нарисовал картину того рокового вечера на даче у Клавдии Матвеевны. Особо напирал на ее сексуальные домогательства.

— Очконул я, понимаешь? Сдуру перевел стрелки на тебя. И, паскудство какое, — поклялся, что ты как бы симпатизируешь ей.

— Ты сколько выпил тогда? Мозги совсем запарил коньяком. Я тебя предупреждал — не пей крепкие напитки, извилины у тебя от этого выпрямляются. Ну и что прикажешь мне теперь делать?

— Давай спокойно обмозгуем, как дальше выкручиваться будем.

— А вот ты и будешь крутиться.

— Колян, да погоди ты нервничать.

— С чего ты взял, что я нервничаю? Мне просто интересно будет посмотреть на этот цирк. Я завтра ей так и скажу: мол, кавалер ваш тогда на даче струхнул, робкий он насчет женского пола. Вот и придумал рассказ про своего друга Горнюху. А? Что ты на это скажешь?

— Колян, Колян! Прошу, не усугубляй дело. Нашей «мамочке» скоро стукнет полтинник. Вот я и подумал, что момент будет подходящий. Посуди сам: если ты с ней заведешь шашни, для тебя же это всерьез не будет, а выгода какая? А? Пойми, нам нужно будет двигать бизнес дальше. С нашими средствами мы сильно не раскрутимся. А ты получишь через койку доступ к ее капиталам. Уловил? Легче крутить самостоятельный бизнес будет. Да что я толкую тебе, будто сам не понимаешь. Надо ведь цех столярный строить...

— Резон, конечно, в твоих мыслях есть. Не всю же дорогу у «мамочки» под юбкой сидеть. Я ведь тоже обдумывал, как к ней подкатить. Хотел сам все устроить. Цех нужен, конечно.

Но задумал я сельскую мельницу прибрать к рукам. Все равно колхоз не потянет. Нужны бабки. С нашими капиталами, действительно, далеко не ускачеешь.

— Так чего ты выкобенивался? Фу, чертяка, я уже совсем расстроился, что друга под монастырь подвел. А он?!

— А тебе никто еще грехов не отпускал. Чего расслабился? Мои планы — это мои планы. Но раз так получилось, давай за успех безнадежного дела, — Горнюха разлил по стаканам коньяк. — Никогда не выскакивай поперед бабки, — добавил он и выпил.

Сергея восхищенно посмотрел на Горнюху и подумал про себя: какой же у него классный друг. Ведь на ходу придумал о своих планах, чтобы его, Серегу, полным идиотом не выставить. Нет, не зря он возился с ним эти годы. Стоящий мужик.

— И когда же юбилей у нашей «мамочки»? — прервал размышление Сереги Горнюха.

— Через полторы недели, если быть точным.

— Предупреждаю тебя, больше ни слова ей про меня и про шуры-муры. Будто ничего и не было. Это моя уже забота.

Время до дня рождения «мамаши» прошло в хлопотах и заботах. Горнюха встречался накоротке с Клавдией Матвеевной, переговаривались в основном по делам, но улыбался при этом Николай чуть чаще, чем следовало. Клавдия Матвеевна глядела на Горнюху задумчиво и слегка отрешенно. Она будто что-то мысленно прикидывала насчет этого парня. В беседе с ним вела себя очень уж спокойно и деловито. Только глаза выдавали ее.

И вот настал день. О! Это был спектакль, бенефис, о котором, вероятно, Клавдия Матвеевна мечтала еще в свою театральную бытность. Был и сценарий, были и исполнители. Началось действие еще утром. К рыбным рядам стали прибывать иномарки всех стран мира, попавшие с европейских свалок в Одессу за эти несколько лет. Горнюха и Серега наблюдали со стороны за всем этим движением и отмечали короткими репликами ценность того или иного юбилейного подношения. Главное событие их ожидало на даче, куда они, естественно, были приглашены в числе самых близких людей Клавдии Матвеевны. А здесь устраивалось угощение для не особо крупных дельцов, но нужных «мамаше».

И вот наконец-то главное действие, дача.

— Прощу, гости дорогие, к столу. Давайте без лишних церемоний.

Двор как-то разом заполнился людьми. Здесь были и старики со своими замшелыми супружницами, и разбитные

молодухи, и лысоватые щеголи, и длинноволосые юнцы, и угловатые девчонки с едва наметившимися грудями, и толстые, и тонкие, средних лет и молодые, коротко стриженные мужчины.

«Мамаша» сидела с величественным видом, но движения ее были томными, плавными, и весь ее облик как бы говорил о вспыхнувшей чувственности. Какой-то хлыщ выдал очередную тираду и завяз в длиннотах метафор и сравнений, мучительно выпутываясь из лабиринтов своей речи. Наконец, прозвучало за здоровье и долгие лета юбилярши, и все с облегчением зашевелились.

Пошли новые здравицы. Гости почувствовали себя вольнее и вальяжнее. Послышались первые приколы. Веселье налаживалось. Серега переговаривался с моложавой женщиной через стол, ухаживал за ней, насколько позволяло положение. И тут объявили танец. По сценарию танцевальную часть вечера должна была открыть сама хозяйка. Она сама, по задумке устроителей, должна выбрать кавалера. Клавдия Матвеевна встала, оглядела внимательно стол и пошла. Мужчины, затаив дыхание, ждали. Она вышла на свободное пространство у камина, обернулась к столу и молвила глухим низким голосом:

— Николай Васильевич, я вас попрошу на танец.

Тихие звуки танго усиливались с каждой секундой, и вот уже мелодия заговорила в голос, и Горнюха неожиданно заробел. Оказывается, хозяйка обращалась именно к нему. «Ну, кажись, началось», — мелькнуло у Горнюхи. Он машинально встал, деревянно прошагал к месту, где стояла Клавдия Матвеевна, слегка склонил голову, и осторожно взял ее за талию. По крайней мере, за то место, где она должна была быть. Тело женщины затрепетало под сильной рукой Горнюхи. Клавдия Матвеевна прижалась, насколько это было возможно, грудью к кавалеру и зашевелила торсом и ногами. Танго началось. «Веди же», — шепнула партнерша и томно прикрыла глаза. Горнюха смело сделал «па» и в ритм музыки стал топтаться со своей партнершей. За столом заплодировали, особо льстивые закричали «браво». Клавдия Матвеевна отмахивалась ладошкой от этих полупьяных всплесков восторга. Рука ее покоилась на плече Горнюхи, и тому казалось, что он несет говяжий окорок привозовскому рубщику мяса. Но с каждым танцевальным коленом все нездоровые ощущения уплывали от Горнюхи и он как мог приник к могучему телу партнерши. Как ни странно, ему было приятно с ней танцевать. Тело у нее оказалось мягким, податливым, но не рыхлым. От нее исходил приятный аромат очень дорогих

французских духов. Горнюха знал в них толк. Не раз промышлял этим товаром в свою морскую одиссею. Они медленно кружились под звуки танго, и Горнюха уловил биение сердца Клавдии Матвеевны. Он понял, что сегодня она будет с ним всю ночь. Она тоже это поняла. На секунду отстранилась от него, посмотрела ему в глаза и улыбнулась.

Вечер вошел в стадию кульминации. Появились ряженные. Разыгрывались разные сценки из жизни «Привоза» и вообще городской жизни, звучали дружеские шаржи. Между делом подали фаршированную дичь. Погасили свет, зажгли свечи, предусмотрительно кем-то приготовленные, и к дичи подали знаменитое шабское вино. Горнюха так объелся, что уже не мог ни на что смотреть. Он только пил кока-колу, иногда разбавляя ее минералкой. Серега периодически куда-то исчезал с моложавой брюнеткой.

Вечер неумолимо подходил к концу. Многие гости уже разъехались, остались самые стойкие к алкоголю и еде. Обслуживать не утихало до самого позднего часа. Официантки носили и носили горячие блюда с замысловатыми названиями. Горнюха все чаще отлучался на задний двор, где разбит был небольшой, но густо засаженный сад. Здесь он немного приходил в себя, дышал свежим осенним воздухом и обдумывал предстоящий ночной амур. В груди немного пощипывало. Однако он сумел подавить в себе лишние сомнения. Единожды солгавши... Далее все случается как обычно. «Не я первый и не я последний», — мысленно утвердился в своих устремлениях Горнюха. Главное — добраться до тела, не ударить лицом в грязь, а там кривая вывезет. Горнюха решил взбодрить себя коньяком до состояния, когда кажется море по колено.

Ночь прошла кошмарно. Горнюха вытворял такое, что на трезвую голову вряд ли решился бы. Но что бы он ни делал, все оказывалось уместным для партнерши. «Мамаша» оказалась не только опытной подругой, но и проявляла элементы творчества. Как ни крути, а театральная молодость сказывалась. Угомонились они только к утру.

Прошла неделя. Горнюха остался в Одессе, появляясь в селе на пару часов. Надо было следить за делами в коптильне, да и мужики-работяги без догляда хозяйского теряли всякую сдержанность и дисциплину. Олеся прислала телеграмму, что задержится еще на пару недель, хорошего доктора, сообщила, нашла и уже приступила к новым процедурам. Телеграмма была из Закарпатья.

Клавдия Матвеевна как sdурела. На вторую неделю их совместной жизни она объявила своим подчиненным, что

Горнюха, то есть Николай Васильевич Горненко, занимает отныне должность ее заместителя. Вот что значит иметь талант истинного любовника! Исторические и литературные источники, какой бы век ни взять, буквально пестрят альковными приключениями и, что важно, достижениями. Постель всегда служила ареной величайших государственных интриг и событий и, конечно, трамплином для головокружительных взлетов отдельных личностей, сыгравших впоследствии значительную роль в истории той или иной страны.

Отчасти почувствовал себя Григорием Потемкиным и Горнюха. Клавдия Матвеевна доверила ему ключи от сейфа, а потом и от складов. Серега ликовал. Из закровов привозовской «мамаши» перепало и ему кое-что. Такой неожиданный поворот в судьбе Горнюхи и особенно его должностной взлет очень не понравились только двоим — сыновьям Клавдии Матвеевны. Игорек околачивался возле «Привоза» и был ее личным шофером и телохранителем. А вот Олега наши друзья видели редко. Он, будто бы, учился в «политехе», но тоже иногда возникал в районе рыбных рядов. Серега шепнул своему другу, что Олег ведает братвой и осуществляет «крышу» своей мамаше. Он был постарше Игорька и помощнее. Симпатичный парень, но молчаливый. Жил он отдельно. Клавдия Матвеевна купила ему квартиру на Черемушках или, как говорят в Одессе, на Массиве.

Близился уже месяц совместной жизни с Клавдией Матвеевной и Горнюха стал привыкать к роскошной жизни, к телу своей благодетельницы. Она уже не казалась ему такой необъятной и грубой. В постели она вела себя почище восточной искуительницы. Ее талантливость в любовных играх во многом скрадывала некоторые шероховатости полулегальной жизни Горнюхи. Честно говоря, Горнюха и не предполагал, что так далеко заведет его сексуальная интрига с «мамашей». Он частенько ловил себя на мысли, что ему тоже хотелось ее видеть почаще, и он с нетерпением ждал ночи. Отныне в карманах Горнюхи водились такие суммы, в баксах, конечно, что в былые времена им бы хватило вместе с сельской родней несколько месяцев жить безбедной жизнью. Особенно подкупало Горнюху, когда к нему всякие деловые люди Одессы обращались по имени-отчеству. Горнюха на лету схватывал манеры поведения и лексикон этих дельцов.

Сладкая, безбедная жизнь затягивает человека стремительно и неотвратно. Неподготовленный субъект увязает в ней без остатка и теряет впоследствии всякую ориентацию в реальной жизни, замыкаясь, в конечном счете, только на одном желании — брать как можно больше и жить, путив-

шись во все тяжкие. Под слоем накопившегося жира отмирают все тонкие ткани души, оставляя человеку только грубые чувства, раздражаемые разве что природными инстинктами. Конечно, не со всеми такое случается. Допустим, воспитанные в довольстве и роскоши люди воспринимают свой недостаток, как само собой разумеющееся. А вот вчерашний голодранец, ну, скажем, серенький середнячок, рискует за очень короткий срок переродиться в обыкновенную скотину. Понятно, душу и сердце со счетов не сбросишь и никуда не денешь, беспокоят поначалу. Но бесконечные удовольствия, а главное — возможность осуществлять свои желания в любой момент, приводят к известному результату. Посмотрите на новоиспеченных магнатов, денежных воротил, нуворишей разных мастей и все станет ясно. Нет, мозги у них работают, и еще как! Но как холодны и рассудочны их действия и поступки, как скудна и бессмысленна их духовная жизнь.

В конце концов, отринув всяческие сомнения и душевные дергания, зажил в таком духе и Горнюха. Он получал все, что его левая нога хотела. Дверца «привозовского» сейфа почти постоянно оставалась открытой. Горнюха стал наглеть. Распахивая очередной раз сейф, Горнюха застывал на мгновение, захваченный сладкой мыслью: вот она, райская жизнь! Та самая, о которой он мечтал сызмальства. При созерцании денежных знаков он вожделенно закрывал глаза, ощущая мощное биение своего сердца. Отныне он — могущественный человек, он все может.

Клавдия Матвеевна знала толк в привольной жизни, разбиралась во всех нюансах поведенческих настроений богатого человека. Она понимала, что неприспособленный к роскоши Горнюха вскорости запросится на волю, попытается прихватить с собой если не все, то хотя бы часть ее состояния. Потянет миленка в родное село, обязательно потянет. И силой здесь ничего не сделаешь, мужика надо ошеломить. А вот когда очнется — будет поздно, самому не захочется возвращаться. От больших денег добровольно не уходят. Это у тех не просто все складывается, у кого душа стойкая. Но таких немного. Если верить Сергею, то Коленька всю жизнь мечтал вырваться из родного навоза в большой мир. Потому и деньги копил, потому и стремился обрести самостоятельность. Дурачок. Кто же так делает? Будто и в самом деле можно в нашем мире действовать в одиночку? Нет, парень, тут ты ошибаешься. Она твердо знала из своей и чужой житейской практики: такое неосуществимо. А потому поощряла и даже подталкивала к необузданным расходам Николая. Ничего,

на ее век денег хватит. Пусть мужик почует себя значимым человеком, пусть войдет в режим богача, вот тогда никаких веревок и цепей не понадобится. Николаю скоро стукнет 35 лет. В самом соку мужчина, а у нее уже времени на выбор не осталось. Случайные связи страсть как надоели ей. Хочется возле себя иметь настоящего рыцаря, надежного спутника жизни, а что может быть надежней мужчины, стремящегося к достатку?

Своим сыновьям она наказала нос в ее личные дела не совать. Купила от греха подальше отдельную квартиру и для Игорьька. Придет время, сами привыкнут к Николаю. Даст Бог, и подружатся еще. А пока пусть терпят. Горнюха, хоть и наслаждался новым своим положением, однако коммерческие обязанности не забывал. За коптильней присматривал свой человек, брат Гришаня.

После Нового года отметили Горнюхино 35-летие. Все было достойно, даже с некоторым изыском, но скромно, в смысле приглашенных. Само мероприятие проходило в ресторане «Аркадия». Горнюха приехал с Олесей и братом Гришей. Посидели они славно. Клавдия Матвеевна вела себя на вечере просто и была ласкова с женой Горнюхи. Они о чем-то шептались и посмеивались. Скорее всего, «мамочка» рассказывала сельской сопернице веселые истории из «привозовской» жизни, не преминув при этом слегка похвалить ее мужа. Горнюха чувствовал, что со стороны одесской подруги идет ненавязчивая обработка его жены. «Пудрит мозги бедняжке», — с сожалением подумал вдруг Горнюха, и ему стало невыносимо больно за свою женушку.

Двусмысленное положение, в котором в последнее время находился Горнюха, все больше раздражало его, и он подумывал об отходах на запасные позиции. Все чаще и чаще он ловил себя на мысли о собственном паскудстве. Сам ведь захотел. Серега здесь ни при чем. Все можно было бы еще тогда обернуть в шутку, в глупое недоразумение. Но желание стать твердо на ноги, обрести солидные капиталы пересилили все другие чувства и развеяли сомнения. Ничего не проходит бесследно. Борьба с самим собой должна была привести к кризису, к определенному решению — как быть дальше? С некоторых пор ночи, а в последнее время и дни, проведенные с Клавдией Матвеевной, стали ему в тягость. Это заметила и Клавдия Матвеевна и как-то высказала ему в деликатной, но все же обидной форме. Мол, слабеть стал молодец. Не хватает его на двух женщин. Она, мол, все понимает и пусть не мучает себя Горнюха излишней выпивкой, дабы показаться ей в постели орлом. Так его надолго не хватит. Она с насмеш-

кой предложила завести ему график. Горнюха обиделся и впервые наорал на свою благотельницу. Клавдия Матвеевна не стала вступать с ним в перебранку и молча снесла крики любовника. Однако на людях она перестала ему улыбаться и обращаться по имени, только официально. Горнюха уловил, что перегнул палку. А до задуманного еще, ох, как много требовалось. Ключи от сейфа, правда, она еще не отобрала у него, но полных сумм на заветных железных полочках уже не наблюдалось. Без хозяйки он, оказывается, пока никто. Мучительная раздвоенность между обязателькой в отношениях с Клавдией и истинными чувствами, которые он с недавнего времени вновь обнаружил к своей жене, сделали Горнюху раздражительным и вспыльчивым. Общаться с ним становилось все сложнее, и многие партнеры предпочитали обращаться напрямую к Клавдии Матвеевне. Этот поворот в отношениях грозил полным провалом всех планов. Горнюха мучительно искал выхода, и уже было решено все рассказать Олеся, но что-то в последний момент остановило его.

Он обратил внимание, что Олеся иногда смотрит на него задумчиво и испытывающе. В ее поведении наметилась некоторая настороженность. Горнюха все эти поведенческие отклонения своей жены принял как факт тревожный. Он каждую минуту ждал разоблачений со стороны жены. Но Горнюха ошибался. Дело оказалось в другом.

Как-то вечером Горнюха накинул отцовский полушубок и вышел к беседке покурить и обдумать свое дальнейшее положение. Олеся тихо подошла к беседке и остановилась за спиной мужа. Горнюха был занят своими мыслями и не слышал прихода Олеси. В его согнутой спине, безвольно склоненной голове чувствовались обреченность и усталость. Олеся положила ему руку на плечо. Горнюха вздрогнул, и чуть было не заматерился. Вовремя сдержался. Олеся улыбнулась и ласково заглядывала ему в глаза.

— Нервным ты стал. Наверное, не для тебя такая работа. Бросай к шутам свой город и возвращайся сюда. Вы с Гришкой неплохо сладите.

— Легко сказать, бросай! А жить как дальше будем?

— Все равно тебе придется на что-то решаться.

— Не понял. — Горнюха насторожился. Вот оно, начинается. Неужели кто-то выкнул про них Олеся?

— Я ведь забеременела, Коленька.

Олеся смотрела на Горнюху широко распахнутыми глазами и так наивно-радостна она была в этот момент, что у Горнюхи защемило в груди.

— Родненькая моя, да неужели?!

Он схватил свою жену в охапку, приподнял осторожно и стал на весу ее целовать. Она смеялась и слабо сопротивлялась, потом обняла его за шею и крепко прижалась к нему. «Все, завтра еду в Одессу. Пора завязывать с этим бардаком», — мелькнуло у счастливого Горнюхи.

Радостная весть о скором прибавлении в семействе Горнюхи быстро достигла рыбных рядов «Привоза». Все, кто работал на «мамашу», понимающе улыбались Горнюхе, а молодые девочки-реализаторши еще при этом и подмигивали. Они за глаза осуждали связь Горнюхи с «бандершей», как они называли Клавдию Матвеевну промеж собой, и надеялись в скором времени увидеть амурное фиаско своей благодетельницы. Как всякие подневольные люди, девочки страстно ненавидели свою хозяйку, хотя та ничего плохого в отношении подчиненных не предпринимала. В зарплате не ущемляла, но драила, правда, за каждую торговую провинность немилосердно.

Дошло и до ушей «мамочки» о семейных делах Горнюхи. Клавдия Матвеевна сидела в своем кабинете минут десять в полном оцепенении. Но не зря она считалась волевой женщиной. Взяла себя в руки и заставила свою голову поработать. Надо было что-то предпринять, но что? Она не знала. Ясно было одно: Горнюха соскочит с ее крючка и никакие посулы, и никакие деньги его не остановят. Надо остыть немного и не торопиться с решениями. Время покажет.

Горнюха полдня мотался по городу, даже съездил в район озера. Там работала артель, которая поставляла свежую рыбу на прилавки «Привоза». Встретился в порту с двумя партнерами, горели договора по поставке морской рыбы. Потом надыбал на дачах Серегу и они вместе прикатили к Клавдии Матвеевне. Горнюха доложил о делах, а затем торжественно достал из дипломата бутылку дорогих сортов шампанского.

— Имеем повод, уважаемая Клавдия Матвеевна.

— Поздравляю тебя, мой хороший. Уже доложили. Дай вам Бог, как говорится, — а что именно, она не стала уточнять. Встала, открыла свой конторский шкаф и извлекла бутылку коньяка и закуску. — Отметить необходимо.

Невинное предложение Горнюхи отметить шампанским важное событие в своей семейной жизни вылилось в дикую, разнузданную пьянку. Кто бы ни заходил в кабинет Клавдии Матвеевны, достаивался стакана шампанского или стопки коньяка. Потом перешли на водку. Хозяйка кабинета была не в меру благодушна и гостеприимна. К закрытию магазина Горнюха уже едва ворочал языком. Пьяна была и Клавдия

Матвеевна. Однако и в этом состоянии она умудрялась не терять полностью головы. Вызвала машину, дала распоряжения сторожам и стала выпроваживать званую и незваную публику из помещения.

Горнюху торжественно вместе с Клавдией Матвеевной доставили на их городскую квартиру. Кое-как разоблачились и оба в бесчувствии завалились в кровать.

Очнулись они глубокой ночью. Приняли оба душ и взялись навестывать упущенное. Однако Горнюха вел себя сдержанно и даже отрешенно, чем невыносимо раздражал Клавдию Матвеевну. Она поняла, что в этот момент он ускользает от нее, уходит, и этот уход будет безвозвратным. Шестым чувством, звериным чутьем растревоженной самки узрела она конец своей счастливой, пусть и наполовину, но семейной жизни. Боль, обида и неизбывная горечь захлестнули ее сердце, и она разрыдалась. Переходила то на вой, то на причитания и не могла никак остановиться. Это была стопроцентная истерика, и никакие волевые качества уже не спасали. Горнюха испуганно вскочил, но его неумелые успокоительные действия словно подлили масла в огонь. Клавдия с еще большей силой завелась. Она сползла на пол и билась в рыданиях, от которых у Горнюхи мороз прошел по спине. От испуга и растерянности он побелел. Секунд пять сидел в полном оцепенении, затем опрометью бросился в ванную комнату, где хранились сердечные капли. Торопливо прыснув в чашку лекарство, метнулся обратно в спальню. Клавдия каталась по ковру и жутко выла, стуча кулаками по полу. Горнюха склонился над своей подругой и попытался силой влить ей лекарство, но женщина вырвалась, села и в упор уставилась на своего любимого. Горнюха уловил, что мороз со спины перешел и на конечности. Она прекратила издавать устрашающие звуки, молчаливо взяла чашку с остатками лекарства и выпила. Вздохнула со всхлипами и опустила голову. Горнюха осторожно стал гладить ее по волосам. Клавдия дернулась, но совсем не отстранилась.

— Что ты со мной делаешь? — прошелестела она запекшимися губами.

Горнюху забил озноб, и он в перекрест сжал руки, дабы унять дрожь в теле. Молчал и с испугом смотрел на Клавдию. Она была некрасива в этот момент, какой-то оплывшей и даже безобразной в своей необъятной ночнушке. Горнюху захлестнула тоска, и он отвернулся. Клавдия Матвеевна заметила этот жест. Она уловила в нем не столько испуг Горнюхи, сколько брезгливость. Слезы вновь произвольно потекли по ее побелевшим щекам.

— Коленька, не бросай меня. Я тебя все равно никому не отдам, — она сжала руки меж колен и стала раскачиваться.

Горнюха снова всполошился, ожидая новой волны истерики. Он приподнял руки ладонями ей навстречу, как бы успокаивая и одновременно ограждая себя от дальнейших неприятных действий с ее стороны. Клавдия усмехнулась сквозь слезы.

— Запомни, ты будешь мой или ничей, — продолжила она с нажимом. — Запомни. Мне нужен только ты, а тебе нужны деньги. Думаешь, я не вижу, как ты тащишь? Миленький мой, я все вижу и знаю. А ты все играешь в бой-хлопца? Я ведь на все закрывала глаза. Мне плевать на деньги. Бери, сколько хочешь, распоряжайся. Только прошу об одном — останься со мной.

Горнюха совсем сник, съезился и ничего не мог ответить. Мешал ком в горле. Оказывается, не такой уж он хитрый и крутой, как показался себе в последнее время. Он, оказывается, словно под рентгеном ходил. Одним словом, дубина, причем сельская, неотесанная. Горнюха передернул плечами и глянул на свою партнершу. Та смотрела в сумеречное пространство спальни и тихо раскачивалась. Она по-прежнему сидела на полу. Горнюха стал на колени и приблизил свое лицо к Клавдии Матвеевне.

— Раз ты все знаешь, слушай сюда. Давай мирно разойдемся. Не могу я так больше. Противно. Я ведь не люблю тебя. Ты права, — торопливо сыпал откровения Горнюха, боясь, что его перебьют, — деньги мне нужны. Но так их зарабатывать я больше не хочу. Выдай сколько мне положено или сколько посчитаешь сама, и на этом — все.

— Нет, не все. Останешься со мной. Я для тебя готова все сделать. Даже для твоей жены. Хочешь, новый дом ей построим, дадим денег, машину ей купим. Твой ребенок ни в чем не будет нуждаться. Хочешь? Я все сделаю.

— Ты с ума сошла. Как я потом буду в глаза смотреть своему сыну после этого?

— Негодяй ты, негодяй. Он еще о морали толкует. Тебе-то! Мы ведь с тобой одного поля ягоды, так что не мни о себе многого... Но я и такого тебя люблю.

— Господи, да что ты заладила свое. Я тебе объяснил, что больше так не могу. К черту твои баксы, к черту все! Я хочу вернуться к нормальной жизни. Нет, я очень тебе благодарен за все, но пойми, дальше я просто не выдержу. Окочурюсь от сердечного приступа. Тебе легче будет от этого?

— Может, и легче, — задумчиво произнесла Клавдия Матвеевна. — Давай еще поспим немного, утром у нас много дел. Потом и договорим.

Тон ее Горнюхе оказался слишком уж спокойным. Все же железной волей обладает эта женщина, не чета многим мужчинам. Горнюха ничего не ответил и повалился на кровать.

Через два дня Горнюха уехал к себе в село. По приезду валялся целый день на диване, смотрел телевизор, изредка выходил к беседке покурить. Он теперь старался не беспокоить Олесю своими дурными привычками. Уже на следующий день пошел в коптильню, провел там время до вечера. Вернулся усталым, но веселым.

— Ну, мать, накрывай на стол. Славно поработали. Гришка у нас молодец. Завтра в город повезет рыбу.

— А ты что же, не поедешь больше? — Олеся несла тарелку горячего наваристого борща, да так и остановилась посередине кухни.

— Нет, хватит с меня. Надо новую жизнь налаживать. Все эти дела на «Привоze» не по мне.

— Коля, ты ведь сам говорил, что не проживем с одной коптильней. Как же так?

— Ничего, люди, вон, живут со своего огорода и не жалуются. А нам не привыкать.

— Ну и ладно, — легко согласилась с мужем Олеся.

Прошла неделя-другая. Из города не было никаких вестей. Даже Серега испарился куда-то. Гришка, правда, обмолвился, что услала его Клавдия в Коблево. Там хороший подряд на дачные хоромы случился. На дворе ранняя весна, хоть и южная, взбалмошная, но самый сезон строительства. Это хоть и в соседней области, но у Клавдии Матвеевны ручки длинные. Горнюха потосковал маленько, очень не хватало Сереги. С ним было бы легче. Ну, да ладно, не на век же он уехал.

Была на исходе третья неделя его бегства, когда в конце их улицы припарковалась шикарная иномарка. Оттуда вышли двое и направились в сторону Горнюхиного дома, внимательно рассматривая номера на воротах. Остановились, закурили сигареты и вежливо побарабанили в железную калитку. На стук вышла Олеся и поинтересовалась у незваных гостей о цели их визита. Мужчины спросили Горнюху и сообщили, что прибыли от Клавдии Матвеевны. Олеся подробно объяснила, как пройти к коптильне. Долго смотрела вслед мужчинам, но сердце отчего-то тревожно екнуло. Уж слишком кратки и вежливы были визитеры. Но успокоила себя тем, что, видно, какие-то дела надо завершить мужу в городе. Вот и потребовался хозяйке. Когда на село опустились сумерки, Олеся забеспокоилась. Пришел Гришаня и сказал, что Горнюха уехал в Одессу. Даже, мол, переодеться не дали мужику, спешка какая-то обрзавалась. Так в спортивном костюме и

куртке укатил. Олеся разволновалась не на шутку. Гришаня стал ее успокаивать, мол, все обойдется. А тебе не стоит расстраиваться, о дите надо думать. У Олеси уже наметился слегка животик.

Прошло довольно много времени, когда Олесю вызвали на почту на переговоры. За эти долгие мучительные для нее дни Олеся осунулась, тенью ходила по двору и при встречах с Гришаней умоляла поехать в город разузнать о Коленьке. Брат, конечно, ездил, но ничего определенного оттуда не привозил. Горнюха, мол, отправлен по делам в Коблево и вернется лишь через пару месяцев. Начнется лето, и работа по строительству домов будет закончена. И вот этот звонок. Олеся едва ли не прытью бежала на почту. Там ее попросили подождать. Наконец ее соединили. В трубке немилосердно трещало, и она услышала голос своего Коленьки. Голос ей показался глухим, едва узнаваемым, но она сразу поняла, что это его голос. Горнюха сообщил ей о командировке и сказал, что скоро приедет, еще много дел осталось завершить. На этом связь неожиданно прервалась и сколько телефонистка ни билась, повтора уже не получилось. Олеся хоть и была обрадована, но все же огорчилась до слез этим неожиданным обрывом разговора.

Через месяц Горнюха объявился. Осунувшийся, бледный, он едва ноги передвигал и держался частенько за правый бок. Говорил, что отравился чем-то, питались чаще всухомятку, и теперь побаливает печень. Олеся испуганно суетилась вокруг него и все не могла толком взяться за дела. Горнюха прилег на диван и попросил куриного бульона. Прибежал Гришаня, взялся помочь Олесе по хозяйству. Зарубил курку и отдал ей на ошип, потом сбегал к бабе Насте за травами. Через минут двадцать пришел вместе с бабой Настей, которая взялась тут же варганить какое-то варево из трав. Лекарство дело хорошее, но народные средства испытаны веками. На ноги Горнюху, мол, она подымет в считанные дни.

В мае Горнюха, как и обещала баба Настя, пришел в себя окончательно. Повеселел, что-то чинил по хозяйству, подолгу бывая на улице. Олеся тревожилась за него и часто загоняла в дом. Горнюха будто и не слышал свою супругу. Улыбался, но глаза его бешено сверкали. Лицо его изменилось, черты заострились, стали жесткими. Он задумчиво вышагивал по двору и поигрывал желваками, что-то нашептывая себе под нос. Олеся испуганно смотрела на него, окликала чуть громче, чем следовало. Горнюха, очнувшись, оборачивался, улыбался как всегда своей жене и успокаивал, мол, все нормально.

С обильными паводками пошла на реке рыба. Горнюха появился в копильню. В июне еще маленько повозились, но к июлю, самому жаркому месяцу в Молдавии, дело совсем замедлилось. Пекло стояло такое, что всякая живая тварь уползала в укромные уголки в поисках прохлады. Поставщики-браконьеры один за другим покидали доходное место. Мотивировали они тем, что не выдерживают жестокую конкуренцию со стороны хохлов, которые вконец оборзели и опутали весь лиман и речки сетями. Конкуренты утверждали, что отныне это их территория и навеки вечные. Москалям, молдаванам и прочим козлам тут нема шо шукать. Местные браконьеры вынуждены были перебиваться кое-каким уловом и тащить его мелкими партиями в город, самостоятельно договариваясь с таможенниками. Каждый из них уже сумел пробить свои тропинки к рыбным рядам «Приво-за». Делу грозили серьезные убытки.

Однажды появились городские гости. Игорек и Олег подкатили к самым воротам и посигналили. Вышел Горнюха. Они долго о чем-то толковали, затем Горнюха вернулся в дом. Молча переоделся в цивильное, подошел к Олесе, потрогал ее живот, улыбнулся и сказал:

— Буду через неделю. Есть от «мамаши» предложение. Надо поправлять дела.

По дороге в город в машине состоялся короткий мужской разговор с пасынками. Игорек вел машину, а Горнюха с Олегом сидели на заднем сиденье. Базар начал Игорек.

— Ну, шо, козел, допрыгался? Мы же тебя предупреждали: маму нельзя обижать.

— Заткни хавальник! — Горнюха заиграл желваками. Олег молчал и упорно смотрел вперед.

— Ты мне это?! Счас мы тебе пупок развяжем окончательно. — Игорек стал сбавлять скорость, прижимаясь к обочине. Они как раз ехали мимо лесополосы.

— Не дури, веди машину, — Олег лениво потянулся, хрустнул накачанными плечами. — Это мы всегда успеем. Ма-тушка просила доставить его в полном здравии.

— Ладно, за нами не заржавеет. То, шо ты провалялся месяц в больнице — это только цветочки, — Игорь надавил на газ.

— Ты дома, надеюсь, не болтанул лишнее? — вступил в разговор Олег. — Смотри, слово дал. Помнишь уговор?

— Хватит туману наводить. Ничего я никому не сказал, — Горнюха вцепился в спинку переднего сиденья, аж пальцы побелели.

Клавдия Матвеевна встретила Горнюху притворно ласково.

— И кто это к нам приехал, а? Пропажа ты наша. А ведь, между прочим, с работы тебя никто не увольнял. Прогулы запишем. Ну, что стоишь как не родной. Присаживайся, побеседуем ладком-мирком. Ребята, отдохайте. Мы тут с Николаем Васильевичем сами, — она махнула рукой и «мальчишки» подались на выход. Игорек не утерпел, обернулся на пороге:

— Мам, если шо, зови. Мы тут будем.

— Ладно, ладно, герой ты мой. Идите. Я сказала, сами разберемся.

Сынки вышли, хлопнув дверью. В кабинете образовалась тяжелая тишина. Клавдия Матвеевна вздохнула, положила руки на стол и задумалась. Горнюха тоже молчал и не шевелился.

Клавдия Матвеевна глянула на него исподлобья, усмехнулась.

— Ох, как ты меня ненавидишь! Вижу, вижу. Дай тебе волю, от меня бы и соринки не осталось, — она снова горько усмехнулась. — Вот до чего шальная любовь доводит. А ты знаешь, мне временами кажется, что и я тебя удавила бы. Сколько ты мне горя принес! А ведь все равно люблю тебя и ничего с этим поделать не могу.

— Только не начинай, — Горнюха прокашлялся. — Я уже эти сцены видел. И спасибо тебе за лекарства. Очень они мне помогли. — Горнюха криво улыбнулся. — Заботливая ты...

— Издеваешься? Ты прости меня, не в себе я была тогда. Сдуру натравила «быков». Думала, вот проучу маленько своего суженого-ряженого, он и поймет все свои заблуждения. Но перестарались ребята. Ты уж прости, Коленька. А?

— Бог простит. Запомни одно: вашими вонючими деньгами и вашими крутыми ребятами ни хрена ты не сделаешь. Есть вещи, которые и тебе не подвластны. Могучая ты наша вседержительница «Привоза». Ни хрена ты не сделаешь!

— Подожди! Не гоношись. Давай, как деловые люди оформим сделку. Согласен?

— В смысле?

— В прямом. Ты останешься со мной. Твою коптильню опять наладим. Я в курсе твоих проблем. Я тебе рыбу буду специально завозить. С таможей договорюсь. Ну, не хочешь быть моим замом, будешь на прежнем месте давать мне продукцию. Мои клиенты уже привыкли к твоей рыбке, — Клавдия Матвеевна улыбнулась. — А ты хоть иногда заезжай ко мне да на людях будь со мной поласковой. Мне ведь много не надо, бабий век короткий. Очень хочется пожить еще счастливо. Ты прав, деньгами все не купишь. Но позволь себе ни в чем не отказывать. Я для тебя на все согласна. Только не бросай меня совсем.

— Опять двадцать пять. Ты, вроде, умная баба, а никак в толк не возьмешь: лучше уж ни с кем, чем вот так вот...

— Вам, мужикам, легко рассуждать, а если очень хочется тебя. Ничего не могу придумать. Дура я, что своих сынков послушала, да не в себе была. Прости меня, мой хороший. Простишь?

— Да что ты все заладила. Я плохое быстро забываю, но подлянки никогда.

— Коленька, а я тебе машину купила. Новенькая «семерка». Твою колымагу кому-нибудь сбagriшь в селе. Кто-нибудь найдется на нее?

— Ну, мать, ты даешь! Откупиться хочешь?

— Ты с ума сошел. Это тебе мой скромный подарок. Все-таки не чужой ты мне человек.

Горнюха глянул в глаза Клавдии Матвеевны, прочел нечто важное для себя в ее взгляде, и улыбнулся.

— Ну и хитра же ты!

— От всего сердца, Коленька. Сегодня поедем ко мне, а? Обмоем твою цацку. Поедем, так по тебе соскучилась, — Клавдия Матвеевна заискивающе глядела на Горнюху, перебирая в пальцах ключи от машины.

— Ох, и сука же ты, Клава!

— Сука, сука и еще какая! — Она вся вспыхнула, на щеках обозначился румянец. Видно, крепко прихватило бабу.

Горнюха приехал домой через три дня. Все-таки уломала его ненасытная «мамочка». У ворот своей хаты он звучно по-сигналил. Олеся утицей вышла из калитки и всплеснула руками: «Какая красота!» Бежевая семерка прямо-таки горела в лучах солнца. Новая машина, что тут скажешь.

Горнюха теперь сам ездил с рыбой в Одессу и оставался там на пару дней. Олеся была не против. Она всячески поощряла деятельность своего мужа. Даже малая толика радости ослепляет любого из нас.

Горнюха вечерами торчал в беседке, курил, обдумывал свое положение и понимал, выход только один — уехать. Наметил он всю операцию отъезда после рождения ребенка. Списался с сестрой, что в Сибири жила, и получил добро от нее на переезд. Однако долги оставлять за собой Горнюха не собирался. Надо было наказать, по возможности сурово, бойких сынков. Уж очень они его доставали. В отличие от мамочки, они ни на грамм не верили Горнюхе и настороженно следили за каждым его шагом.

Уже ближе к сроку родов Горнюха привез Олесю в город и устроил ее в областную клинику на сохранение. Хотя особых причин беспокоиться не возникало, но мало ли что. Подсказала ему эту идею сама Клавдия Матвеевна. Теперь Горнюха

неотлучно находился при обеих. В больницу к Олесе привозили самые лучшие овощи и фрукты, первоклассную еду доставляли прямо из ресторана. Горнюха возмущался, но не особо пылко. Пусть себе блажит «мамаша». Все развлечение. Скоро она получит от него очень большой привет.

Сроки отъезда поджимали, и Горнюха решил начать операцию «Возмездие», как он ее нарек, в ближайшие дни. Сереги все не было, а у него не хватало времени сгонять в Коблево. Без друга трудновато было осуществить задуманное. Рядом нужен был надежный человек. Однако Горнюха нашел своих старых друзей по Морфлоту. Многие из них кантовались на берегу и промышляли, чем придется. Но все же пару мужиков он нашел в сообществе одесской братвы. Сговорились быстро, но когда они узнали, с кем придется иметь дело, дали задний ход. Чтобы решиться на такое, надо иметь веские причины. Горнюха им выложил все как на духу. Упирал на то, что ребятишки забавлялись со связанным Горнюхой, как хотели. Мол, отбили все печенки, почки и все потроха. Мужики, подогретые водкой и вспыхнувшей морской солидарностью, объявили пацанам вендетту. Они поклялись за Горнюху вымотать все кишки у братьев и развесить их на ограде «Привоза». Горнюха поостудил их пьяный пыл и потребовал на время операции завязать с бухалом. Караулили братьев два дня. При выходе из подъезда, где жил Олег, они прыснули обоим в лицо газом, накинули мешки на голову, впихнули в машину без номеров и увезли за город.

Отделали хлопцев по всем статьям. Мамаша, встревоженная отсутствием сыновей, объявила их в розыск. Обнаружили братьев «привозовские» бойцы в одной больнице, на окраине города. Клавдия Матвеевна сразу же укатила туда, прихватив с собой знакомого милиционера. Братьев через два дня перевезли в областную клинику, приставили лучших врачей и дежурного мента на всякий случай. Братья ничего не помнили и толком ничего не могли рассказать. Мешки с голов им так и не сняли. Увечья были серьезные, однако большой угрозы для жизни не представляли. Но этого хватило, чтобы Клавдия Матвеевна учинила настоящий шмон и братве, и ментам. Начались поиски злоумышленников. Горнюха находился в стороне и не вмешивался в дела своей подруги. Вечерами она плакала, и вся кляла какого-то «Бисмарка» — одесского авторитета, с которым у Олега были свои нелады. Горнюха облегченно вздыхал при этих причитаниях. Своих мужиков он предусмотрительно отправил в Измаил, где жили еще пару человек из бывших моряков. Сослуживцы получили солидный куш и упали на дно.

Как и надеялся Горнюха, дело закончилось ничем. Сынки вышли из больницы. Все-таки и наши врачи кое-что умеют, если им хорошо заплатить. Игорек и Олег притихли, но при встрече с Горнюхой отворачивались и вообще не отвечали на его приветствия и вопросы. Клавдия Матвеевна сердилась на них, но те не меняли свою линию поведения с Горнюхой. Приезжал «Бисмарк», клялся в вечной дружбе и грозил неведомым падлюкам неизбежной карой.

Горнюха возликовал и решил приступить к окончательной стадии своей операции. План его состоял в том, чтобы угнать собственную машину, а затем толкнуть ее за приличную сумму. Новые отечественные марки автомобилей нынче снова были в цене. И Горнюха старался не упустить момент. Конъюнктура рынка — дама капризная. А деньги вскоре понадобятся, и немалые. Предстояла купля квартиры и, соответственно, мебели и всякой необходимой утвари.

К угону он решил привлечь других знакомых корешков, чтобы не светить тех, кто осуществлял операцию «Возмездие». И вот здесь Горнюха допустил роковую ошибку. Время ломает людей, а тем более реформенное. Ситуация менялась стремительно и не каждый из социума поспевал за ее причудливыми поворотами. Иные людишки приноравливались к реалиям, а другие неумолимо погружались в нищету и в свои мелкие заботы, которые были сведены к минимуму — выжить. Вот такие ребята и предстали перед ним. Когда-то вместе кантовались в СИЗО. Он посулил своим бывшим сокамерникам приличную сумму, и у мужиков глаза на лоб полезли. Горнюха понял, что дал маху, но на попятную не пошел. Было уже поздно. Времени оставалось в обрез. Олеся могла в любой день родить, а ведь недельку-другую надо после этого побыть дома, чтобы малыш и мама маленько оклемались в родных стенах.

Об угоне машины первой узнала Клавдия Матвеевна, как и планировал Горнюха. Сам он находился в это время в рыбных рядах. За ним прибежали и сообщили, чтобы немедленно шел в кабинет к хозяйке.

В кабинете Клавдии Матвеевны сидели насупленные братья. Олег с перевязанной рукой. У него был серьезный перелом в двух местах, и рука трудно и долго заживала. Клавдия Матвеевна ритмично отстукивала карандашом по столу.

— Коленька, опять неприятный сюрприз нам преподнесли, — обратилась она к вошедшему Горнюхе. Тот в кабинет не вошел, остался стоять на пороге. — Заходи, дорогой, заходи. Машину твою угнали. Ведь никогда на моей стоянке такого не случилось. Все же меня знают. Что за сволота объявилась в городе?

— Местная босота на это не способна. Это скорее всего гастролеры прикатили. Кто-то навел их сюда, — зло ухмыльнулся Игорь. — Иначе они бы ни в жизнь не сунулись. Может, наш дорогой «папаня» и устроил собственный угон?

— Игорь! Прекрати сейчас же! Вечно ты со своими глупостями. Какому идиоту, скажи мне, придет в голову собственную машину угонять?

— А я говорю, шо это его работа, — Игорь встал и пошел на Горнюху.

— Э-э, поостынь, парень. — Олег перехватил здоровой рукой брата. — Тормози наезды. Разберемся, не впервой, — Олег отпустил рукав футболки Игорька. Тот плюхнулся на стул с угрюмым и злым видом. — Мам, мы пойдем. Надо прокачать ситуацию. Я сам займусь этим делом, — Олег пристально посмотрел на Горнюху, — уже есть кое-какая информация.

— Хорошо, Олежек. Я надеюсь на вашу сообразительность. Ментам тоже надо заявить. Будем действовать по двум каналам.

— Мы еще посмотрим, кто быстрее обернется, — буркнул Игорек.

Горнюха молчал все это время и настороженно наблюдал за Клавдией Матвеевной. Ему не понравилась последняя фраза Олега. Ждал с нарастающим беспокойством ее слов. Клавдия Матвеевна изучающе глянула на Горнюху и сказала:

— У меня такое впечатление, что ты совсем не огорчился потере?

Горнюха, словно очнулся от ее голоса, шагнул в кабинет, но садиться не стал, прислонился к стене и закрыл глаза. Рот его превратился в узкую полоску, а на скулах заиграли жесткие желваки. Он слегка побледнел, что не ускользнуло от Клавдии Матвеевны. Она уже пожалела о своих словах. Клавдия Матвеевна торопливо вышла из-за стола и ринулась встревоженно к Горнюхе. Тот стоял, опершись спиной о стену, и стал задиравать подбородок кверху и что-то шептать.

— Прости, я не хотела. Может, тебе капель дать?

— Водки дай... «тачка» действительно классная была. Жалко.

— Коленька, мы обязательно найдем тех гадов.

Горнюха подошел к Клавдии Матвеевне, погладил по щеке. Решил игрануть слегка.

— Зараза ты, Клава! Мужиков цепляешь на раз и два. Магнит будто в тебе заложен.

— Так в чем дело? Поехали домой, размагнитимся, а? — Клавдия Матвеевна перехватила ладонь Горнюхи и нежно поцеловала.

— Ну-ну, нежности не разводи. На ночь все оставим. Я

вечером буду. У меня еще дел до черта. Сама ведь говорила — о делах не забывать. Ты лучше приготовь что-нибудь вкусненькое. Я после тряски по сельским дорогам жрать хочу сильно.

— Цыпленка табака хочешь?

— Годится, — Горнюха тормознул на пороге, обернулся и кинул неожиданный вопрос:

— Скажи прямо, на хрена я тебе сдался? Вон сколько мужиков возле тебя крутится. Я перед ними — пацан пацаном.

— Дурак ты, если до сих пор не понял. Люблю я тебя.

— Да-а? Ну, ладно. Прощевай до вечера.

На мелодичный звонок открыла сама Клавдия Матвеевна. Она была в роскошном халате, видно, только приняла душ, волосы еще были влажными. Горнюха холодно чмокнул ее в щеку и направился в ванную. После душа он натянул на себя широкие шорты, влез в домашние тапочки и вышел в гостиную. Стол был накрыт по первому классу. Цыпята табака источали дурманящие запахи, красовались вазы с виноградом, с овощами и зеленью.

— Ну, мать, ты даешь! А я как раз жрать хочу со страшной силой.

— Стараюсь, Коленька, — она улыбнулась, но глаза холодно поблескивали. Она смотрела прямо в лицо Николаю, и тот внутренне поежился. Он знал, что означает ее такой взгляд. «Какая муха ее сегодня укусила?!» — промелькнуло в сознании тревожной тенью.

— Давай за нас с тобой! — Клавдия Матвеевна приподняла свой бокал с шампанским, но чокаться с ним не стала, выпила.

Горнюха пожал плечами и последовал ее примеру. Потом накинулся на еду.

— Такая козырая жратва с шампанским не идет, — тоном знатока заметил Горнюха, но жевать не перестал. Утолив первый голод, он откинулся на спинку стула, и потребовал: — Давай сюда сюрприз, что ли!

— Одну секунду, мой хороший, — Клавдия Матвеевна приподнялась, но снова села. — Может, сам выберешь? Там на кухонном столике целый арсенал. И мой сюрприз найдешь легко. Правда, мои ребятки уже его попробовали.

— Они что, здесь были? — Горнюхе эта новость не понравилась.

— Я их попросила продукты завезти, они заодно и презент нам доставили. А что?

— Да так, ничего...

— Сам пойдешь или мне сходить?

— Тащи! Я что-то разомлел маленько.

Клавдия Матвеевна вышла из-за стола, включила мимоходом музыкальный центр. Полилась тихая блюзовая мелодия. Горнюха с любопытством наблюдал за своей подругой. «Чудит баба», — подумал без всяких эмоций. Через несколько минут Клавдия Матвеевна вышла из кухни с подносом, на котором стояла початая бутылка «Абсолюта», две наполненные рюмки и на блюде нарезанные сыр и колбаска. Она медленно подошла к столу, осторожно опустила поднос.

— Теперь приступим ко второй части нашего вечера, — игриво заключила она свои действия.

— Ни разу не пробовал этой мазуты.

Горнюха взял бутылку и стал рассматривать этикетку, точнее, надписи, изображенные прямо на стекле.

— Заморская байда. Что-то я в своих круизах не встречал такого пойла. Мы с мужиками все на виски и джин давили, иногда «смирновской» баловались. А этой — нет.

— Говорят, ее пьют очень солидные люди. Мы с тобой ведь тоже не последние. Из отборного зерна сделана. Швеция!

— Это я понимаю продукт! Ну, что ж, приступим?

— Можно, я скажу тост?

— Ну, Клава, к чему эти церемонии. Ты ведь знаешь, как я не люблю эти дела.

— Коленька, случай-то у нас особый сегодня. Или забыл?

— Ну?

— Год приближается, как мы с тобой вместе. Боже мой, целый год! Поэтому я все равно скажу тост. Я хочу выпить за вечный наш союз, который отныне... Николай, прекрати смеяться... Так вот, отныне, с этого вечера, могут разрушить только силы небесные.

— Ну и тост! — Горнюха на протяжении спича своей подруги выдавал смешки. — Мать, мы же договорились, — Горнюха прекратил скалиться, — ну, в самом деле, с чего ты вдруг такие высокие речи затеяла? — последние слова он выговорил с едва сдерживаемым раздражением.

Такой поворот не входил в планы Клавдии Матвеевны, и она ласково, но настойчиво, стала просить его:

— Коленька, но я хочу выпить именно за это. Ты прости меня, дорогой, если что не так сказала. Я — от всей души. — Интонации ее голоса несколько размягчили Горнюху и он махнул рукой, мол, валяй, с меня не убудет.

— Я так виновата перед тобой, Коленька, и хочу, чтобы ты простил меня и не копил обиды. А? Коля?

— Ладно, матушка, прощаю тебя за все твои земные грехи!

Живи отныне праведно и свято! — Горнюха приподнялся, театрално поклонился и стал неумело крестить ее. Потом осторожно взял рюмку, чокнулся с оставшейся на подносе. — Хорошо пошла. — Горнюха принялся закусывать. — Класс водочка, — прожевав, резюмировал он, — только привкус у нее странный, для меня непривычный. А так ничего, очень даже ничего.

Клавдия Матвеевна уже не улыбалась, смотрела неотрывно на Николая. Горнюха показал ей рукой на стол, пей, мол, и закусывай, чего сидишь, как засватанная. Клавдия Матвеевна покачала головой в знак отказа. Горнюха пожал плечами и продолжил свою трапезу. Через несколько минут Горнюха почувствовал, что его неудержимо клонит в сон. Он отложил вилку и пробормотал:

— Клава, что-то я устал, спать хочу..

Клавдия Матвеевна вскочила с неожиданным проворством для ее объема и веса и залопотала тихо и нежно:

— Сейчас, мой хороший, сейчас пойдем баиньки. Будем глазки закрывать, я тебе песенку спою.

Она заботливо уложила его в постель. Колька на мгновение открыл глаза и просипел:

— Что это со мной?.. — и впал в забытье.

Клавдия Матвеевна постояла над ним, вглядываясь в лицо спящего Горнюхи. Он спал безмятежно и, казалось, сладко. Она вернулась к столу и закурила. Из музыкального центра лились прекрасные блюзовые мелодии. Она задумчиво глядела в пространство зала, где они несколько минут назад ужинали, и горько улыбалась, скорее, кривилась. Такая мимика случается, когда человек сидит в одиночестве и абсолютно не контролирует себя. Она загасила окурочек и взяла недопитую рюмку. Медленно поднесла к губам, но какие-то странные звуки отвлекли ее. Она обернулась к подиуму, на котором возвышалась их обширная постель. Звуки со стороны постели, где мирно почивал Горнюха, все усиливались. Клавдия встала, секунду постояла и направилась к подиуму. Горнюха хрипел, грудь его ходила ходуном, он силился приподняться и не мог. Клавдия Матвеевна стояла и наблюдала за возлюбленным. Горнюха агонизировал. Сердце бухало, и готово было вот-вот разорваться. Нестерпимая боль резанула нутро, и Горнюха вскрикнул, на мгновение открыл глаза. Через несколько секунд взгляд его стал гаснуть, тело его еще несколько раз сотрясли конвульсии и, наконец, он успокоился. Клавдия Матвеевна стояла не шелохнувшись. Вдруг она очнулась и рухнула на колени перед постелью, уронила голову на грудь Горнюхи и запричитала: «Коленька, не ухо-

ди! Милый мой, я сейчас. Не уходи — я с тобой! Коленька, я сейчас...»

Она проворно вскочила с колен и ринулась к столу, подхватила рюмку и помчалась к подиуму, но споткнулась о маленькую ступенечку, упала, рюмка выпала из ее рук и водка пролилась на паркет и маленький коврик. Она так и не поднялась и стала жутко выть. Не помня себя, она поползла к постели, приговаривая: «Не бросай меня, не бросай меня-а-а...» Она обвела невидящим взглядом спальню и, словно очнувшись, произнесла вслух: «Отмаялся мой любимый!» Через секунду метнулась в ванную комнату. Нацедила себе в чашку сердечных капель и выпила, через мгновение дрожь прошла, и она вернулась в зал. В руке она несла, крепко сжав, флакончик с лекарством. Запах корвалола распространился по всей квартире. Она машинально вытащила пробочку и стала брызгать лекарством вокруг себя, запах усилился. Затем прошла на кухню, взяла половую тряпку, вытерла у постели пролитую водку, а коврик затолкала под кровать. Подошла к столу, взяла рюмку, из которой пил Горнюха, понюхала, и пошла ополаскивать на кухню. Вернулась в зал, еще раз внимательно оглядела все и взяла телефонную трубку.

Через полчаса в квартиру позвонили. Она открыла, в глазах ее стояли слезы, и она молча впустила врача «скорой помощи», участкового милиционера и следом своих сыновей. Пока ответственные люди занимались осмотром и составлением соответствующих бумаг, Клавдия Матвеевна сидела за столом, низко опустив голову. Рядом стояли сыновья и осторожно гладили ее по плечам. Успокаивали.

Через несколько часов после ухода Горнюхи в областной клинике в родильном отделении раздался крик новорожденного. Это был мальчик.

*Материалы рубрики «Писательское братство»
подготовила Марина ПЕРЕЯСЛОВА*

Владимир ПОЛЕВАНОВ,
бывший вице-премьер РФ, академик РАЕН,
доктор геолого-минералогических наук,
президент холдинга «Золотой мост»

РАСПРОДАЖА СТРАНЫ

Корр. — Владимир Павлович, судя по официальной биографии, вы не работали с Ельциным в Свердловске. Окончив в 71-м геологический факультет, отказались от работы в столичном главке. Добившись перераспределения лично у министра геологии, укатили искать золото на Колыму. Там и вкальвали до грозной осени 1993-го. После расстрела «Белого дома» геолога назначили губернатором Амурской области.

В.Полеванов. — Вы хорошо подготовились к беседе.

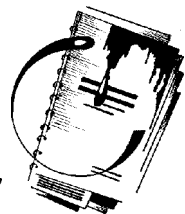
— Тогда объясните, как романтик из тьмутаракани попал на самое хлебное место России — в Госкомитет по имуществу?

— Это кадровое назначение — одна из неразгаданных «дворцовых» тайн за все годы «реформ». Я к этому не приложил никаких усилий. Единственное, в мае 94-го получил аудиенцию у Ельцина. Целых 24 минуты. Думаю, его поразило, что этот губернатор не просит денег, ресурсов.

— А зачем добивались встречи?

— Область перестала быть дотационной. Чтобы привлечь зарубежные инвестиции, я создал залоговый фонд в 17 миллиардов дол-

ДОСЬЕ "МГ"

ларов. Его-то и утвердил Ельцин. Месяца не прошло, сам президент прибыл на Амур с незапланированным визитом. Впервые в истории края! Цари, генсеки к нам не заглядывали. Ельцину у нас понравилось.

11 ноября вдруг получаю на свое 45-летие массу поздравлений на правительственных бланках. Из Кремля, от министров. Удивился — к чему бы такое внимание к рядовому губернатору? А уже 14 ноября вызвали в Москву. Там и узнал, что назначен главой Госкомимущества в ранге вице-преьера. На место Чубайса. Как позже выяснил, не благодаря ему, а вопреки.

— *А вы хоть знали, что такое приватизация?*

— Только благодаря ей мы и сделали область самодостаточной. Всё открыто продавали на конкурсах, за всё брали максимальную цену, наполняли бюджет. Видно, это и сыграло роль в моем назначении.

— *Что вы увидели на новом месте работы?*

— Формальные показатели впечатляли. Около 60 процентов предприятий к концу 1994 года стали негосударственными, 40 миллионов россиян — акционеры. По массовости Россия заметно обогнала страны бывшего соцлагеря. В Польше, где «рыночный менталитет» куда выше нашего, за три года приватизировали лишь 30 процентов госпредприятий, в Венгрии — не более 20. Но что стояло за высокими темпами и невиданными масштабами российской приватизации? Госимущество продавалось фактически за бесценок. Лихорадочно. Своим. В нарушение даже тех убогих законов, которые тогда были.

— *Это всё эмоции. А факты где?*

— Факты? Пятьсот крупнейших предприятий России с реальной стоимостью не менее 200 миллиардов долларов к концу 94-го ушли в частные руки всего за 7,2 миллиарда. Лихорадочная приватизация была и по национальной безопасности России. Запад прибирал к рукам оборонные предприятия. Это подтвердили материалы силовых ведомств, которые я запросил через две недели после назначения. Например, подставная российская фирма на средства гражданина США Д.Хэя, связанного с ЦРУ, приобрела около 30% акций Московского электродного завода с НИИ «Графит», производящего стратегический графит для военного ракетостроения. И научно-исследовательский институт под давлением американцев отказался принять заказ Военно-космических сил России. Один секретный институт создал уникальную, стопроцентно эффективную технологию противоракетной обороны на основе плазменных зарядов. Но какая-то «свет-

лая» голова решила приватизировать его помещения и отдать под склады для импортных напитков и сигарет. Подобная участь постигла и ряд других оборонных институтов и предприятий.

— Так вы же были вице-премьером, Владимир Павлович. Вам и карты в руки!

— В том-то и дело, что руки были связаны. Надо мной — первый вице-премьер Чубайс, куратор приватизации. Подо мной — замы: Кох, Мостовой, Васильев... Люди того же Чубайса. Я их уволить не мог, чтобы свою команду сформировать. Анатолий Борисович давал понять, что моя роль в правительстве чисто исполнительская. Дескать, механизм приватизации уже отлажен, и мне остается лишь подписывать подготовленные решения.

Выбор был невелик: либо подписывай не глядя, и тогда — я член команды, до сих пор бы болтался где-нибудь во властных структурах. Либо пытайся изменить ситуацию в интересах страны. Я выбрал второй путь. Стал менять правила игры. С мест пошли звонки, что замы мои продолжают прежнюю политику. Лишил их права подписи, все замкнул на себя. Чубайс устроил выволочку. Я прикинулся шлангом, как говорят в армии. Мол, должен войти в курс дела.

— *Вы с ним отношения не обостряли?*

— Тогда еще нет. В Госкомимуществе сидели 35 советников, сотрудники иностранных фирм. В основном американцы. Свободно пользовались базой данных. Могли заранее знать, где, когда и на каких условиях пройдут аукционы по продаже госимущества, даже когда это составляло не просто коммерческую, а государственную тайну. С такой информацией победить на аукционе — дело техники. В любой западной стране доступ иностранных специалистов в подобные учреждения строго ограничен. Я приказал забрать у них пропуска и не пускать в здание. Но охрана — военизированное подразделение «Демократического выбора России» — не выполнила приказ. Американцы на сутки забаррикадировались в компьютерном центре. Видно, заматали следы. Я не стал вызывать ОМОН, чтоб не привлекать излишнее внимание. На следующий день заменил демократическую охрану простой милицией, что оказалось в три раза дешевле. Восстановил российскую юрисдикцию над Государственным комитетом РФ. Боже мой, что тут началось! Чубайсу это очень не понравилось. Наша, западная пресса подняла крик, что я враг реформ, подрываю российско-американские отношения, ввел казарменный режим и одним махом разрушил безупречный механизм приватизации. Но я держался.

Следующий шаг — приостановил приватизацию алюминиевых заводов. Вспомните «Прощание с Матерой» Валентина Распутина. Мы затопили гигантские площади в Сибири под ГЭС, чтобы вырабатывать дешевое электричество для производства стратегического алюминия. А теперь заводы начали задешево скупать иностранцы. Те же печально известные братья Черные. Опять скандалы с Чубайсом. Обстановка накалялась с каждым днем. Посол в США Воронцов слал панические телеграммы из-за океана, что Госдеп недоволен Полевановым, надо его снимать.

— *А что ваш с Чубайсом прямой начальник — премьер Виктор Степанович Черномырдин?*

— Я пытался объяснить ему ситуацию. Но он отвечал: «Не мешайте Чубайсу проводить реформы!» Тогда я пошел ва-банк. Подготовил подробный «Анализ первого этапа приватизации и предложения по его совершенствованию» — с цифрами, фактами, приложив записки из силовых органов. «По сути, произошло крупнейшее в истории России разбазаривание государственной собственности, что само по себе явилось одним из источников кризиса и заложило основы многочисленных будущих конфликтов, направленных на передел собственности, — писал я Черномырдину. — Цели приватизации искажались некомпетентными и умышленными действиями и в Центре, и на местах, что резко криминализировало ситуацию. В результате обвальная приватизация Российское государство серьезно ослаблено. Наблюдается скрытая интервенция иностранного капитала с целью подрыва обороноспособности и экономики страны для обеспечения принятой Западом стратегии «гарантированного технологического отставания России».

Я предлагал премьеру ряд мер по исправлению допущенных просчетов. Просил воздержаться от форсированного проведения второго этапа. «Связьинвест», «Норникель» и прочие серьезные объекты еще не стали тогда легкой добычей олигархов. Отдельным пунктом было следующее: «Поскольку большая часть ответственности за упущения начального этапа лежит на первом заместителе председателя правительства А. Чубайсе, то он объективно не заинтересован в искоренении недостатков и будет пытаться проводить прежнюю, во многом дискредитировавшую себя линию в области приватизации». Поэтому я просил поручить курирование Госкомимущества другому первому вице-премьеру.

— *И какой была реакция?*

— Записку отправил Черномырдину 18 января 1995 года. 24 января меня уволили. В Госкомимуществе я пробыл 70 дней.

— *А как же Ельцин, ваша надежда и опора?*

— Я давно пытался встретиться с ним. Почему-то верил, что Борис Николаевич все поймет и поправит зарвавшихся приватизаторов. Но его заблокировали напрочь! Краткую аудиенцию у президента удалось получить с огромным трудом. Уже назначили день встречи, я основательно подготовился к разговору. В последний момент кто-то вычеркнул мою фамилию из рабочего графика президента. Прорвался к нему слишком поздно, когда МВФ поставил ультиматум: или увольняете Полеванова, или Россия не получит транш в шесть миллиардов долларов. Разговор был коротким: «Ничего не могу сделать. России нужен транш. Я вас в Контрольное управление отправлю. Пересидите, а там видно будет». Но по тону Ельцина понял — ничего мне в Кремле не видать. И действительно, вскоре убрали и из Контрольного управления президента. И я вновь стал заниматься поиском золота.

— *Как Вы считаете, к чему приведет новая волна приватизации?*

— В бытность работы в правительстве в конце 1994-го — начале 1995-го в должности председателя Госкомимущества мне пришлось первому заговорить о недопустимости приватизации стратегических объектов и необходимости национализации тех из них, которые были приватизированы поспешно.

Россия имеет уникальную территорию, простёршуюся на 11 тысяч километров. Поэтому стратегические отрасли должны находиться под контролем государства. А нефть, электроэнергия, дороги, порты — являться его собственностью. Возможно, в этот перечень стоит добавить и уголь, поскольку нам надо обогревать огромные пространства. По меньшей мере, должна существовать государственная компания, которая будет продавать это топливо по льготным ценам людям, которые не могут платить по рыночным.

В России сейчас обширное поле работы для государственного регулирования экономики. К тому же, необходимо минимизировать негативные на первых порах последствия вступления в ВТО. Вместо этого некоторые наделённые властью люди предлагают довести до конца приватизацию, распродать в ускоренном темпе находящиеся в государственной собственности крупные компании. Министр экономического развития Эльвира Набиуллина выступила против переноса сроков продажи «Роснефти», «Транснефти», ФСК и «Русгидро» — фактически в пику взвешенной, продуманной позиции по этому вопросу вице-премьера РФ Игоря Сечина.

Да, для кого-то очень заманчиво звучат заявления о необходимости по идеологическим соображениям довести до конца все планы по приватизации. Но, как говорят, где начинается идеология, там кончается экономика. И это действительно так. Экономика в России попросту развалится. Мы получим обнищавшее население, олигархический капитализм и крах государственности. По меньшей мере — сделаем Россию латиноамериканской страной.

Если же конкретизировать последствия такой политики, то получим резкое — в разы! — повышение цен на бензин. Уже сейчас стоимость 95-го приближается к 30 рублям за литр. Кстати, в полунищем Египте за него платят 6 рублей. За счёт обделённого народа у российских абрамовичей и прохоровых появятся новые возможности для покупки футбольных и баскетбольных команд. Я считаю такую политику преступлением.

Но ведь те, кто её продавливают, не боятся последствий для себя лично. Почему? Они надеются «в случае чего» отсидеться в любимых ими Соединённых Штатах. А желание урвать сейчас жирный кусок госсобственности, наделить ею «своих» настолько велико, что можно пренебречь возможной опасностью. Вот что скрывается за настойчивыми попытками вернуться к политике 90-х, которая у большинства народа вызывает только ненависть.

Желание нажиться, экономическая безграмотность, либеральный фундаментализм — пожалуй, в такой последовательности можно выстроить мотивы поведения этой группы лиц. Какое им дело до того, что их американские патроны спят и видят ослабевшую Россию, распавшуюся на десяток государств, лелеют «голубую мечту» — столкнуть её с Китаем...

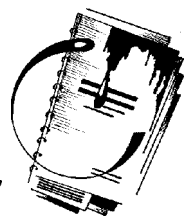
Подобной политике, выстроенной на антигосударственных постулатах и импульсах, пора положить конец. Необходимо принять федеральный Закон, согласно которому стратегические объекты становятся собственностью государства. И только механизм референдума позволит это изменить.

kr.ru

ПЕРЕВАЛОЧНЫЙ ПУНКТ НАТО В СЕРДЦЕ РОССИИ

Правительством России издано распоряжение об организации в Ульяновске перевалочного пункта НАТО, предназначенного для эвакуации грузов альянса из Афганистана. Эта распространенная в СМИ информация не удивила тех, кому известна история вопроса. Как говорится, все шло к тому.

Напомним некоторые факты пятилетней давности. 23 мая 2007 г. Государственная дума РФ ратифицировала соглашение, заключенное с государствами — участниками НАТО и другими государствами, о статусе их сил, которые участвуют в программе «Партнерство ради мира». Процедура ратификации проходила без особой огласки и в спешке. Достаточно сказать, что в тот день в режиме штамповки было принято сразу несколько десятков законов, и интересующий нас был 72-м (!) по счету. Аргументация профильных комитетов Думы — по международным делам и по обороне — отличалась благостностью: документы, мол, отвечают интересам Российской Федерации, и их ратификация позволит усилить переговорные позиции при решении вопросов нахождения российских войск за

ДОСЬЕ "МГ"

рубежом. Реализация соглашения обеспечит на принципе взаимности ввоз и вывоз боевой техники, транспорта и других средств, необходимых при проведении мероприятий в сфере военного сотрудничества, без уплаты таможенных пошлин и налогов*.

Уже тогда ряд экспертов обратили внимание на странную «близорукость» Думы: действие соглашения распространялось не только на российских военных на территории других государств, но и — что самое главное — на иностранные воинские контингенты на территории России. При том, что необходимость (как и возможность) пребывания наших воинских контингентов в странах НАТО крайне сомнительна, а вот тяга США и других стран Североатлантического альянса к контролю над российской территорией очевидна.

Отвечая на недоуменные вопросы парламентской оппозиции, глава комитета Госдумы по международным делам Константин Косачев (он работает там и сегодня, правда, уже в ранге заместителя председателя комитета) настаивал, что соглашение о статусе сил было заключено в основном в гуманитарных целях. Хотя западные партнеры сразу же не стали скрывать, что их расчеты лежат в иной плоскости. В докладе сенату командующий Европейским командованием США генерал Бантц Крэддок в открытую заявил, что ратификация российской Госдумой соглашения о статусе сил позволит вооруженным силам альянса проводить учения на российской территории.

Как показали дальнейшие события, дело учениями не ограничилось. И какие поразительные льготы были предоставлены по соглашению «О статусе сил» натовским войскам! Они получили возможность прибывать на российскую землю с оружием и боевой техникой, у них нельзя проверить документы, практически на нет сведен таможенный контроль. Если в местах дислокации сил направляющего государства (т.е. США) кем-то из граждан РФ совершено преступление против военнослужащих, входящих в присланный контингент, то и расследование, и суд будут осуществлять американские военные по американским же законам. Совершит же американский военнослужащий преступление против местного населения, он окажется в руках отнюдь не российской, а американской Фемиды.

По опыту минувших войн известно: такие права присваивают себе захватчики на территории оккупированной страны, освобождая себя от малейшей ответственности перед ме-

* См. подробнее: «МГ», 2011, №7-8, с. 257.

стным населением, какое бы чудовищное преступление они ни совершили. Мы пока, слава Богу, страна суверенная, почему же иностранному солдату на нашей земле такие преференции? Почему Россия как принимающее государство добровольно отказалась от права осуществлять во всех этих случаях уголовную и дисциплинарную юрисдикцию?

Пребывание иностранных войск на российской земле, тем более представляющих блок, ведущий враждебную нам политику (обратим внимание: с согласия российских властей), далеко не рядовое событие. По крайней мере, новейшая история России (СССР) аналогий не знает.

И это при том, что США и НАТО в целом все последние годы демонстрировали пренебрежение озабоченностью России относительно растущих угроз нашей безопасности. Несмотря на широковещательность заявлений об эффективности совместной (российско-натовской) борьбы с международным терроризмом, реально не пойман ни один террорист, и в то же время ни для кого не секрет поддержка со стороны ряда западных стран и международных организаций террористов, орудующих на территории России. Совместные с натовцами учения и тренировки носят локальный и скорее демонстрационный характер, дающий пользу только Брюсселю, который получает возможность назойливо внедрять в общественное сознание мысль о «транспарентности» и «совместимости» стандартов военных систем на Западе и Востоке. Много, очень много слов звучит о «стратегическом партнерстве».

А на деле — непрекращающееся движение НАТО на восток путем поглощения уже не только бывших стран социалистического содружества, но и бывших советских республик, публичное причисление России к странам, представляющим несомненную военную угрозу для США. Совершенно не отвечает духу сотрудничества, декларируемому между Россией и НАТО, ситуация вокруг адаптированного Договора об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ). А события вокруг реализации американских планов по размещению элементов собственной ПРО в Восточной Европе? Деятели из Вашингтона долго прикидывались, убеждая Москву в том, что эта система никак не угрожает силам ядерного сдерживания РФ, пока это не надоело им самим, и оттуда раздалось более чем определено: никаких юридических гарантий ненаправленности евроПРО США против России дано не будет.

Всё это происходило уже после того, как соглашение «О статусе сил» было подписано и ратифицировано, но никому

в российской власти и в голову не пришло его денонсировать. Оказывается, даже легче выйти из российско-американского договора СНВ-3, о возможности чего заявлял президент Медведев, чем отказаться от кабального соглашения с НАТО.

Более того: 6 июля 2009 г. российское правительство заключило с США новое соглашение, в соответствии с которым через российское воздушное пространство стал осуществляться прямой транзит военных грузов и американских войск, направляющихся в Афганистан. Общее количество полетов американских самолетов в одну сторону может достигать 4500 в год, но этот лимит распространяется только на государственные воздушные суда, а транзитные полеты через наше воздушное пространство тех самолетов, которые взяты правительством США в наем, вообще никакими лимитами не ограничены. В течение полутора лет соглашение действовало по факту, без ратификации. За это время было совершено около 2000 транзитных рейсов через территорию России, только военнотранспортных перевезено свыше 100 тыс. (больше численности всего советского воинского контингента в годы войны в Афганистане). И это всё юридически «корректно»: полтора года назад, 25 февраля 2011 г. Государственная дума проштамповала закон о ратификации этого соглашения.

Американская сторона освобождена от уплаты таможенных пошлин, налогов за перевозку военных грузов, аэронавигационных сборов, российская сторона услужливо взяла на себя все расходы по аэронавигационному обслуживанию полетов. Что везут и в каких количествах через нашу территорию — установить практически невозможно. Минимальный контроль возможен лишь при промежуточной посадке, но и в этом случае он ограничен лишь сверкой документов на груз с поданной ранее заявкой.

Нам говорят, что участие нашей страны в снабжении американских и натовских войск в Афганистане по так называемой Северной распределительной сети (NDN), — это «российский вклад в международные усилия по стабилизации в Афганистане». Кроме того, натовская операция, мол, способна покончить с афганским наркобизнесом, а это спасет в России сотни тысяч жизней.

Как американцы «стабилизировали» ситуацию перманентной войны в Афганистане — ясно давно. Не иначе, как по этой причине они покидают страну, ставшую одним из рассадников исламского терроризма. В целом за 10 лет со дня старта натовской военной операции «Несокрушимая свобо-

да» в Афганистане, по оценке главы Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков Виктора Иванова, наблюдается феноменальный рост производства наркотиков — больше чем в 40 раз. «Весь героин, который продается в России, произведен в Афганистане, — отметил глава Госнаркоконтроля. — Совершенно очевидно, что взлет смертности молодых людей 15—35 лет от наркотиков в России пришелся на дату начала военной операции в Афганистане».

Вот и вся «выгода» от сотрудничества с США и НАТО. И на этом фоне, как говорилось выше, в СМИ просочилась информация об организации в Ульяновске перевалочного пункта Альянса. Американцы и их союзники уносят ноги из проблемного региона, но пакистанский маршрут для них закрыт, а Узбекистан, территория которого активно использовалась для поставок грузов в Афганистан, не желает пропускать их в обратном направлении. Тут-то и пришла на подмогу Москва. Минувя Узбекистан, грузы стран НАТО доставляются самолетами, в том числе российскими, из Афганистана в Ульяновск, где формируются железнодорожные составы для отправки в Европу — на Ригу или Таллин.

Нас опять заманили выгодой, в т.ч. экономической. Давно занятые в транзите натовских грузов РЖД и авиакомпания «Волга—Днепр» за каждый контейнер получают по 5—6 тыс. долл. США. Словом — сплошная выгода.

И ничего, что в центре России скапливаются, а затем следуют через всю европейскую часть страны иностранные войска с оружием. Ничего, что услужливость Москвы породила конфронтацию между Россией и исламским миром. Ничего, что вместе с потоком янки по самым удобным, не сопряженным ни с каким контролем маршрутам в Россию хлещет наркотический сель. Ничего! Зато на Западе нас, может быть, похвалят за активное содействие в «стабилизации ситуации в Афганистане».

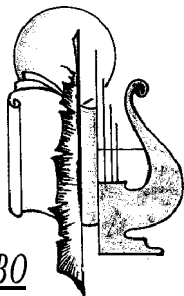
Такой «выигрыш» России в глазах «стратегических союзников» сродни той выгоде, которую получает пассажир бизнес-класса в терпящем крушение самолете, когда за минуту до падения просит стюардессу задернуть шторы и подать виски.

РАССКАЗЫ О РУССКИХ ХУДОЖНИКАХ

МИХАИЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ ВРУБЕЛЬ (1856—1910)

О своем друге Михаиле Врубеле, художник Коровин писал: «Сиротой жизни был этот дивный философ-художник, больше чем кто-либо изведавший, что такое «людское непонимание». Он не видел похвал, не видел, что творчество его кому-нибудь нужно. Он предлагал себя, свои богатства, он готов был одарить людей храмами и дворцами, он ничего не просил за это; он молил только, чтобы ему давали выявляться, чтобы освобождали его от бремени вдохновения... Но он был гоним, гоним злобно. Пресса отличалась в первых рядах: уничтожить, растоптать этот чудный дар, не дать ему жить! Михаил Александрович кротко сносил удары. Душа его была чиста, как кристалл. У него не было ни злобы, ни мелкости. Он видел только то, что значительно и высоко. Но как часто бывали горьки его глаза!»

Жизнь Михаила Александровича была полна тревог и метаний, и не известно, чем бы все кончилось, не попади он под крыло известного московского мецената Саввы Мамонтова. Савва Иванович дал возмож-

ИСКУССТВО

ность художнику творить беспрепятственно, предоставил в полное распоряжение керамическую мастерскую в своем имении, поскольку Врубель занимался майоликой. Михаил Александрович долгое время не только работал, но и жил в доме Мамонтова. Трудился как скульптор, дизайнер, монументалист, театральный декоратор, оформлял интерьеры особняков московских меценатов и буржуа.

В 1886 году для Всероссийской выставки в Нижнем Новгороде, по заказу Мамонтова, который был ее художественным руководителем, Врубель написал две картины: «Микула Селянинович» и «Принцесса Греза» — самое монументальное и самое скандальное свое творение. Панно «Принцесса Греза» размером семьдесят квадратных метров должно было украсить торец одного из павильонов. Однако специально присланная из Петербурга комиссия Академии художеств забраковала и «Грезу» и «Микулу Селяниновича» — как «нехудожественные». Возмущённый таким решением Мамонтов сам оплатил Врубелю стоимость работы, арендовал за пределами территории выставки участок, на котором в кратчайший срок возвёл еще один павильон, самый большой, и на фасаде распорядился написать огромными буквами: «Выставка декоративных панно художника М.А. Врубеля, забракованных жюри Императорской Академии художеств».

Благодаря свободному входу и шумихе в прессе, подогревающей любопытство публики, павильон стал самым популярным. Однако общественность, хотя и заинтересовалась творчеством художника, не спешила высказывать одобрение. «Что за озлобленная ругань и ненависть, и проклятия сыпались на бедную голову Михаила Александровича! Я поражался, почему это, что, в чём дело, почему возбуждают ненависть эти чудные невинные произведения? Я не мог разгадать, но что-то звериное в сердце зрителей чувствовалось», — вспоминал Константин Коровин. Тем не менее, Врубель стал популярной фигурой в художественном мире. А Мамонтов увековечил «Принцессу Грёзу», поместив её на фасаде гостиницы «Метрополь».

«Гадалка»

В Москве у Мамонтова была Частная опера. И сколько же прекрасных спектаклей было поставлено на сцене мамонтовского театра! Какие замечательные декорации написаны! Некоторые из них стали шедеврами живописи, украсив собой Третьяковскую галерею и другие художественные музеи России. А оперы Римского-Корсакова навсегда вошли в со-

кровищницу русской музыкальной культуры. Благодаря невысокой цене на билеты патронируемое Мамонтовым русское оперное искусство стало популярным среди самых разных сословий Москвы. То, что высокомерно отвергала Императорская сцена, ставил Мамонтов.

Здесь, в Частной опере, Врубель впервые услышал «Кармен». Потрясла тема гадания! В этой трагической мелодии было всё: неотвратимость рока, фатальность случайностей, мистика... Мгновенно вспомнился «Очарованный странник» Лескова, цыганка Груша, красавица, певунья, за обладание которой мелкопоместный князек заплатил табору пятьдесят тысяч.

Михаил Александрович прямо из театра примчался в мастерскую и на готовом почти портрете Мамонтова, лихорадочно счистив краски, написал свою изумительную цыганку-гадалку. Ту самую, которой князьенька тешился так недолго, — прискучила.

«Иль играть хочешь ты моей львиной душой и всю власть красоты испытать над собой?..» — не понимала Груша.

Князь неделями где-то пропадал, а она ждала его, разубрана в шелка и золото, среди ковров персидских. Гадала: где любимый? Слухи доходили нехорошие, плакала по ночам... «Любил меня, на руках носил, на коленях стоял передо мной, когда я пела... Любил, ничего не жалел, пока не был сам мне по сердцу. А полюбила — покинул! Нет, не греть солнцу зимой против летнего, не видать тебе, злодею, любви против той, как я любила!..»

С картины, проникая в самую душу, глядит темными, блестящими глазами молодая женщина. Чернобровая, смуглая, со странным и привлекательным лицом. Розовая шаль наброшена на плечи, тонкие руки украшены браслетами. На ковре перед ней раскрыты карты. Впереди лежит туз пик. Удивительно переплетается орнамент настенного ковра со складками розовой шали, с небрежно разбросанной колодой карт. Что-то должно свершиться, картина очень сильна этим предчувствием.

Оно и свершилось — у Лескова. Князь обманул Грушу, увез на далекую пасеку.

— Здесь будешь жить.

Плакала, руки его целовала, чтобы не бросал, пожалел. Но он толкнул ее прочь и уехал.

Хотела уйти цыганка, но стерегли девки-одноворки, глаз с нее не спускали. И все же обхитрила их. Прибежала к преданному другу.

— Пожалей меня, брат родной, ударь ножом против сердца!

Не смог он ударить Грушу, за которую не пожалел бы своей жизни. Но в реку — столкнул. И бежал с того места, себя не помня.

Цыгане народ необычный, неразгаданный. Они то размашисты в своих чувствах, то в них глубокий надрыв и тоска. Но цыганское пламя случается и не в цыганской душе. Врубель вполне познал эту стихию, сгорая в пламени своего гения. И так же, как Груша, знал наперед свою участь. Знал, что случайностей не бывает, что «случайности» уже где-то «числятся» за тобой, стерегут тебя, уже определены тебе...

Гениально раскрыв внутренний мир «действующего лица», подчинив разбросанные на картине детали в одно гармоническое целое, Врубель особенно выделил глаза, словно давая понять, что глаза цыганки — это и его глаза, глаза художника, который видит свое будущее.

«Девочка на фоне персидского ковра»

В юности Михаил Александрович увлекался минералогией. Камни раскрывали ему особый мир, мир фантастических богатств, о каких пишут в сказках про подземные царства. И часто краски его превращались в «кристаллы», художник подбирал их как ювелир, — картина казалась сложенной из драгоценных камней.

В 1886 году, расписывая орнаменты для Владимирского собора в Киеве, и привычно нуждаясь в деньгах, Михаил Александрович обратился к владельцу ссудной кассы. Понимая, что возратить долг художнику будет трудно, тот попросил написать портрет его дочери. Владелец представлял, что портрет будет, как обычно пишут портреты. Но ведь это был Врубель! Своенравный порывистый Врубель, которому надоели «скучные песни земли».

О, как написал Михаил Александрович девочку! В какие парчовые наряды одел ее! Какими коврами бархатными окружил, одарил украшениями бесценными и даже царицей розой, подчеркнув царственность и девочки, хотя была она из обычной еврейской семьи. Он сделал девочку героиней восточной легенды, закидав ее драгоценностями, парчой и бархатом. Роза почти падает из ее детской руки, отягощенной перстнями.

Врубель был олицетворением страстной жажды красоты в жизни и искусстве. Он был романтиком, ему просто необходимо было в мире такое, от чего замирает душа, что увлекает все твое существо. «Девочка на фоне персидского ковра» — рассказ языком живописи о древнем восточном обычае: выбирать любовь или смерть. У девочки в левой руке кинжал.

Роза и кинжал. Любовь и смерть.

Увы, кроме близких друзей художника, оценить эту чудокартину оказалось некому. Да вот еще отец девочки, как-то угадав, что художник сотворил нечто необыкновенное, повесил портрет на самом видном месте в доме.

Ценители же искусства лишь спустя многие годы признали «Девочку на фоне персидского ковра» величайшим шедевром. И картина украсила собой Музей русского искусства в Киеве.

«Пан»

Врубель был одним из самых просвещенных людей своего времени, говорил на восьми языках, окончил Петербургский университет и Академию художеств. Опираясь на знания мифов, легенд, былин, он создавал свой собственный поэтический мир, полный торжествующей красоты и вместе с тем тревожной таинственности, мир с земною тоской и человеческими страданиями.

Таков его «Пан». Отец Пана, Гермес, первоначально был богом скотоводства, покровителем пастухов. Он первым стал требовать от людей огненных жертв, научив высекать огонь на алтаре. Кроме того, Гермес сопровождал души умерших в ад, где шел праведный суд над грешниками. Но Гермес ко всему был ещё плутом. Так, однажды он украл у Аполлона стадо коров, а когда Аполлон изобрел сладкозвучную лиру, выменял у него лиру на это стадо.

Матерью Пана была нимфа Дриопа — дева из многочисленного семейства божеств. Святилища нимф находились в гротах, лесах, пещерах... И хоть места обитания были вдали от Олимпа — от верховных богов, — нимфы часто посещали его. Они вели беспечальную жизнь: пели, играли, умели предсказывать будущее, исцелять раны и вдохновлять поэтов. Умирили нимфы вместе с деревом, ручьем, полем, озером, цветком... с которым они родились и жили единой жизнью.

Когда у красавицы Дриопы родился сын — волосатый с козлиными ногами и рожками на голове — она пришла в ужас и бросила ребенка! Да и какая мать вынесла бы такое чудовище: кроме копыт и рожек, у младенца был еще хвост, кривой нос и козлиная борода! Но Гермес подхватил сына и унес на Олимп. Мальчик был очень смешон и видом своим понравился богам. К тому же он оказался веселым, и ему дали имя Пан — «понравившийся всем».

Пан стал, как и его отец, покровителем пастухов. Однако Пан был легкомысленным богом, он не столько следил за

своими подопечными, сколько развлекался с нимфами. Но иногда ему хотелось побыть наедине, и тех, кто нарушал его покой, он наказывал, нагоняя внезапный и сильный страх.

Случилось, что Пан влюбился в нимфу Сиригу. Он буквально преследовал красавицу своей любовью! Бедная Сирига от его домогательств кинулась в реку, став тростником. В скорби, Пан вырезал из тростника свирель, и так нежно играл на ней, что музыка, казалось, лилась с самого неба.

Бобылем Пан не остался, женился. Но это уж так, чтобы род продлить... А любовь навсегда канула в реку вместе с Сиригой.

На картине Врубеля Пан изображен в тот момент, когда уже поиграл на своей дудке и задумался о житье-бытье. Любил ведь! Зачем Сирига тростником стала? Жили бы в мире и согласии — оба веселые. Что же, что он внешностью не вышел, сердце-то у него хорошее. Эх, нимфа, нимфа, ничего ты не поняла!

Михаил Александрович изобразил Пана по-своему. Мифический Пан у него больше походит на русского лешего с круглой физиономией и васильковыми, безмятежными глазами: хитрец и лукавец. Добродушные глаза Пана вопросительно глядят на мир. Древний, как природа, причудливый... И лес вокруг таинственный, предвечерний, когда рождаются образы и видения самые разные — то светлые, грустно-нежные, то пугающие, настораживающие.

В «Пана» Врубель вложил и много своего. Как и Пан, он был страстно влюблен. Но та, которую он любил, не любила его. Нет, скорее любила, но многое мешало её пониманию Михаила Александровича. Он очень страдал от невозможности объяснить ей это мешающее.

Русская общественность «Пана» не поняла. Картину окрружили пошлыми смешками. Михаил Александрович держался стоически:

— Ваше отрицание меня дает мне веру в себя.

Знаменитый «Пан» был куплен всего за 200 рублей — цена ужина в столичном ресторане. А немногим позже предприимчивый владелец продал его Третьякову за 5000 рублей!

«Царевна-Лебедь»

В опере «Сказка о царе Салтане», поставленной Мамонтовым в 1900 году, партию Царевны-Лебеди пела Надежда Ивановна Забела — жена Врубеля. А Михаил Александрович создал эскизы костюмов и декораций. Премьера состоялась 21 декабря в Москве. Незабываемый образ пушкинской ца-

ревны создала Надежда Ивановна, и в этом была заслуга не только ее — дарование певицы формировалось при самом непосредственном участии Врубеля. Они обогащали друг друга, дополняли друг друга: искусство Врубеля и творчество Забелы были нерушимо связаны между собой.

После премьеры С.И. Мамонтов выпустил серию открыток с изображением Царевны-Лебеди, и эти открытки послужили Врубелю поводом к написанию картины «Царевна-Лебедь». Ее композицию он построил так, что создавалось впечатление, будто зритель заглянул в сказочный мир, где внезапно появляется и вот-вот исчезнет волшебная девушка-птица, плывущая к далекому таинственному берегу. Последние лучи солнца играют на белоснежном оперении, переливаясь радужными красками, мерцают бирюзовые, голубые, изумрудные самоцветные камни узорчатого венца-кокошника, и мнится, что это трепетное сияние сливается с отблеском зари на гребнях морских волн.

«Царевна-Лебедь» — один из самых пленительных, задушевных женских образов, созданных Врубелем. «Не сама ли это Дева-Обида, что, по слову древней поэмы, плещет лебедиными крыльями на синем море перед днями великих бедствий?» — говорили о ней те, кто ее видел. Действительно, происхождение «Царевны-Лебеди» было скорее от Девы-Обиды «Слова о полку Игореве», чем от героини пушкинской «Сказки о царе Салтане» или оперы Римского-Корсакова на этот сюжет. У Пушкина и Римского-Корсакова Царевна-Лебедь дневная, светлая. Царевич Гвидон спас ее от злого колдуна, она стала женой Гвидона, и все устроилось к общему счастью.

У Врубеля Лебедь вряд ли будет женой человека. Это видно из настроения картины: сумерки, багряная полоса заката и какие-то недобрые огни далекого города. Царевна не приближается к зрителю, она уплывает во тьму и только в последний раз обернулась — сделать какое-то предостережение. Взгляд Лебеди — прощальный взгляд. Огромные глаза полны грусти и доброты. Вокруг сгущается темень, и только Лебедь сверкает в последнем луче. В картине очень сильно чувство тревоги.

Каким же надо было обладать даром, чтобы воплотить этот чистый и целомудренный облик в картину! Рассказать языком живописи о сновидении, о невероятном! «Крылья — это родная почва и жизнь», — пояснял Михаил Врубель одному из своих друзей. И восклицал: «Сколько у нас красоты на Руси!.. И знаешь, что стоит во главе этой красоты? Форма, которая создана природой вовек».

Михаил Александрович уверял, что русская природа без всяких оглядок на международный кодекс эстетики, бесконечно дорога потому, что она носительница души, которая тебе одному откроется и расскажет тебе твою душу.

Так сознать глубинную сокровенность, было дано очень немногим.

«Демон»

«Именно в черном воздухе ада находится художник, прозревающий иные миры... Проклятую песенную легенду создал о Демоне Лермонтов, слетевший в пропасть к подошве Машука, сраженный свинцом... Проклятую цветную легенду о Демоне создал Врубель, расплатившись преждевременной смертью», — писал Александр Блок. Ими владело одно:

*Устал я видеть честь поверженной во прах,
Заслугу в рубище, свободу искаженной,
И бедность с шутовской усмешкой на губах...
Глушцов, гордящихся лавровыми венками,
Опальных мудрецов, носящих скорбь в тиши,
Высокий дар небес, осмеянный слепцами,
И силу — мертвую от немощей души,
Искусство — робкое пред деспотизмом власти,
Бездумья жалкого надменное чело,
Разнузданную ложь, разнузданные страсти
И Благо — пленником у властелина Зло.*

(Шекспир)

Одиночество, неустанная борьбы с миром равнодушных людей, но... необъятное воображение поэта создавало трагический образ, несущий «весть о том, что в сине-лиловую мировую ночь вкраплено золото».

Демон у Лермонтова — мятежный ангел, которого за своеобразие Господь изгнал из рая. Мятежный дух Демона познал тайны мироздания и достиг абсолютной свободы — полной независимости ни от кого и ни от чего. Однако наступил момент, когда он задумался: зачем достигалось все это? Ему ничего не надо, он одинаково презирает добро и зло, равнодушен к земле и небу.

*С тех пор отверженный блуждал
В пустыне мира без приюта.
Вослед за веком век бежал,
Как за минутой минута,
Однообразной чередой.*

(Лермонтов)

Но вот случилось, что Демон полюбил! Грузинскую княжну Тамару. Его душа открылась для добра, он поверил, что любовь сможет сделать его вновь безгрешным. Увы, любовь Демона принесла Тамаре смерть. И даже на кладбище, когда он хотел овладеть душой девушки, его опередил посланец рая.

Предвидело ли пророческое сердце Лермонтова, что найдется другое сердце, которое будет биться в унисон с ним? Еще живя в Киеве, Врубель задумал «Демона сидящего» — образ грозного ангела с израненной человеческой душой, страдающей от несовершенства мира. Но окончил картину спустя десять лет, в Абрамцеве. На картине «Демон сидящий» — далекая золотая заря за колючими скалами. В багрово-сизом небе расцветают чудо-кристаллы неведомых цветов. Отблески заката мерцают в глазах молодого гиганта. Демон сидит, задумавшись. Он познал много, отвергнул еще больше. Одинокий в себе, и некуда приткнуть голову. Ни непомерные по мощи объемы торса, ни вздутые в страшном напряжении мышцы рук, ни саженный разлет плеч — ничто не может скрыть бессилия и тоски юного титана.

Эта картина не имеет аналогов во всей мировой истории живописи по странным сочетаниям холодных и теплых колеров, напоминающих самородки. Глеющие багровые, рдяные, фиолетовые, пурпурно-золотые тона как будто рисуют рождение какого-то планетарно нового мира. Это грандиозная мистерия цвета!

Вслед за «Демоном сидящим» Врубель написал «Демона летящего». Распростерты крылья. Лицо запрокинуто. В Демоне — суровая решимость продолжать борьбу. Он всё так же прекрасен, но всё в нем заострено.

В 1902 году появляется «Демон поверженный». Разбилось о скалы юное тело. Глаза горят дикой злобой, руки в страданиях сомкнулись над головой.

Врубель создавал своих «Демонов» в страшных муках. Писал неистово, целыми днями, забывая про отдых. Он пропитал свои картины всей силой гнева против мира, где высокий дар осмеивается слепцами, заслуга в рубище, а Благо пленником у властелина Зло!

Сорок раз переписывал голову падшего ангела. Не счесть количества эскизов, зарисовок, набросков... Врубель был одержим своей идеей!

И его тонкая, ранимая душа не выдержала, надломилась. Психиатрическая больница. Редкие вспышки сознания, когда он бежал к своей картине «Демон поверженный», подправляя, переделывая... Картина уже была выставлена в галерее, и Врубель своим появлением пугал публику. Возникло даже предубеждение, что он продал свою душу дьяволу.

«Не понимают Демона, — отчаивался художник, — путают с чертом и дьяволом, тогда как «черт» по-гречески значит просто «рогатый», а дьявол — «клеветник». «Демон» же — это «душа» и олицетворяет собой вечную борьбу мятущегося человеческого духа, ищущего примирения обуревающих его страстей, познания жизни и не находящего ответа на свои сомнения ни на земле, ни на небе».

Но вспышки сознания приходили к нему все реже: жизнь художника угасала. Как будто сбывалось молчаливое и печальное предупреждение Царевны-Лебеди...

Искусство Врубеля, совершенно новое, непонятное большинству его современников, принесшее ему столько страданий, все-таки пробило дорогу к людским сердцам. Врубель был признан самым большим лириком XIX века. Но случилось это уже после смерти Михаила Александровича.

ИВАН ЯКОВЛЕВИЧ БИЛИБИН (1876—1942)

Иван Яковлевич Билибин родился в поселке Тарховка близ Сестрорецка под Петербургом. Род Билибиных древний, упоминался еще в документах Ивана Грозного. Отец художника был военным врачом, участвовал в турецкой компании 1877—1878 годов, совершил множество дальних плаваний и прошел путь от младшего судового врача до главного доктора морского госпиталя в Либаве. Мать, Варвара Александровна, дочь морского инженера, любила музыку и обучалась игре на рояле у композитора А.Г. Рубинштейна.

Рисовать Иван Билибин стал рано и уже в детских рисунках умел фантазировать. Учась в старших классах Петербургской гимназии, поступил в Школу Императорского общества поощрения художников. Однако родители хотели видеть его юристом, и он, окончив гимназию, поступил в Петербургский университет. При этом продолжал учиться в Школе Императорского общества, не мысля себя без живописи. На втором курсе университета, отдавая дань моде, побывал в Мюнхене, полтора месяца занимался живописью у Антона Ашбе, а затем, уже по зову сердца, стал учиться в школе-мастерской княгини Тенишевой в классе Ильи Ефимовича Репина.

Репина Билибин боготворил! Одним четким штрихом учитель мог поправить незадавшийся рисунок. «И делал это мгновенно, молча», — с восхищением вспоминал Билибин.

Он старался оправдать доверие маститого живописца, не вставал из-за стола по 10—12 часов, отрабатывая рисунок. Ученические годы в «тенишевке» проходили интересно, весело, здесь юные живописцы были богаче миллиардеров — музыка, живопись, пение, танцы, литература, и всё — свое. До всего было дело, шли бесконечные споры о новой поэзии, о театральных постановках, о журнальных статьях. В моду входила живопись нового толка: пренебрежение точным рисунком, смелость, размахистость, быстрота исполнения. На этом фоне Билибин со своим лакированным ящичком, с маленькими тюбиками тонкотертой краски, со своими точечными рисунками и аккуратно крашеной живописью был удивительно ярко замечен и упорно не поддавался общему течению.

За год до окончания университета Иван Билибин съездил в Тверскую губернию. Впоследствии его друг, архитектор Григорий Климов заметит, что «решающее для своего творчества лето 1899 года этот чрезвычайно общительный двадцатитрехлетний юноша провел... в глухих лесах Весьегонского уезда Тверской губернии в усадьбе своих друзей. Сделанные зарисовки и эскизы окружающего русского пейзажа — огромные лапы старых елей, красные мухоморы на изумрудном мху, тихие лесные ручьи и речки, затейливая деревянная резьба на крестьянских избах в деревне Егны невольно привели его к мысли иллюстрировать русские сказки».

Иван Билибин давно увлекался русскими первопечатными книгами с их изумительными миниатюрами, которые раскрашивались вручную. А каким удивительным шрифтом эти книги были написаны! Но Билибин не только разглядывал их, он их изучал. Начал делать рисунки в стиле старинных миниатюр: тончайше выводил контур, а затем раскрашивал без оттенков. Такие рисунки органично ложились на плоскость листа и прекрасно сочетались с византийским шрифтом. Это и дало Билибину возможность одному из первых подойти к ансамблевому решению детской книги. Более того, через много лет билибинская техника будет основной для советской мультипликации: контур и цветная заливка.

Отец Билибина был недоволен: сын не стремится к карьере юриста, но мать поощряла Ивана. Она любовалась его рисунками. Выполненные кистью, но своими жесткими, «проволочными» контурами и однотонными заливками они напоминали гравюры.

Осенью, того же 1899 года, Иван Билибин принес в Экспедицию Государственных Бумаг иллюстрации к трем русским народным сказкам. Его интересовала стоимость их печати,

издавать же сказки вызвалась его тетка. Но рисунки настолько понравились, что Экспедиция предложила Билибину приобрести у него право на их издание. Он согласился.

Несмотря на то, что это были самые первые работы молодого художника в области иллюстрирования, их самобытность создала особый «билибинский» стиль, навсегда утвердившийся в художественном мире.

Русские сказки, которые мы все знаем с детства, за несколько веков своего существования претерпели немалые изменения. Передаваемые в народе из уст в уста, они с каждым новым рассказчиком дополнялись и обогащались. Опубликованных сказок не было, только в первой половине XVII века появились небольшие книжки для народа, называемые лубками, в которых по временам давались картинки к сказкам. Но это были только отдельные картинки, сопровождаемые пояснениями поучительного или шуточного характера, к тому же в художественном отношении они стояли на низком уровне. В XIX веке некоторые русские художники, увлеченные сказками и былинами, писали картины на сказочные темы, но опять же это были единичные передачи сказочных моментов.

Иван Яковлевич Билибин стал первым из художников, кто непосредственно создал детскую книгу, в основе которой лежал самый популярный вид литературы — народная сказка. Тематика, большой тираж, ясный, доступный изобразительный язык иллюстраций, «праздничный» характер оформления — все свидетельствовало о том, что книги Билибина предназначались широкому кругу читателей. Причем особая заслуга художника заключалась в том, что он не делал скидок «на доступность». Его книги несли ту «благородную роскошь изданий», которая до этого была принадлежностью только «богатой» книги для избранных.

Билибин первый применил обширный опыт изданий высокохудожественных книг для работы над детской книгой. Он разработал систему графических приемов, которые дали возможность объединять иллюстрации и оформление в одном стиле, подчинив их плоскости книжной страницы. Создавал не отдельные рисунки, а стремился к ансамблю: обложка, иллюстрации, орнаментальные украшения, шрифт — всё было стилизовано под старинную рукопись. Названия сказок исполнялись славянской вязью. Чтобы прочесть, требовалось взглянуть в затейливый рисунок букв. Билибин хорошо знал шрифты разных эпох, особенно древнерусские устав и полуустав. Все страничные иллюстрации он окружал

орнаментальными рамками, как деревенские окна резными наличниками, желая передать атмосферу русской старины. Все колокола на церквах выписаны золотой краской.

Но тут необходимо сказать еще об одном замечательном человеке — Александре Николаевиче Афанасьеве, выдающемся историке, этнографе и фольклористе. Именно Афанасьев в 1855—1863 годах собрал и опубликовал русские сказки, без которых едва ли себя может помыслить хоть один русский человек: это наши корни, наша фантазия, это наш юмор, и в какой-то мере — это мы сами. Впервые благодаря Афанасьеву читатель увидел русскую сказку во всем ее разнообразии, в ее истинной красоте, неприкрашенной и неподдельной. Все работы Билибина были выполнены по текстам Афанасьева. В сказке «Сестрица Аленушка и братец Иванушка» козленочек не превращается снова в мальчика Иванушку, а сестрица его, Аленушка, зовется так только в самом начале, затем — она уже царица, поскольку на ней женится царь. И предсмертное моление козленочка, и ответ Аленушки — не схожи с теми, какие мы знаем уже по дальнейшим редакциям этой сказки.

*— Аленушка, сестрица моя!
Выплынь, выплынь на бережок.
Огни горят горючие,
Котлы кипят кипучие,
Ножи точат булатные,
Хотят меня зарезати!*

*— Иванушка-братец!
Тяжел камень ко дну тянет,
Лютя змея сердце сосет!*

Иван Яковлевич Билибин написал иллюстрации так, чтобы они полностью поясняли текст, чтобы даже неграмотный человек, просто листая книжку, понял, о чем в ней речь. Процесс выполнения Билибиным графического рисунка напоминал труд гравера. Набросав на бумаге эскиз, он уточнял композицию во всех деталях на кальке, а затем переводил на ватман. После этого колонковой кистью с обрезанным концом, уподобляя ее резцу, проводил по карандашному рисунку четкий контур тушью. Мотивы его иллюстраций были чисто русские: то грустные, то причудливые. В орнамент вошли элементы вышивки на русских рубашках, стадо коров как фрагмент из сказки и ядовитые мухоморы под темными елями, выражающие злой умысел ведьмы.

Бумага для книг Билибина была очень плотной, тонированной, а иллюстрации — приклеивались к странице. Желатиновый клей, который для этого использовала типография, пропитывал рисунок насквозь, создавая иллюзию, что он написан масляными красками. Выглядело это роскошно! Но у данной технологии был недостаток — с истечением времени клей пересыхал и случалось, что краска отщелкивалась.

Сказка всегда была дорогим гостем в нашем доме. Русские сказки погружают в волшебный мир, где звери и птицы, цветы и травы говорят с человеком и помогают ему. А какое чудо — сказочная Жар-птица! Никакая другая птица не может сравниться с этой героиней русских преданий! Перья ее светятся голубым огнем, а подмышки — малиновым. Выпавшее перо еще долго хранит тепло, а когда потухает, то превращается в золото. Жар-птица стережет цветок папоротника, ест только золотые яблочки, дающие молодость, а когда поет, то из ее клюва сыплется жемчуга.

В «Сказке об Иване-царевиче, Жар-птице и о Сером волке» Иван-царевич сумел подстеречь чудесную птицу, но не поймал, только вырвал перо из хвоста. Увидев перо, его отец больше ни о чем не мог думать, кроме Жар-птицы, и в результате отправил всех своих сыновей раздобыть ее.

Эта сказка имеет сложный сюжет и множество персонажей. Приступая к работе над ней, Билибин понимал, что иллюстрации не имеют права на самостоятельность, они должны соответствовать содержанию литературного произведения. От художника требовалось, чтобы он стал соавтором книги, сделал зримыми идеи и образы произведения, помогая тем самым лучше понять содержание, конкретнее представить эпоху, быт, окружение героев книги. Здесь Ивану Билибину очень пригодились зарисовки, сделанные в глухих лесах у деревни Егны. С большой поэтичностью он изобразил лесные дебри с их буреломом, вековыми елями, соснами, с редкими березами и осинами, с их тайной! А изучение старинных русских миниатюр дало возможность нарядить Ивана-царевича и Елену Прекрасную в истинно русские одежды. В орнаменты иллюстраций Билибин вплеп византийские мотивы, подчеркивая тем самым принадлежность Ивана-царевича и Елены Прекрасной к византийскому роду.

В 1900 году Иван Билибин окончил университет, но работать юристом так и не стал, его целиком захватила живопись. Илья Ефимович Репин перевел его вольнослушателем в свою мастерскую в Высшем художественном училище Ака-

демии художеств, где Билибин продолжал занятия до 1904 года. Одновременно собирал и изучал предметы крестьянского быта: вышивки скатертей, полотенец, раскрашенную деревянную и глиняную посуду, фотографировал дома с резными наличниками и причелинами. С необычайной тщательностью и любовью зарисовывал узоры старинных тканей, детали отделки богатых кафтанов, добротных шуб и расписных сарафанов. Дважды побывал в экспедициях на север России, которые проводились по заданию этнографического отдела Музея Александра III (Русский музей). Страстный, пылкий, впечатлительный, увидев одну из церквей в Вологодской губернии, он готов был забрать эту церковь с собой!

Увлеченность старым русским стилем, благоговейное восхищение перед забытой стариной и крестьянским фольклором станет характерной особенностью билибинской манеры: его нарядные рисунки будут усыпаны десятками деталей, каждая из которых благодаря достоверности изображения будет украшением книги.

Своим искусством Билибин звал в мир, где нет трагедий, где царит счастье. Иллюстрации к сказке «Царевна-лягушка» он сделал как настоящий волшебник. А из подлинных орнаментов создал полуреальный-полуфантастический мир, узоры которого можно было рассматривать часами. В этой сказке фигурируют Баба Яга и Кошей Бессмертный, к которому в тридцатое царство идет Иван-царевич выручать свою красавицу жену. Имя «Кошей» происходит от старославянского слова «кошь» — кость, — то есть человек похож на скелет. Тридцатое царство, которым правит Кошей, это царство смерти; там всегда царит зима, повсюду сверкают и переливаются золото и драгоценные камни, но нет ни одного живого цветка или дерева. Сам Кошей — бессмертен. Единственное огорчение Кошея — это его дочь Василиса, умница и красавица, которая не желает ни вечного холода, ни богатств. В сказке «Царевна-лягушка» Кошей превращает строптивую дочь в лягушку и велит быть лягушкой три года! Баба Яга узнаёт об этом, а заодно — узнаёт, где находится смерть Кошея. Избушка Бабы Яги стоит на границе между миром людей и Кошеевым царством. Туда и явился Иван-царевич.

— Избушка, избушка! Стань по-старому, как мать поставила, ко мне передом, а к лесу задом.

Избушка повернулась. Царевич взошел в нее и видит: на печи, на девятом кирпичи, лежит Баба Яга.

— Зачем, добрый молодец, ко мне пожаловал?

— Ты бы меня прежде накормила-напоила с дороги, в бане выпарила, да тогда бы и спрашивала.

Баба Яга накормила его, напоила, выпарила в бане. Тогда царевич рассказал ей, что ищет свою жену Василису Премудрую.

— А, знаю! — сказала Баба Яга. — Она теперь у Кошечки Бессмертного. Трудно ее достать, нелегко с Кошечкой сладить. Ну, так и быть, помогу тебе. Смерть его на конце иглы, та игла в яйце, то яйцо в утке, та утка в зайце, тот заяц в сундуке, а сундук висит на высоком дубу, и тот дуб Кошей пуше глаза бережет.

Указала Баба Яга, где дуб растет. Иван-царевич дошел до него и не знает, как сундук достать. Он и так и этак пробовал дуб раскачать, нет, не поддается он.

Звери и птицы помогают ему добыть Кошееву смерть.

Добро побеждает зло, лягушка снова становится Василисой Прекрасной, и на всей земле наступает весна! Как говорил художник Виктор Михайлович Васнецов: «Красота — это любовь, это добро, она живёт в душе человека, в душе народа. А душу свою он раскрывает в сказке, в песне, в предании». Иван Билибин, работая над «Царевной-лягушкой» был пленен ею и старался в своих иллюстрациях передать удивительную народную фантазию и мудрость.

Когда первые книги Билибина увидели свет, они поразили читателей авторским замыслом и высоким художественным исполнением. На Ивана Яковлевича посыпались похвалы, раздавались восхищенные возгласы. Слушая это, он говорил друзьям: «Точно Америку, открыли старую художественную Русь, вандальски искалеченную, покрытую пылью и плесенью. Но и под пылью она была прекрасна, так прекрасна, что вполне понятен первый порыв открывших ее: вернуть!!!»

Начиная с 1904 года, Билибин занимается театральными эскизами. По словам современников, все оперные спектакли ему каким-то невероятным образом удавалось превратить в огромный пестрый шатер, узоры которого можно было рассматривать бесконечно. Показательно, что после оперы «Золотой петушок», поставленной в 1909 году в одном из московских театров, вышел даже специальный альбом с лучшими билибинскими эскизами костюмов и декораций.

Художник словно бы своими глазами видел, какую сказочную красоту являла в древней Руси смесь золотых и разноцветных тканей, свезенных и с востока, и с юга, и с запада. Их привозили «гречаня» — татары, персы, венецианцы, бывая в Москве ежегодно. Кроме тканей, везли «сосуды столовые и питейные, золотые и серебряные, с камнем, с алмазы, с яхонты и с изумруды и с лалы», везли боярыням вен-

цы и зарукавники, серьги и перстни. Боярам — шапки и шубы. «На плечах могучих кунья шубёнка. Что одна ли строчка чиста серебра, а другая строчка красна золота. Петельки прошиты шелковыми, пуговики положены злаченые».

Управляющим Экспедицией государственных бумаг был академик, физик, князь Борис Борисович Голицын. Он поставил перед собой сложную задачу: превратить ее в учреждение, «которое должно служить примером подражания для всей бумажной и печатной промышленности России и, кроме того, способствовать культурно-эстетическому развитию народа, выпуская отпечатанные на хорошей бумаге художественно-иллюстрированные издания русских классиков и популярные сочинения по всем отраслям науки». Ивану Билибину были заказаны иллюстрации и оформление двух пушкинских сказок: «О царе Салтане» и «Золотом петушке».

«Сказку о царе Салтане» Иван Яковлевич иллюстрировал первой и начал со страницы, где царь Салтан подслушивает разговор трех девиц. На дворе ночь, месяц светит, царь спешит к крыльцу, проваливаясь в снег. Изба самая настоящая, крестьянская, с маленькими окошками, нарядным крыльцом. А вдали — церковь шатровая. В XVII веке по всей Руси строили такие церкви. И шуба у царя настоящая, царская, такие шубы шили из бархата и парчи, доставляемые из Греции, Турции, Италии и Ирана.

Эта сказка с ее многокрасочными картинками древнерусского быта дала богатую пищу билибинской фантазии. С поразительным мастерством и большим знанием изобразил художник старинные костюмы и утварь. В ее оформлении он достиг особого блеска и выдумки. Роскошные царские палаты сплошь покрыты узорами, росписью и украшениями. Здесь орнамент настолько обильно покрывает пол, потолок, стены, одежду царя и бояр, что все превращается в некое зыбкое видение, существующее в особом иллюзорном мире и готовое вот-вот исчезнуть.

Момент, где царевич Гвидон и его мать видят удивительный город, Билибин изобразил с особой теплотой. Город похож на расписной пряник, а место, где сидят царица и царевич, всё изукрашено цветами, как райский сад.

*Вот открыл царевич очи;
Отрясая грезы ночи
И дивясь, перед собой
Видит город он большой,
Стены с частыми зубцами,
И за белыми стенами*

*Блещут маковки церквей
И святых монастырей.
Он скорей царицу будит;
Та как ахнет!.. «То ли будет?»*

Сказки Пушкина остались в русской литературе уникальным явлением. Они сыграли важную роль в сближении изящной словесности с ее первоисточником — устным народным творчеством — и обогатили русский литературный язык. А Иван Яковлевич Билибин довел их оформление до общественной значимости. Являясь невероятно ярким, самобытным и образным художником, он сумел уловить что-то вечное и неизменное в характере Древней Руси, воссоздав это в своих рисунках.

Насмотреться на его иллюстрации было невозможно: чем больше человек смотрел, тем все более интересные детали и мельчайшие подробности раскрывались ему. Высоко оценив работу художника, Музей Александра III купил иллюстрации к «Сказке о царе Салтане», а весь иллюстрированный цикл «Сказки о золотом петушке», сделанный Иваном Яковлевичем чуть позже, приобрела Третьяковская галерея.

Своё понимание национальных задач в искусстве Иван Яковлевич Билибин выражал так: «Настоящий национализм художника сказывается не в том, что он заранее говорит себе: буду работать в русском стиле, а в том, что, будучи связан тысячами незаметных, но несомненных нитей со своей страной, он совершенно безотчётно и инстинктивно имеет тяготение именно к этой стране, а не к другой».

Из своих поездок на север России (в 1902 и 1904 годах) Билибин привез старинные сарафаны и душегреи, расшитые серебром и золотом, расписные ковши и прялки, резные ларцы и многое другое, что стало основой собрания этнографического отдела Русского музея. (После революции этот отдел был переименован в Музей этнографии народов СССР.) Результаты поездок художник опубликовал в журналах, предназначенных для широкой аудитории. «Народное творчество — душа народа, его сила и гордость, оно не раз спасало и объединяло народ», — пояснял он.

По инициативе Бориса Борисовича Голицына был создан специальный комитет, которому поручалось разработать проект выпуска не только хорошо иллюстрированных, но и достаточно дешевых народных изданий по искусству и всем вообще отраслям знаний. Один из членов комитета, Александр Николаевич Бенуа, по вопросу издания детских книг писал: «Такой дрянью кормили русских детей в 1880—1890-х годах!

Не потому ли и распространилась теперь порода людей до последней степени огрубелых». Бенуа считал, что хорошо изданные книги для детей — это «могучее культурное средство, которое предназначено сыграть в русской образованности более благотворную роль, нежели мудрейшие государственные мероприятия и все потоки научных слов о воспитании».

Осенью 1907 года произошло важное событие в биографии Ивана Яковлевича Билибина. Директор Школы Императорского общества поощрения художеств Николай Константинович Рерих пригласил его занять место преподавателя класса графики, а на следующий год и класса композиции, которые Билибин вел вплоть до 1917 года. Десять лет художественная поросль России была обязана самородным секретам его мастерства!

В январе 1917 года на заседании членов Академии художеств Иван Яковлевич Билибин был представлен к званию академика. Февральскую революцию он принял сочувственно, вошел в состав Особого совещания по делам искусств и выполнил эскиз нового герба — двуглавый орел эпохи Ивана III без атрибутов царской власти. (Любопытно, что когда в 1489 году германский император Фредерик предложил Ивану III королевскую корону, тот ответил гордым отказом: «По милости Бога мы и наши предки владели нашей землей с исконных времен, постановление имеем мы от Бога и не нуждаемся в постановлении ни от кого больше!»)

В России закона о символике еще не существовало — банкиры взяли за основу герб Временного правительства. До сих пор на российских монетах чеканится официальная эмблема Банка России, которую выполнил Билибин.

Октябрьский государственный переворот Билибин не принял. Уехал в Крым, где участвовал в комиссии по охране художественных сокровищ Крыма. В 1920 году эмигрировал из большевистской России в Каир. Оформлял балетные спектакли для труппы Анны Павловой, делал эскизы росписей для православного храма. Через пять лет переехал в Париж, где сотрудничал в журналах, иллюстрировал сборники русских, французских и немецких сказок, сделал блистательные декорации к постановкам русских опер в Театре на Елисейских полях. Был приглашен оформить в Буэнос-Айресе балет Стравинского «Жар-птица» и ряд опер в Брно и Праге.

Но переименовать себя, европеизировать свою живопись Билибин не мог, как не мог поменять гражданство и отказаться от своей фамилии, изменив ее на европейский лад. «Я большой националист и очень люблю Россию», — отвечал

он тем, кто настойчиво этого требовал. И, обращаясь к русской эмиграции, взывал: «Не павшие морально люди русской культуры должны собираться в духовные крепости-храмилища, чтобы сохранить то, что мы вынесли в себе из нашей страны. Это надо уберечь и передать более счастливым нашим наследникам в России».

4 февраля 1935 года Билибин написал Игорю Грабарю в СССР: «Ставлю вопрос прямо: не могу ли я продолжать работать для своей страны, как я делал это прежде. Постепенно, но твердо я пришел к убеждению, что вы живете, строите, растёте, а здесь, в Западной Европе, — растерянность и безысходность. Жить здесь трудно, главным образом, морально. Ассимилироваться с другим народом я не могу». В 1936 году Иван Яковлевич вернулся на родину. Преподавал в Академии художеств, иллюстрировал книги, работал над оформлением спектаклей. В 1941 году в блокаду остался в осажденном Ленинграде, не пожелав спасти свою жизнь где-нибудь в Средней Азии: «Из осажденной крепости не бегут — ее защищают». И действительно защищал, как мог.

К Новому, 1942 году, он написал стихи:

*Проходят дни, проходят годы,
Иссякнет сей кровавый пир.
Придет весна, пройдут невзгоды,
И снова улыбнется мир!*

Совсем как в сказке о Царевне-лягушке, где добро через все преграды одолело злобу Кощея и вернуло на землю весну. Так и случится 9 мая 1945 года, — Иван Яковлевич Билибин был прав.

До последней своей минуты он работал. В ночь с 7-го на 8 февраля 1942 г. Ивана Яковлевича не стало — он умер от голода. Был похоронен в братской могиле профессоров Института живописи, скульптуры и архитектуры на Смоленском кладбище в Ленинграде.

Всей душой он был предан России. И она его помнит и чтит.

КАМЕРТОН СЕРДЦА

Камертон — означает камерное, единственное звучание, единственный тон. У каждого в мире есть этот тон. И ни у кого он не повторяется, звучит во внутренней клети, слышен только ему. И по этому тону сверяет он всю жизнь свою, поступки и мысли. Разница между людьми одна: некоторые не желают, не могут или едва слышат...

Услышав этот тон сердечный, душа и совесть — весь человек вынужден настраиваться на этот звук, так чтобы не звучал он аллитерацией или диссонансом. И тогда настраивается и вся жизнь. Жизнь человеческая не становится тогда легче, а делается, быть может, труднее. Но звучит она аккордом, согласно. Общество же таких людей — есть симфония. Симфонии Оптиной, Глинской пустынь или Псковских, Киевских Печёр... Они звучали веками. Камертоны старцев настраивали советом и любовью всю Русь.

Надо настроить свой камертон, так чтобы слышали окружающие, радовались звуку. В мажоре или миноре — неважно. Важно, чтобы откликнулся мир.

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

* * *

В России кризис за кризисом. Казалось бы, ищи опору, читай литературу русскую — там все ответы найдешь на вопросы твоего растревоженного сердца, а помойки завалены книгами. Выброшены под дождь, под снег, и уже не годятся, вымокли. Постоял я, проходя мимо, подержал в руках и бросил. Горожанин лет сорока привез туда же двадцать восемь томов И.С. Тургенева. Спрашиваю, почему выбрасываешь? Ответ: «Мать собирала, теперь умерла. Делаю ремонт». — «А продать?» Он махнул рукой: «Пробовал, бесполезно. Никому не надо». — «А в библиотеку передать...» — «Далеко, тяжело, да и некогда». Вот так. Помойка ближе всего.

...Так дело всей жизни писавших через боль, сомнения и отчаяние становится сегодня достоянием помойки. И это тоже какая-то особая примета времени.

Уходя, думал как-то опустошенно, обреченно: что я могу сказать этому миру, когда вот Тургенев, и тот брошен, намок, как лапоть в снежной жиже...

Россию ждет всплеск непонимания, разобщения: все нормы и правила поведения, правила и законы русского проживания, написанные в наших книгах, переданных нам от поколений, — попираются.

* * *

Германия прочно сплетена корневыми и родовыми нитями с Россией. И в то же время не было трагедий на земле более слитых, чем между Россией и Германией. Но — Германия выкарабкалась. Ревизия германской политики очевидна, и ошибки учтены. ХДС и ХСС побеждают на выборах. Назвать партию христианской и дойти до выборов в России — долго еще останется у нас мечтой.

* * *

...Вот пример, как делали карьеры вплоть до места премьер-министра во время «перестроек» и даже впоследствии «пришедшие ко двору» безумному правлению Беспалого. Некто Немцов начал карьеру с того, что в 1988 году написал или заказал написать скандальную статью против включения в действие построенной уже и принятой атомной станции под Нижним Новгородом. В то время, когда к публикациям подобного рода, после Чернобыля, прислушивались, он сорвал на свою персону тот обвал внимания, который и стал впоследствии залогом его морального капитала.

Ему ли было не знать в то время, что иного выхода у огромного города — Нижнего Новгорода — не было, как пус-

тить в действие станцию: ни тепла, ни электричества в противном случае ждать было бы неоткуда. И все же он затеял этот скандал, публично противостоял профессорам, академикам, инженерам, специалистам разных уровней. Какими знаниями? Атомщика? Довод его был один, но весомый: российские АЭС никуда не годятся. И — сработало. Он получил, как он сам говорил об этом, — тысячи писем. Его заметили. Но заметили-то его гораздо раньше, и вели... Даже и карта Чернобыля — была продумана. И то, что одно только и может (из мира физического, материального) объединять страну, регионы — единая энергосистема и единая связь — стало главной картой, разыгранной на разъединение, угробление и ограбление с отдачей затем всей отрасли на откуп Чубайсу...

Так было умело сыграно на страхе людском, по существу — на костях, жизнях и трагедиях многих и многих героев-чернобыльцев.

...Скандалы и недобросовестность лежали в основе вхождения во власть многих, едва ли не всех фигур ельцинских времен, не исключая и его самого. И всегда одно и то же: трагедия народа и вознесение на вершину управленческого аппарата.

* * *

Пробки автомагистралей в столице стали не просто «злойбой дня», поистине бедой с потерей времени жизней человеческих едва ли по объему меньшей, чем теряли мы в очередях за продуктами при всех «перестройках».

И вот чиновники взялись за переговоры с обогатившимися за последний десяток лет «новыми русскими». И даже вот теперь, кажется, вроде бы уже добились результатов. Убеждают по радио, по телевидению: богатые-де добавят для себя, пустят в метро Москвы для себя суперкомфортные вагоны (в подземке). Ездить в них, будто бы, сможет каждый с добавочной платой при входе в такой вагон. Так-де они, нувориши, разгрузят дороги Москвы, разрядят пробки и приблизятся к народу...

Прочитал об этом в «АиФ», газете «Метро», и стало смешно. Никогда они не спустятся к народу, не поедут с ним рука об руку, ни за что! Даже если и сутками станут стоять в пробках. Примкнуть к народу? Но нувориши считают главным для себя отличием именно то, что они не таковы, как другие! Чем же они тогда утешат свое самолюбие? Они видят само метро как некое передвижное стойбище, не для себя... «Звезды не ездят в метро»...

Метрополитен, задуманный еще Николаем Александровичем, осуществленный по воле Сталина — гордость Москвы. Метрополитен — это не просто место передвижения, образ транспорта «для всех». Это нечто большее. Но для этого сорта людей зайти под землю — значит унижить себя. Тем более, назначить встречу. Это все равно, что похоронить мнение о себе в глазах других. И вот вор, укравший госсобственность и купивший суперавто, предпочитает сто часов простоять в пробке, но не нарушить статус. Он считает, что его зад, его мешок-чрево — некая неотмирность и заслуживают перемещения только по воздуху, на самолете или по земле. Но ни в коем случае не под землей и тем более с народом, им обворованным.

* * *

Гусляр Василий Жданкин... Помню Суздаль, Ярославль и Владимир. Его игру на гусях перед Союзом писателей России в 1996-м, в начале апреля. Его пение и игра на гусях, его умение звонить в колокол — будоражили душу непонятым, неизъяснимым каким-то счастьем. И что известно о нем? Зато попса «плянется ширше неба», как сказал Есенин. И как скоро подлинно народные, застольные русские песни сменились у нас шлягерами от таничей, добрыниных, розенбаумов, шуфутинских и под стать им... Блатняк они переименовали в «шансон», и это тоже намеренно.

Нас заставили замолчать, не петь. Нельзя же, в самом деле, петь с серьезной миной на лице: «Не сыпь мне соль на рану...»

* * *

«Особо опасен» — фильм Тимура Бекмакбетова — стрельба и кровь, и опять, как снятые предыдущие, дал полные сборы. И дорога к «сердцу» мешанина — все одна и та же: отравить. Отвлечь суетой, потоками крови или ослепительным блистанием гламурной позолоты и мишуры, отвлечь от сокровенного возрастания души.

Какие поразительные мутации, связанные с этим фильмом и продюсером этого режиссера, того самого, от «Москвы», которая «слезам не верит» В.К. Меньшова! Он же «продюсировал» «Ночные» и «Дневные» дозоры Бекмакбетова, сплошные потоки кровищи — и не к месту, и без всякого оправдания даже, и просто по смыслу... Помню снятый с американскими технологиями «Ночной дозор», снятый исключительно ради денег. Невозможно было смотреть уже с самого начала. Аборт, повитуха, колдовство, «выпей стакан

крови»... Я поспешил выключить это отвратительное для души зрелище, вышел из комнаты и долго уже не возвращался... Этот фильм создан и показан именно для упырей и вурдалаков и при этом так раскручен, чтобы посмотрело как много большее число мешан, их детей.

Поразительно, как быстро «соцрежиссер» со товарищи переубедились сами и пробуют переубедить и нас грешных: вписаться в это новое время, вписаться любой ценой, изменной вкусу, критериям нравственности. Они хотят убедить нас, что и мы, и они живем не среди людей, не с людьми, а среди чертовщины сплошной, и сами чуть ли не черти...

* * *

«Фронтвик» с орденами играет каждый день в переходе метро на Таганской старые мелодии, недалеко от комнаты милиции. Приноровился, приработался. И вот играет, играет. Даст с чувством: «Вставай, страна огромная...», потом — покурит тут же, урывками, подымит в рукав, напаялит пиджак на кисть, скроет здоровую руку, а вроде бы и культя, рукав-то зашит. И вновь шпарит, перемигиваясь с проходящими мимо, прогуливающимися милиционерами. Растягивает «культей» гармонику.

Увидел я, и стало как-то неловко: даже на священном — и то бизнес. Милиционер улыбается, ждет навар от работы... «Вихри враждебные веют над нами, темные силы нас злобно гнетут...» Ухожу, а вослед мне несется «Варшавянка». Если бы она не была испорчена прошлой революцией — сегодня была бы как нельзя к месту.

* * *

Красоту наготы, как «оружие» женщины отмечал Лев Толстой в «Крейцеровой сонате», в дневниках. Это был век красоты русской женщины. Русская женщина, как ни одна женщина в мире, умела скрывать свое «оружие». И каковы были результаты! Какова поэзия, проза, картины!.. Однажды в документальных источниках я нашел воспоминания о Троцком, о том, как он обронил из кармана пачку фотографий самого похабного порнографического свойства, чем шокировал присутствующих.

Эта зараза, внесенная на русскую почву инородцами, — зараза бесстыдности, кажется, родовая. Суфражистки, феминистки, Коллонтай и Люксембург внесли такую сумятицу в понимание о русской нравственности, что только немец. Любимый Лениным Бухарин открыто насиловал и со-

вращал малолетних, и все это знали. Они, эти «бухарчики» так часто пользовались ею, наготой, нагло отворяя и обнажая тело русской женщины, ругаясь над ним, что и сегодня последствия этих революционных теорий отмечаешь повсеместно. Как много лишилась женщина от этой сплошной сети «интим» магазинов, с самыми немислимыми орудиями для извращений! И вот матери, сестры, дочери русского народа, подражая этакой «красоте», — раздеты и унижены, поруганы в киосках и на «глянце», в позорнейших фильмах.

Так Клары Либкнехт, Клары Цеткин, Арманд и Землячки добились, чего хотели, как и дорвавшиеся до власти в России их соплеменники.

* * *

Кажется, сегодняшняя чрезмерная любовь к «братям нашим меньшим», к кошечкам, собачкам обусловлена охлаждением любви людской друг к другу. Любовь к домашним животным в ущерб любви к людям переросла все мыслимые и немислимые пределы. Это как если взять плодое дерево, и оно пошло бы расти не в вершину, ветви и плод, а в один сучок, вверх и коряво. Сучок этот засохнет. И плода не жди. И вот вышивают собачке, кошечке тапочки, ливрейки. Возят их купать в специальные салоны, где их стригут и причесывают. Такую причудливую форму принимает порой любовь людей к себе самим, что это как бы застит глаза на все окружающее. И кажется тогда человеку, что это он так животных, собачек своих любит, а на деле — себя. На самом деле — это один из видов самого кондового эгоизма.

* * *

Мягкое, пуховое, золотистое запястье ребенка. Засыпая, пошевеливает, подрагивает кистями рук. Я протянул к нему руку. Он, во сне, накрыл одеялом мою руку, прижался подбородком.

Боже мой, Боже мой, если ты любишь нас, как мы любим детей, я найду силы жить столько, сколько потребуется.

* * *

Частный, отстроенный на диво то ли дворец, то ли замок в подмосковной Тарасовке. Нечто со рвом и подъемным мостом, как у средневековых феодалов. И почему-то всегда, обходя этот замок, все время думаю (и не я один), что вот уж это точно феодал строит замок на крови. На крови нищих, вдов и сирот. И при этом власти никак не могут найти: кто же

должен платить налоги? Ну, хотя бы те озвученные тринадцать процентов, которые берут даже и с нищих старух.

Эти дворцы — памятники, вопиющие к Богу. Памятники ни с чем не сравнимой, величайшей по цинизму несправедливости...

* * *

Сентябрь. Месяц я был в деревне один-одинешенек, писал повесть. Съел все сухари. Выехал за продуктами в райцентр, и вдруг поразила толпа людей, так отвыв от общества. Показалось странным это обилие несообразных каких-то, каких-то непропорциональных физиономий, вроде тех, что выбирало для плаката геббельсовское окружение, выбирало из славян-страдальцев, измученных страшным бытием, и подписывало на плакате: «недочеловеки». Странно и больно видеть эти русские лица, изуродованные страданиями, недоеданием, водкой, бедами непосильными, которые упали на их плечи в эти времена.

Огромное множество пьяных, покупают кустарную водку у кавказцев, пьют здесь же, не отходя. И так это неожиданно ошарашило, что стало даже и не до покупки продуктов, ни до чего.

— Что же вы делаете, ребята, опоят вас, умрете, — не удержался, сказал. Ожидал уже агрессии, ругани.

Один, сидевший на скамье, тяжело поднял голову, молвил с каким-то укором:

— Работы-то нет. Вот и пьем.

— Совсем нет?

— Совсем...

Наскоро, пряча свое горе от себя самого, обогнул палисадом памятник Ленину, борцу с русским шовинизмом, купил хлеб, да и еще что-то и пошел. Так бегут предатели, как бежал я в одинокий деревенский домик. И не писалась больше повесть, не бралась авторучка. Помню еще, что была покупка лисичек, там, в райцентре, грибов, совершенно мне ненужных, лишь бы от меня отстали, по сто двадцать рублей за кило, лишь бы только бы откупиться и бежать скорее назад, в деревню, в одиночество... И вот ходил из угла в угол, курил, все прикидывал, чем пахнет мое одинокое писание в деревне, пораженческим тлением или потным ярмом, надетым на меня и народ. Вспоминал, никак не мог отделаться от увиденных мною в райцентре картин, на которые раньше не обратил бы внимания.

...Старушка с приплюснутым, бугристым клубничным носом, перевязала ловко платок, и, повернувшись ко мне, вдруг, глядя в лицо, сказала:

— А ты не суди их, милай. Оне не виноваты. Наши люди русския не плохия, нет.

И я вздрогнул, словно она прочитала мои мысли, но как? По лицу? По моей мимике? Или я сам среди юродивых, непонятных, умаляющих себя до немощи, рядом с ней, как со святой?

И тут крик с другой стороны, в шуме тронувшейся электрички:

— Настя-а, иди-тко сюда! Здесь кавалер-тко поможет нам с тобой!

— А чем будешь расплачиваться-то?

— Чем? Да вот хоть и яйцами.

— Так это яму, чаво, опять платить?

Она погладила меня по руке, подморгнула, как старому знакомому, и пошла.

Я глядел на свой хлеб, на прикупленные лисички в полной растерянности и все вспоминал ее «...наши люди русския, не плохия, нет...»

И как ни унижают, ни уничтожают наших людей, они не плохие. Другая, иная-прочая, нация после всего того, что вынесли мы, русские, любые-другие давным-давно вымерли бы, сошли бы со сцены истории. И следа бы уже не осталось.

* * *

Этой весной впервые осознал, как тяжело даются зимы нашим русским старикам. И жизнь, конечно, вообще. Но особенно — зимы. А ведь еще только март, и я не так стар...

Она сидит у окна, старуха. Похоронила мужа и вот сидит недвижимо у окна, сидит, как окостенела. Долго. И эта поза и неподвижность почему-то красноречивей всяких слов говорят о ее внутреннем содержании.

Красные веки глаз.

Она — моя мать... Недавно я похоронил ее мужа, своего отца.

— Тяжело?

Молчание.

* * *

Стал временами появляться страх за будущее — и свое, и страны. Раньше такого не было. Казалось бы, хуже, чем в прожитых, пережитых 90-х, не будет, не может уже быть. И все-таки есть страх, словно чувствуешь приближение лавины. И теперь странно: на чем держался оптимизм детства и

юности? На одной веселости? И всего-то, бывало, — у шапки помпон оторвался, а сколько было смеху, визгу, радости, игры, перекидывания этого помпона как мячика... И на чем же держалась эта радость у нас, холодных и голодных учениках деревенской школы?

* * *

Подмосковье. Пушкинская «санитарно-эпидемическая станция». Сюда везут на испытание со всего Подмосковья «палочки», «мазки», гельминты и прочее...

И вот: пришло требование вначале сократить наполовину, а затем — и вовсе закрыть отдел. Эпидемстанция мешает рынку, в основном азербайджанскому, «развиваться». Требование, конечно, хорошо заплаченное.

Я стою рядом с эпидемстанцией, здесь у меня встреча: проба на минералы клязьминского родника. Сломанная будка с телефоном-автоматом. Серо-голубое небо как застиранный ситчик, раскинутый над всем этим: над грязными облупленными домами, над людьми и машинами, над страшной, покрытой гипсом в решетке теплотрассой.

— Россия можно любить, как старую, грязную, но с детства дорогую коммуналку, — говорит мне знакомый. — Пришел азер, пришел иудей — и вот уже стали хозяевами. А мы уж как-нибудь. Да, пожалуй, это коммуналка, Россия... «Что прошло, то будет мило»...

Я вышел перед сном на балкон и вспомнил его слова. Чем-то они очень обидны. «Что прошло...» Россия прошла, что ли... Глупец.

И вот приходит ночь. Пришла она и в коммуналку. В коммуналке все выпили, поели и — спать. Люди маленькие. Легли. А ночью глубокой — шум мотора. Ударил свет от фар «Мерседеса». И наши новые «хозяева» потихоньку встают и — на улицу. Тут-то и начинается их подлинная жизнь. Мы лежим, притихли, а они действуют. Проплачивают закрытие санэпидемстанций, таскают мешки, договариваются, и проч., и проч. И что будет дальше, останемся ли мы в своей милой и небогатой коммуналке, или нас выбросят к чертовой матери. «Милость к падшим» (а мы для них, в большинстве своем, давно — падшие...) — не в их правилах...

* * *

...Как этого не заметить: при сильной государственной власти в стране, если страна на подъеме, часто отмечают и первые места в спорте, особенно в групповых командных пер-

венствах: футбол, баскетбол, волейбол... В слабой стране, когда спорт без призрения государства, процветают индивидуальные виды спорта: бокс, тяжелая атлетика, или вообще ничего...

Есть и некий не абстрактный пример, этот пример — выбор народом неких излюбленных, становящихся модными певиц. Их образы сценические невольно отражают, показывают как бы слепок с души мещанина (соответствующего времени), обывателя. Чтобы проследить это, достаточно вспомнить «лирические образы» певиц от Шульженко, Руслановой, Зыкиной, Толкуновой... — и до обожаемых толпой сегодня. И здесь все понятно: безошибочны созданные образы в те тяжелые военные и послевоенные годы, образы жен, матерей, которые не бросят, не предадут, не оставят. И вот настанет перестройка «с ускорением», горбачевское «мышление в общем глобальном масштабе» — и тотчас пышным гибридом певицы в ботфортах, полуголые.

А ведь и они, эти певицы, тоже некий образ, тоже представляют вполне вкусы и требования своего времени. Но их лирические героини — это уже не заботливые мамы или терпеливые жены, это — путешественницы по жизни в поисках сладкого, хищницы, охотницы до удовольствий. Вполне открыто эксплуатируют они и уверенно продают свои «достоинства»...

Продолжение следует

ДНЕВНИК РУССКОГО

1991 год

7 января 1991 г.

Позвонил из Сергиева Посада Л.М. Леонову, поздравил с Праздником, сказал, что помолился за него. Л.М. надорвался, работая над Эпилогом «Вора», и лежит пластом. Вчера и сегодня вызывали к нему «скорую помощь». Плохи дела.

17 января 1991 г.

Звонил из больницы Леонов. У него опоясывающий лишай, и он лежит в изоляторе инфекционного отделения. Настроение у него грустное, не чаёт, как бы побыстрее выпиться. Просил проследить прохождение «Вора» в издательстве «Современник» и Профиздате, просил сделать приписку, что Эпилогом завершена его многолетняя работа над романом.

18 января 1991 г.

Звонил Л.М., просил пересказать газетные новости о войне в Персидском заливе. В больнице он себя чувствует как

Продолжение

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

под арестом. Работать не может, а без работы ему невыносимо тяжело. Лежит и думает свои невеселые думы...

24 января 1991 г.

Вчера звонил Л.М. Я был в это время у Троицы. Игумен Савватий — министр иностранных дел Лавры, как его называют здесь, благословляя меня, не устает повторять, что все происходящее в Лавре — с ведома и по молитве Преподобного Сергия. Будучи в Троицком соборе у раки преподобного Сергия, я не забываю помолиться и о Л.М.

Сегодня я позвонил ему в больницу, а потом и домой. Оказывается, он выписался и теперь отлеживается дома.

— Приезжайте, повидаемся, — пригласил Леонов. — Только я не встаю, лежу...

Когда я вошел в кабинет, Л.М., лежа в кровати, приветствовал меня поднятием руки. Боясь передать инфекцию, он предупредил, что за руку здороваться не надо. Последние две недели у Л.М. были трудными. Он осунулся, ослаб. Сейчас он весит 57 кг, а в 1975 году — 83. Эти цифры он назвал мне сам и прибавил, что надежд на поправку у него мало. Как и всегда, это признание он сделал без всякой боязни перед будущим. Я-то давно знаю, что он молит Господа Бога лишь об одном — о тихой, безболезненной смерти, чтобы не мучиться и не быть в тягость никому. Как бы продолжая эту тему, Л.М. приподнял голову с подушки и, глядя на бумажную иконку Спаса на троне — Царя Славы, прибитую к шкафу в ногах у него, прочитал молитву, шесть начальных букв которой аккуратно выведены его рукой внизу под иконкой.

При тихой стариковской жизни Л.М. мог бы и не попасть в больницу, если бы не работал так, как не всякому здоровому человеку впору трудиться. После нашей последней встречи, когда Л.М. вроде бы поставил точку, закончив Эпилог к «Вору», в Москве объявился Леонову В.И. Хрулев, написавший докторскую диссертацию по роману «Вор», и женщина из Болгарии. Я уехал в командировку, а двое новых помощников продолжили работу с Л.М. Работа эта продолжалась до тех пор, пока Леонову не сделалось плохо, он упал, сильно ударился, и его положили в больницу. Но даже и сегодня, когда работа вроде бы закончена и сдана в издательство, Л.М. сказал мне, что в двух местах хотел бы внести поправки. Я заметил ему, что и это ведь еще не конец. Работа по доводке Эпилога к «Вору» будет, видимо, продолжаться «до самой смерти», и Л.М. согласился со мной.

В доказательство Л.М. показал мне листы бумаги, где неразборчивым почерком были сделаны записи — варианты

добавлений к Эпилогу «Вора и отдельные мысли к последнему роману «Пирамида».

Приходил навестить Л.М. его зять Яркун, вернувшийся из командировки в Вену. Когда он ушел, Л.М. не без удовольствия сообщил мне, что Яркуну присвоена Государственная премия СССР за архитектурное решение Кардиологического центра в Москве.

За чаем Л.М. рассказал, как в 1927 году во МХАТе проходило общественное обсуждение спектакля «Унтиловск», на которое были приглашены «соседи» МХАТа — служащие Госбанка и других советских учреждений (в том числе и работники банно-прачечного комбината!). «Трудящиеся» подвергли автора пьесы полному разносу. Бедный Леонов сидел и так нервничал, что за два часа его руки до самых локтей покрылись волдырями. Спасибо К.С. Станиславскому — он сумел-таки защитить автора.

Л.М. в первый раз сегодня рассказал о женщине — дальней родственнице, которой сейчас 93 года. Она живет в богадельне, и Л.М. постоянно ей помогал и помогает. В 1922 году, в пору, когда Л.М. очень нуждался в поддержке и душевном тепле, она его как-то раз хорошо приняла, накормила. Л.М. до сих пор с теплотой вспоминает добро, оказанное ему. (Вторая женщина, которой он помогает — жена брата Николая — Галина Павловна. Ей сейчас 85 лет.) Когда я поинтересовался, где, в какой богадельне, находится его дальняя родственница, Л.М. явно насторожился и спросил:

— А вы что, собираетесь взять у нее интервью?

Пришлось умерить свое любопытство. Л.М. сказал, что в последний раз виделся с этой женщиной лет тридцать тому назад.

Что и говорить, интересно было бы поговорить с человеком, знавшим Л.М. Леонова в молодости.

Прощаясь, Л.М. не забыл поздравить меня — увы... с шестидесятилетием.

28 января

Звонил Л.М, сказал, что через Ю.Н. Верченко пробует «заполучить» по особому правительственному постановлению для работы по доводке романа «Пирамида» А.Г. Лысова (с устройством его семьи в Москве). Л.М. — как тот мужик, который помирать уж собирается, а все равно сеет. Когда я спросил, сколько времени потребуется еще для работы, Л.М. ответил, дескать, года четыре.

Говорили об итогах референдума в Крыму. Л.М. ругал Хрущева хамом и пьяницей. За всю послереволюционную исто-

рию, как считает Л.М., у нас никого не было во главе государства, кто бы защитил интересы России.

Л.М. просил меня пересказать ему газетные и теленовости. Его особо интересует развитие событий в Персидском заливе. Кстати, в одном из фильмов Крамера третья мировая война начинается с атомного удара именно на Ближнем Востоке.

31 января

В «Литературной газете» (30.01.1991) опубликован некролог в связи со смертью М.И. Твардовской. Л.М. Леонов не был близок ни с А.Т. Твардовским, ни с его семьей, поэтому и подписи Л.М. под некрологом нет. Я всего один раз видел М.И. Твардовскую на Новодевичьем кладбище у могилы А.Т. Твардовского. Мы стояли у могилы вместе с Иваном Трифоновичем. Подошла Мария Илларионовна и с Иваном Трифоновичем не поздоровалась. Отношения у них были непростые.

3 февраля

Вчера и сегодня два раза звонил Л.М. и просил написать письмо «колдунье» Орловой и разыскать телефон его ученицы (занималась у него в семинаре в Литинституте в 1943 году) Назаренко Марии Александровны и зайти к нему, чтобы разобрать почту.

Круг общения у Л.М. сейчас узкий, на улицу он не выходит (морозы до -25°), поэтому ему остается единственный способ общения — телефон. Сегодня мы говорили в общей сложности около часа. Темы разные, но оттенок у всех апокалиптический — война в Персидском заливе, экологический кризис в зоне залива (нефтяное пятно площадью 5000 кв. км), парад планет, при котором они выстроились так, что, видимо, как считает Л. М., и вызывает вражду, войны и прочие напасти.

Я спросил Л.М., какой день в его жизни был самым счастливым. На что он ответил, дескать, первый день приезда к Горькому в Сорренто летом 1927 года.

— Казалось, всё впереди... — сказал Л.М.

Так уж получилось, что у Леонова тот год был своеобразный «парад» удач: вышел роман «Вор»; в Вене во время его поездки к Горькому, Леонова принимал мэр города и крупнейший издатель, который до этого из русских издавал только А.П. Чехова; в Москве К.С. Станиславский готовился поставить «Унтиловск», а в театре имени Вахтангова репетировали «Барсуков» и, наконец, встреча в Сорренто с Горьким...

Впрочем, счастливые дни у Горького быстро кончились, и Л.М. сказал мне, что у него никогда не было нравственной сытости. Он всегда думал о литературе больше, чем сам мог «поднять».

Л.М. по моей просьбе назвал основные квартиры, где их семья до революции жила в Москве: в Зарядье, на Пятницкой. Л.М. рассказал, что, живя в том доме, он слышал взрыв бомбы, когда убили великого князя Сергея Александровича в доме на Гендриковом переулке, где произошла встреча с отцом, вернувшимся из тюрьмы. В Сокольниках... После революции Л.М. жил на Якиманке у дяди В.Д. Фалилеева на Плющихе; у Никитских ворот, на Нижне-Кисловском, на улице Горького (в доме Наркоминдела и в доме у Белорусского вокзала) и, наконец, на улице Герцена.

4 февраля

Как и договаривались, сегодня мы с Л.М. потратили весь вечер на разборку огромной его почты, скопившейся за последние месяцы. Я вслух читал письма, открытки, телеграммы, деловые документы и пр., а Л.М. сортировал их — одни в архив, другие — в корзину. Причем то, что шло в корзину, Л.М. предварительно рвал на мелкие кусочки. Из всей почты больше всего привлекла внимание самиздатовская книжечка стихов ленинградского поэта (пишущего под псевдонимом), избравшего себе титул Лорда приора всея России (?!). Л.М. позвонил главному редактору журнала «Слово» А.В. Ларионову, попросил опубликовать 2—3 стихотворения поэта и написать ему пару теплых слов.

Поскольку все время (с перерывом на вечерний чай) ушло на разбор почты, то других дел и тем для разговоров не было. Л.М. подписал верстку своей вступительной статьи в мой сборник «Сергий Радонежский».

6 февраля

Звонил Леонов. Говорили о «текущем моменте» и в связи с этим о преподобном Сергии и так ненавистной ему «розни мира сего».

Едва ли не ярчайшим показателем нашей национальной катастрофы является то, что ни Горбачев, ни Ельцин не только не были у раки преподобного, но едва ли знают о нем и его великих подвигах.

Завтра утром специальным поездом в сопровождении Патриарха всея Руси Алексия II прибывают из Питера мощи прп. Серафима Саровского. Пойду встречать.

7 февраля

Утром в многотысячной толпе встречал поезд из Питера, на котором были доставлены мощи преподобного Серафима Саровского Чудотворца (1759—1833). В Питер они попали воровским путем. Комиссары тайно вывезли их в «неизвестном направлении» в 1927 году после закрытия и разорения Саровской обители. Более 60 лет мощи преподобного находились в «запасниках» Музея религии и атеизма, размещавшегося в Казанском соборе северной столицы. И вот теперь мощи преподобного Серафима доставили в Москву и крестным ходом во главе с Патриархом всея Руси Алексием II принесли и водрузили для поклонения в патриаршем Богоявленском соборе в Елохове.

Естественно, что основной темой наших разговоров с Л. М. было все, связанное с прп. Серафимом и, в частности, главная его заповедь, раскрывающая цель христианской жизни, изложенная Преподобным в беседе в Н. А. Мотовиловым: «Стяжание Духа Божия есть тоже капитал, но только благодатный и вечный, и он, как и денежный, чиновный и временный, приобретается одними и теми же путями, очень сходственными друг с другом».

Так вот, что касается просто капитала, то с этим делом у нас, русских, положение в последние 70 лет аховое. Ничего мы не стяжали, а в основном разматывали накопленное дедями-прадедами. Объяснение этому надо видеть не только в том, что нас заманили сладкими посулами в ловушку и ограбили, но и в том природном «гении», что глубоко укоренился в нашей крови. «Мы ленивы и нелюбопытны», — считал Пушкин. Ему в своих дневниковых записях по поводу «летних впечатлений» вторил Достоевский. Дескать, у нас в крови какая-то непонятная жажда особого труда, где мы могли бы сполна выложиться, и потому мы испытываем едва ли не оскорбление от труда «мелочного», будь то чиновничья работа или работа горничной в гостинице. Словом, со стяжанием брэнного капитала что-то у нас (особенно в последние три четверти века) плохо получается. Леонов считает, что вот этот самый «ген» — нежелание трудиться просто так, во имя живота своего, очень опасен для Отечества именно в нынешнее время, когда требуется предельная отмобилизованность нации от рабочего и пахаря до верховенства включительно. Японцы, корейцы, китайцы в этом смысле дают нам несколько очков вперед и могут окончательно подмять нас под себя. Я сказал Леонову, что, как я понимаю, американцы и шире — вообще вся европейская цивилизация достигла своего апогея и мало-помалу начинает клониться к закату. Война во

Вьетнаме была первым звонком, а война в Персидском заливе — воистину пиррова победа. Леонов согласился со мной.

Митрополит московский Филарет (Василий Михайлович Дроздов, 1782—1867) пророчески сказал о русском народе, что в нем света мало, тепла много. Вот это тепло душевное применительно к прп. Серафиму Саровскому и есть в конечном итоге результат «стяжания Духа Божия» — тот благодатный и вечный капитал, на который, как я полагаю, главным образом и была истрачена жизнь и труды народа-Богоносца.

Давно это было. Помнится, вот так же мы говорили с Л.М. о «Богоносце», и он горько иронизировал по этому поводу. Дескать, народа-Богоносца давным-давно уже нет — ау-у. Осталось лишь пропеть «Аллилуия».

(Здесь Леонов полностью солидарен с Федором Абрамовым, писавшим, что «деревня в ее исконно-патриархальном виде, весь деревенский организм, складывавшийся на Руси веками, сегодня исчезает, и, увы, исчезнет безвозвратно».)

И все-таки, как нынче я понимаю, ирония Леонова была обращена не столько против «Богоносца», сколько против себя самого, скептика и маловера. Спустя годы, уже у самой черты, Леонов еще раз подтвердил, что он не только всегда был с Богоносцем, но и является нераздельной его частицей во всем, в том числе и в самой Судьбе.

Характерная деталь обновленного с этого года интерьера кабинета Л.М. — портрет святого преподобного Амвросия Оптинского, который отныне висит на стене рядом с креслом у рабочего стола писателя. То, что Леонов специально заказал аккуратную рамочку и с любовью выбрал место для портрета прп. Амвросия — факт сам по себе примечательный.

— Прототип старца Зосимы в «Братьях Карамазовых»... — как бы отвечая на мой безмолвный вопрос, сказал Леонов.

Сегодня впервые после больницы мы с Л.М. гуляли нашим обычным маршрутом. Вечер прошел на редкость тихо и умиротворенно.

11 февраля

Прогулка наша сегодня не состоялась, ибо Л.М. первый раз за минувшие два месяца со времени болезни принял ванну, «напарился» и блаженно отдыхал.

Говорили о беспринципности наших режиссеров, отчетливо прослеживающейся со времен революции, когда Луначарский заполнил театры своими бездарными пьесами. Желание угодить власть имущим лучше всего видно в деятельности О.Н. Ефремова, допустившего в своем театре позорный спектакль по книге Брежневна «Целина».

Говоря об обновлении театра в его нынешнее кризисное время, Леонов выразил свою солидарность с борьбой, которую ведет театровед и критик Марк Любомудров.

Пришедшая навестить отца Наталья Леонидовна принесла с собой газету «Литературная Россия» (№6 от 8 февраля с.г.). Она вызвалась прочитать отцу вслух статью «Обновление или гибель России» югославского журналиста-международника Драгоша Калаича, перепечатанную из югославского журнала «Дуга». «Одна из глубинных слабих деятелей патриотического фронта современных наследников «славянофильской» традиции, — пишет Драгош Калаич, — заключается в отсутствии реальной и официальной гласности, которая бы развеяла иллюзии и заблуждения и показала советской обществу (самым широким слоям) трагический финал победы партии «западников». Даже номинальная цена успехов и побед «западников» прошлого века еще не оплачена. Об этом свидетельствует и недавнее признание Горбачева в том, что СССР как юридический наследник царской России все еще является должником Франции, точнее, Ротшильдов...»

Чтение Натальи Леонидовны сопровождалось «активным» обменом мнениями. Особое впечатление Л.М. привлекло свидетельство о том, что американский жидомасон Яков Шиф *«вложил в большевистскую революцию всего двадцать миллионов золотых долларов, а Ленин в период с 1918 по 1922 год вернул жидомасонским банкирам 600 миллионов золотых рублей по официальному курсу... Чтобы покрыть долг, агенты уничтожали и грабили даже церкви, а золотые кресты и золото, содранное с иконостасов, переплавляли в слитки для облегчения экспорта. В результате такого экспорта у России было отнято огромное богатство, состоящее из шедевров искусства, из царской коллекции...»*

Многие признаки показывают, что ныне Горбачев окружен плотным кольцом советников западной ориентации: от «серого высокопревосходительства катастрофы» Александра Яковлева, выступающего за полное превращение СССР в провинцию Запада и масонский «новый мировой порядок», до самой влиятельной сирены либерально-капиталистических обещаний Леонида Абалкина...»

Подытоживая наше обсуждение статьи Драгоша Калаича, можно отметить, что оно было более чем бурным. Признаюсь, что я редко видел Л.М. в таком возбужденном состоянии. Само собой как-то получилось, что после наших дебатов мне был задан Натальей Леонидовной лобовой вопрос: за что я буду голосовать во время приближающегося всенародного референдума, намеченного на 17 марта 1991 года?

Я ответил, что буду голосовать за СССР. Наталья Леонидовна в свою очередь сказала, что будет голосовать за выход России из СССР. Ее горячо поддержал Л.М. Я пробовал «привлечь» к доказательству необходимости сохранения «единой неделимой» России слова Ф.М. Достоевского. Л.М. на это возразил, что время времени рознь. Дескать, империи — понятие историческое: есть время апогея, а есть время распада. Я сопротивлялся, и тогда Леонов привел два житейских примера. Вы тонете, а у вас на шее золотая пудовая гиря — естественно, вы, чтобы выплыть, гирю сбросите. И второй пример. Вы тощаете, теряете силы, что называется, таете на глазах. Установлено, что вас одолели паразиты. Отсюда вытекают и ваши действия. Леонов жарко говорил, приводил цифры прироста населения среди русских и в азиатских республиках, говорил, что и национальное самосознание у них развивается более свободно, «опережающими темпами». У нас же... И Л.М. на собственном примере свидетельствовал: ему усердно пеняли, как это он посмел назвать свой роман — «Русский лес!» Но и до этого романа ему приходилось терпеть заушения по поводу его русскости. Когда писал «Дорогу на океан», он на одной из страниц «спотыкнулся». Написал, дескать, «шел русский снежок», отложил ручку и минут 15 сидел и думал, а можно ли так сказать, не оскорбил ли он этим кого-нибудь. Словом, пока русский человек не будет свободен в своем национальном чувстве, до тех пор Россия будет не только топтаться на месте, а таять и чахнуть — таково было заключение Леонова.

23 февраля

Вчера я хоронил Владимира Николаевича Иванова — многолетнего соратника Л.М. по борьбе за сохранение памятников русской истории и культуры. В.Н. Иванов был первым заместителем председателя Центрального совета Всероссийского общества охраны памятников со дня его основания, а Леонов все эти годы был и останется, — видно, «до самой смерти» — членом Президиума ЦС ВООПИК. Для меня «тандем» В.Н. Иванов — Л.М. Леонов многое значил. Еще в 1965 году мы вместе с Кирой Александровной Рожновой (ее я похоронил в прошлую субботу) ходили в Музей Кремля, где тогда работал В.Н. Иванов, чтобы уговорить его взять на себя подготовку и проведение Учредительного съезда Общества. Одним из первых, к кому я тогда же обратился и просил стать будущим членом Президиума ЦС ВООПИК, был Леонов. После того как прошел Учредительный съезд Общества и коллектив сотрудников аппарата ЦС ВООПИК

избрал меня председателем первичной организации Общества, я выдал членские билеты Общества В.Н. Иванову, Л.М. Леонову, П.Д. Барановскому и всем моим друзьям — сотрудникам аппарата ЦС ВООПИК. С тех пор минула четверть века. Ушли Л.И. Антропов, П.Д. Барановский, П.П. Ревякин, К.А. Рожнова, В.Н. Иванов...

Разговаривая с Л.М., мы помянули всех тех, с кем нам обоим довелось работать долгие годы. В.Н. Иванов умер, что называется, в одночасье. Еще за два дня до смерти Л.М. говорил с ним по телефону...

— А его отпевали? — спросил Л.М. об В.Н. Иванове.

Я ответил отрицательно, так как при прощании перед кремацией никаких признаков церковного обряда не заметил.

Урну с прахом В.Н. Иванова захоронят рядом с могилой П.Д. Барановского в Донском монастыре, где когда-то они оба работали. Поколению П.Д. Барановского (1892—1984) и В.Н. Иванова (1905—1991) выпали такие нравственные и физические испытания, о которых во всем объеме сказать могут лишь их сверстники и среди них — Л.М. Леонов. Сегодня Л.М. вспоминал, как после революции начался планомерный погром наших национальных святынь. В октябре 1918 года была разгромлена обитель Александра Свирского, находившаяся неподалеку от тех мест, где Леонов собирал материал для «Соти». Комиссары, несмотря на протесты простых людей — мужиков и баб, — надругались тогда над мощами преподобного Александра Свирского, как это сделали они в тот год в Верколе, надругавшись над мощами прп. Арсения Веркольского (земляка Ф.А. Абрамова) и в Воронеже — над мощами прп. Тихона Воронежского. Не забыл Л.М. и всенародный траурный день, когда по ленинскому указу 11 апреля 1919 года вскрыли раку и надругались над мощами прп. Сергия Радонежского. Годом позже (в декабре 1920-го) было совершено вскрытие мощей прп. Серафима Саровского и тайный их перевоз в Питер, в музей религии и атеизма. Всего к началу 1920-х годов были вскрыты и осквернены мощи более 60 русских святых.

Вспоминая об этом, Л.М. спроецировал прошлое на день сегодняшний и будущий. Признавая, в частности, за Ельциным его решительный разрыв с КПСС, Л.М. с большой долей сомнения относится к последним акциям председателя ВС, который как был, так и остался язычником, если не хуже — сатрапом антихриста. На что я сказал Л.М., что пока во главе России не встанет истинно верующий православный человек, а не перевертыш вроде Ельцина, мы будем идти на дно и не скоро, видно, от него оттолкнемся. Л.М. согласился со мной.

Говоря об экономическом положении страны, Л.М. с каким-то особым чувством, с непреклонностью в голосе сказал, что пора во всеуслышанье снять поклев с русского купечества. Русские предприниматели — Рябушинские, Третьяковы, Мамонтовы, Сабашниковы, Кикины (из Ростова Великого) — достойны оды, ибо работали во имя Отечества не за страх, а за совесть. Я спросил разрешение у Л.М., чтобы поделиться его идеей в редакции газет «Советская Россия» и «Литературная Россия», которые могли бы подготовить серию статей о возрождении русского предпринимательства.

Завтра в Загорске должны состояться IV Сергиевские чтения, на которых я обязательно хотел присутствовать, так как общественность должна вновь посавить вопрос о возвращении городу его исконного имени — Сергиев Посад. Леонов просил меня поклониться преподобному Сергию и передать участникам IV Сергиевских чтений свою солидарность с их справедливым требованием. Я зачитал Л.М. Обращение к соотечественникам, опубликованное в газете «Сергиев Посад» № 3 с требованием возратить городу его исконное название, и он подписал обращение, поставив сегодняшнее число.

После ужина мы с Л.М. «сортировали» почту. Когда дошли до письма Г.Фридлендера, Л.М. сказал, что он голосовал за него при выборах в Академию наук. Среди почты было письмо от бывшего заключенного Н.Прокудина, отсидевшего четыре года и написавшего психологический роман об уголовниках. Л.М. просил меня ответить в «осторожных тонах», так как у него уже был опыт общения с уголовником, который якобы выслал Леонову свой роман, а потом терроризировал его угрозами расправы над семьей. Л.М. в конце концов вынужден был пригласить уголовника в СП СССР и в присутствии секретаря СП Воронкова вручить аферисту-вымогателю требуемые деньги.

— Поздравляю вас с первым литературным заработком, — съязвил Леонов, и вручил уголовнику 500 рублей.

Л.М. с большой участливостью говорил об А. Г. Лысове и просил меня написать письмо, где указать, что он верен своему обещанию и постараться ему помочь.

2 марта

Когда мы, гуляя, проходили с Л.М. мимо церкви Большое Вознесение, он сказал, что в день 110-летия со дня смерти Ф.М. Достоевского они с художником С.М. Харламовым присутствовали в церкви Большое Вознесение на торжественном Богослужении, посвященном великому писателю.

Зная, что Л. М. последнее время чувствует себя неважнецки, можно без ошибки предположить, что пойти на панихиду по Достоевскому ему было физически тяжело, но он пошел и справил праздник души.

Разговор зашел о политике, о том, что Горбачев, приехав в Белоруссию, начал с того, что возложил цветы к памятнику Ленина. Такое поведение президента, когда он, несмотря ни на что, по-прежнему занимается «идолопоклонством», огорчает Леонова. Он видит у Горбачева много хороших черт и все-таки не уверен, что он удержится «в седле».

— А мне жалко Горбачева, — сказал Л. М.

Когда мы встали из-за стола и проходили мимо акварельного портрета молодого Леонова работы жены В. Д. Фалилеева, Л. М. сказал, что этот портрет ему прислала из Италии дочь Фалилеева. Будучи переводчиком, она приезжала с группой туристов в Москву. Л. М. встретился с ней и просил ее принять от него некоторую сумму денег. Она деньги взяла и потом прислала благодарственное письмо и акварельный портрет молодого Л. М., работы матери. На те деньги, что она получила от Леонова, дочь Фалилеева привела в порядок могилы родителей в Риме. Леонов был счастлив, что хоть отчасти смог « позаботиться » о своем долге перед четой художников Фалилеевых.

Глядя на акварельный портрет, Л. М. подробно рассказал о всех вещах, бывших в его «кабинете» за ширмой. Портрет Достоевского еще с тех давних пор сопровождал писателя Леонова.

7 марта

Утром в 8.30 мне позвонил Л. М. и сказал, что дела его, видно, плохи. Просил меня приехать к нему со священником. Я позвонил о. Александру Салтыкову, но уже дома не застал. Тогда я позвонил священнику Алексею Карпову, который недавно получил приход в городе Мосальске, но пока живет в Москве. Отец Алексей, поняв, что откладывать нельзя, тут же позвонил в храм Воскресения Словоущего (на ул. Неждановой) своему товарищу о. Геннадию Огрызкову и пригласил его, как более опытного священника, к Л. М. Леонову. Мы договорились, чтобы я приехал за ними обоими в храм и подождал до конца службы.

Служба закончилась лишь в 12.35. Все это время я стоял в Елисейском приделе. О. Алексей сослуживал о. Геннадию. Я последним подошел ко кресту, и вскоре мы направились пешком к Л. М. Благо дом Леонова рядом — всего несколько минут ходу.

Л. М. хоть и плохо себя чувствовал, но встретил нас и провёл в бывшую комнату Татьяны Михайловны, где он решил исповедаться и причаститься. Для этого случая Л. М. заранее подготовил икону Богородице «Всех скорбящих Радость». Мы оставили Л. М. наедине с о. Геннадием. Через полчаса Л. М. вошёл к нам, как мне показалось, ободренным и просветленным. Поскольку за ним должны были приехать из больницы, Л. М., не теряя времени, стал отдавать наказы пришедшему к нему внуку Николаю Андреевичу как распорядиться рукописями последнего романа в случае, если тревога окажется неложной.

Я предложил проводить священников и попрощался с Леоновым в надежде, что мы еще встретимся.

Вечером позвонил Елене Леонидовне. Она сказала, что Л. М. чувствует себя лучше. Похоже, что тревога оказалась ложной.

19 марта

Можно констатировать, что леоновское определение по отношению к себе — «следователь по особо важным делам человечества» в главном совпадает с определением Ивана Шмелева, который в «Куликовом поле» пишет о себе: «Я — судебный следователь по особо важным делам... был когда-то». Если Иван Шмелев «был когда-то», то Леонид Леонов и по сей день пребывает в «следователях». В Эпиплоге к роману «Вор», законченному зимой 1991 года, Л. М. пишет, что следствие «по делу века» (!) еще продолжается, и приговор еще не высказан вслух пока.

Слава Богу, «следователь» сегодня вернулся из больницы, позвонил мне, и мы обменялись новостями, в том числе и тем, как проголосовали в Москве на союзном, российском и московском референдумах.

21 марта

— Лежу, слушаю радио, и на душе невесело у меня, — сказал по телефону Леонов. Он очень боится, что к осени в стране разразится страшный голод. К посевной мы, как никогда раньше, не готовы.

Приезд Хрулева для чтения леоновского романа откладывается, так как ученому подходящих условий не создано. Он хотел приехать со всей семьей, чтобы всецело заняться только одним — помочь по мере сил Л. М.

Среди газетных новостей у Леонова вызвало интерес сообщение («Комсомольская правда» за 21 марта 1991 г.), где говорится, что Предсовмина РСФСР И. С. Силаев на расширенном заседании Президиумов Верховного Совета и Совета

Министров РСФСР высказался категорически против создания на территории РСФСР Русской республики. Л.М., напротив, считает, создание Русской республики необходимо. Там, где русских больше половины, — все это, по Леонову, — территория Русской республики. Хваленая ленинская национальная политика вызывает у Леонова очень сложную гамму чувств. Леонов считает, что одной из гарантий выживания русских должно быть создание Русской республики. Чем быстрее это произойдет, тем для русских будет лучше.

При «ненавистном» царском режиме была Казанская, Оренбургская и прочие губернии. Я думаю, США внимательно изучили мировой опыт, в том числе и России, когда создавали свою государственность. Штаты в США, как губернии в старой России, «строились» не столько по национальному, сколько по территориальному признаку.

24 марта

В 12.40 позвонил Леонов. Он ждет в гости В.И. Хрулева для переговоров о приезде того в Москву специально для чтения последнего романа Л.М. Союз писателей и Литфонд необходимых условий для работы В.И. Хрулеву в Москве не создали, поэтому Л.М. решил перенести работу на осень, а там, может быть, и вовсе отложит дело... лет на шестьдесят. Л.М. был полон пессимизма, говорил, что роман у него «недоношенный», хотя он честно и добросовестно работал над ним 30 лет. «Больно уж время наше сложное» — таков смысл «оправдания» Л.М.

Вчера в некоторых районах Москвы было отключено электричество и вода. Л.М. воспринял это как недобрый симптом. Нетрудно себе представить, что будет в многомиллионной перенаселенной Москве, если электроэнергию и воду отключат разом везде. В связи с этим Л. М. пересказал мне финал кинофильма Крамера «На берегу».

Позвонил в Институт мировой литературы П.В. Палиевскому. Тот сказал, что роман Леонова не «недоношенный», а «переношенный». Палиевский принимает самое живое участие в том, чтобы В.И. Хрулев приступил к чтению романа, — словом, чтобы работа началась с весны, а не осенью.

Эх-ма-а... Хочется и себе булгаковское алиби пристроить: «Интеллигент в России — это общественное призвание, а на Западе интеллигент — это частное лицо».

26 марта

Переговоры Леонова с Хрулевым, как я понял из ответа Л.М. на мой вопрос, ничем не закончились. Хрулев готов приступить к работе, а Леонов, который раньше только и до-

бывался этого, дал «отбой». Дескать, надо перенести начало работы на осень. Понять и оправдать Л.М. можно и нужно. Он сейчас слишком слаб, чтобы снова взвалить на себя такую огромную тяжесть, еще большую, чем работа над Эпилогом к «Вору», которая его выбила из колеи, заставила дважды за последнее время лечь в больницу.

Я настаивать на работе Л.М., конечно, не стал, но все-таки сказал, что чем раньше начнет Хрулев читать роман, тем будет лучше. Вопрос, по существу, остался открытым.

Л.М. попросил меня пересказать основные газетные новости. Больше всего его тревожит то, что правительство СССР ввело «мораторий», запретило все массовые выступления на срок начиная с 26 марта по 15 апреля, а Моссовет разрешил митинг, назначенный на 28 марта в связи с Внеочередным Съездом Верховного Совета РСФСР и отчетом Б.Ельцина.

Л.М. опасается начала гражданской войны, ибо противоборство двух сил идет к своему апогею.

— Все это выше моего понимания, — попробовал отшутиться Л.М.

Лежу, гляжу в потолок... Хочется накрыться подушкой...

29 марта

Вчера Леонов несколько раз звонил, но меня не застал. Я пришел поздно и не стал его тревожить, а сегодня рано утром ушел и смог позвонить ему только среди дня. Оказывается Л.М. разыскивал меня, чтобы пригласить на службу в церковь Большое Вознесение. В назначенный час я зашел за ним, и к началу обедни мы были в храме. Я встал в очередь за свечками, а Л.М. отошел в сторону, достал из внутреннего кармана пиджака заранее приготовленные туго сложенные купюры, опустил в копилку с надписью: «На ремонт храма» и перекрестился.

Народу в храме было немного. Правил службу митрофорный священник. Хор пел божественно. Несколько раз Л.М. обращал ко мне лицо, давая знать, как нравится ему служба, особенно пение хора. Дождавшись, когда священник провозгласит «Ми-и-р все-е-м...», мы вышли на улицу.

Вечером после ужина мы слушали по радио «Всенощную» С.В. Рахманинова. При этом Л.М. заметил, что в храме пели лучше, молитвенно, а здесь, дескать, концертное исполнение.

1 апреля

В своей автобиографии художник Алексей Ильич Кравченко писал:

«В 1921 году я переехал в Москву и зиму 1921—1922 годов работал с большим упорством и энергией и по живописи, и по ксилографии.

За время моей жизни в Москве образовался у меня круг друзей и в Москве, и в Ленинграде. В мастерской В.Д. Фалилеева на Якиманке собирались художники всех направлений, критики, писатели, работники полиграфии. У него я познакомился и подружился с Леонидом Леоновым, читавшим в мастерской Фалилеева свои первые романы в узком кругу друзей. Одну из ранних книг Леонова «Деревянную королеву» я и проиллюстрировал по его и моему желанию».

Кроме иллюстраций к «Деревянной королеве» (1923) А.И. Кравченко выполнил иллюстрации к «Барсукам» (1932) Леонова.

3 апреля

Получил письмо от В.А. Волынской, работающей в Архангельском облархиве. Она предложила мне написать статью о Максиме Леоновиче Леонове в «Календарь памятных дат Архангельской области на 1992 год», так как в будущем году исполняется 120 лет со дня его рождения. В своем ответе я предложил ей опубликовать те материалы о М.Л. Леонове — издатель газет «Северное утро» и «Северный день», которые она же мне и показывала. Я посоветовал В.А. Волынской организовать в 1992 году научную конференцию, посвященную М.Л. Леонову, так как убежден, что личность этого поэта и публициста достойна внимания широкой общественности.

Вечером звонил Л.М. Леонов. Говорили о новом, значительном повышении розничных цен, объявленных во всех газетах. Л.М. считает эту меру союзного правительства вынужденной и необходимой.

Л.М. сообщил мне, что в возрасте 86 лет умер Грэм Грин. Я спросил, был ли знаком Леонов с автором «Тихого американца», на что он ответил отрицательно.

Любопытно, что Грэма Грина «роднит» с Леонидом Леоновым редкостная увлеченность работой, которая зачастую продолжалась у него и во сне. Грин рассказывал, что многие развязки, сюжетные линии, представлявшиеся днем крепким морским узлом, он «разрубал» во сне. Грин любил записывать свои сны. «Вот возьму и опубликую их, — говорил покойный писатель, — тогда вы все поймете, что я могу брать не только за длинные романы». Не знаю, как гриновские, а вот леоновские сны — это уж точно — из ряда вот выходящее явление.

7 апреля

Несмотря на недомогание, Леонов с охотой откликнулся на мое предложение сходить в церковь Большое Вознесение. Народу в храме было немного. Мы поставили свечи, тихо помолились про себя и еще раз поздравили друг друга со Светлым Праздником. Когда выходили на улицу, на крыше храма (во временно устроенной звоннице) ударили в колокола. Долго, однако, народ московский дожидался этого праздничного звона. Дождался, спаси Господи! Так под звон колоколов мы и гуляли.

После праздничного ужина мы слушали Пасхальную радиопередачу. Леонов спросил меня, только ли в Евангелии от Матфея рассказывается о Гефсиманской молитве Христа, просившего Отца Своего, чтобы миновала Его «чаша сия» — распятие и смерть на Кресте. Я ответил, что, как мне помнится, и в других Евангелиях есть молитва о чаше. Леонов сказал, что если только в одном Евангелии от Матфея говорится о чаше, то это могло быть как наитие, как плод прозорливой фантазии одного из Апостолов, но если и другие рассказывают об этом, то это — самое по-человечески трагичное, самое проникновенное место в книге Нового Завета: «Тогда говорит им Иисус: душа Моя скорбит смертельно; побудьте здесь и бодрствуйте со Мною. И отойдя немного, пал на лице Свое, молился и говорил: Отче Мой! Если возможно, да минует Меня чаша сия; впрочем, не как Я хочу, но как Ты».

По опыту наших прошлых бесед я знаю, что Леонов в последние годы не раз уже обращался к Гефсиманской молитве Христа. Как я понял, в Гефсиманской молитве Христа Леонов-художник видит вершинный трагизм Богочеловека. По Леонову, ничего подобного по силе чувств нет во всей мировой литературе.

Леонов попросил взять его дневник (в кожаном тисненном переплете XVIII века) с записями, начиная с 1938 года, и найти то место, где он делал выписки о том, как римский полководец Красс (ок. 115—53 до н.э.) казнил, распиная, участников восстания Спартака (71 год до н. э.). Оказалось, что Леонову давно не дает покоя мысль, сможет ли распятый человек держаться на гвоздях, не порвутся ли кисти рук и стопы ног и не упадет ли распятый наземь. И еще Леонов спрашивал меня о том, находилась ли Богоматерь рядом с Сыном, когда его распинали. Л.М., собственно, интересовал не мой ответ, а те переживания Богоматери, когда она увидела своего Сына распятым. Что Она при этом говорила или кричала? Как Ей было тяжело и скорбно?

Если не всю жизнь, то во всяком случае давно уже задает себе Леонов подобные вопросы и тут же рисует картины, ко-

торые возникают у него при этом. Работа не из легких. Сегодняшним вечером я еще раз убедился, что Л.М. постоянно возвращается к библейским текстам. Вне всякого сомнения, Библия является главной Книгой в жизни Л.М. Леонова.

8 апреля

У Леонова новый вопрос и недоумение: дескать, как Христос мог вкушать с апостолами пищу после своего Воскресения? Л.М. никак не может понять этого. Я верю, что все так и было, как написано в Евангелии, но понять тоже не могу. Зачем это? Ведь апостолы и без «ядения» пищи уверились бы в Воскресении Христовом.

Л.М. просил зачитать ему опубликованное в журнале «Москва» (№ 1 за 1991 г., с. 176) предсказание Серафима Саровского о царствовании императора Николая II.

9 апреля

В Дворянском собрании (Дом Союзов) прошла научно-практическая конференция о роли интеллигенции в современном мире, проведенная Российским отделением Всемирного Русского собора. Вечером Леонов позвонил мне и подробно расспрашивал о ходе конференции, главных вопросах поставленных выступавшими (М.Ф. Антоновым, Ю.П. Тюриным, В.И. Скурлатовым, И.А. Кольченко), и принятых решениях. Л.М. особо отметил, что на нынешнем этапе развития событий в России единственным надежным «цементом», связующим нацию, является Русская Православная Церковь, и потому интеллигенция должна всемерно содействовать ее воссоединению, ибо она расколота на десяток противоборствующих конфессий.

Л.М. еще раз просил передать благодарность моим Кате и Насте, подарившим ему пасхальный сувенир — расписную шкатулку с видом Троице-Сергиевой Лавры.

12 апреля

Получил письмо от леоноведа В.А. Ковалева. Он, как и П.В. Палиевский, тоже «за то, чтобы Л.М. Леонов опубликовал роман».

В сегодняшней газете «Литературная Россия» напечатана резолюция II пленума правления СП РСФСР об учреждении премии имени Пушкина. В состав комитета по Пушкинским премиям вошли Л.М. Леонов, В.П. Астафьев, В.Г. Распутин, Ю.П. Кузнецов, В.И. Лихоносков, В.В. Кожин, П.В. Палиевский, М.П. Лобанов — всего 15 человек.

Участники II пленума правления СП РСФСР решительно выступили за возвращение городам Загорску и Свердловску их исторических названий — Сергиев Посад и Екатеринбург.

16 апреля

Говоря о предстоящем в мае с.г. съезде КПСС, Леонов приходит к выводу, что это будет последний «большевистский» съезд. Горбачев, по мнению Леонова, не должен упустить свой шанс, чтобы решительно отмежеваться от большевизма, ввергнувшего Отечество в кромешную тьму тоталитаризма.

По мере приближения альтернативных выборов президента России на политическом горизонте появляются кандидаты на этот пост, заявления которых повергают Л. М. в ярость и уныние. Один из кандидатов — В. Жириновский пообещал трудящимся в случае победы на выборах снизить цены на водку — «национальный напиток» (!) русских. Далеко пойдет такой «спаситель Отечества»!..

Вечером после прогулки мы листали с Л. М. огромные гравюры с видами старой Москвы, приготовленные в свое время М. В. Сабашниковым для издания в подарочном альбоме. Большинство святынь Москвы до нашего времени не сохранилось — усилиями большевиков-интернационалистов порушено многое. Если вдруг выйдет альбом с гравюрами — то это будет бомба.

Как я понял, Л. М. заранее поделил между дочерьми гонорар за издание альбома.

Л. М., обведя рукой по книжным полкам, уставленным своими сочинениями, изданными на разных языках, без всякой позы сказал, дескать, все это г.. Я пробовал ему возразить, но он был непреклонен. Чтобы перевести невеселый разговор в другую плоскость, я, как бы между прочим, процитировал полюбившуюся мне библейскую мудрость. Дескать, в мире много великих и славных, но тайна открывается смиренным.

Леонов сделал на листке бумаги запись.

19 апреля

Леонов не скрывает своего разочарования, что М. Горбачеву в результате визита в Японию, как это стало известно из последних теленовостей, не удалось получить кредиты, необходимые нам в первую очередь для закупки хлеба и других продуктов. По Леонову, нас ожидает голод, поэтому надо сделать все возможное, чтобы спасти народ от мора и междоусобной войны.

Л. М. вместе с тем достаточно высоко оценивает результаты работы Горбачева в Японии. С нашей стороны сделан важный шаг, который вынуждает японское правительство отой-

ти от «железного» принципа неразделения политики и экономики. Японцы намеревались «болевым» приемом вынудить Горбачева пойти на уступки по территориальному вопросу — отдать им острова Хабомаи, Шикотан, Кунашир и Итуруп. Горбачев, борясь «в нижней стойке», ушел от болевого приема... и сегодня вечером после изнурительных переговоров в Токио прибыл на Чеджудо — экзотический курортный остров, где встретился с президентом Южной Кореи Ро Дэ У.

А дома Горбачева ждут серьезные испытания. За время его отлучки в партии окончательно вызрела оппозиция. Л.М. считает, что лучше всего, если бы Горбачев вышел из КПСС и сосредоточил свои усилия к выгоде России на посту Президента разваливающейся (увы!) Великой Империи.

20 апреля

Леонов сказал, что сегодня он горько расстроился и не смог работать. За целый день написал всего лишь один абзац. Причиной нерабочего состояния Л. М. является неудачный визит Горбачева в Японию. Отказ Японии дать нам кредиты, как считает Л.М., приведет к голоду и, в конечном итоге, к братоубийственной войне. Надеяться нам не на кого. США и иже с ними все туже и туже затягивают петлю на нашей шее. Леонов полон пессимизма, состояние его подавленное.

Л.М. включил нынче радио и «наткнулся» на музыку Шнитке. Как я понял, Шнитке и добил Леонова. Л.М. не остался в долгу. Эпитеты в адрес музыки Шнитке были предельно отрицательные.

30 апреля

Больше недели меня не было дома. За это время Л.М. неоднократно звонил, справлялся, когда я приеду. Оказывается, как я сегодня узнал от него, он потерял удостоверение участника Гражданской войны, а ему надо делать всякие платежи. Чтобы Леонову освободиться от всех налогов, я обещал съездить в Музей Вооруженных сил и взять заверенную копию удостоверения участника Гражданской войны, хранящегося в экспозиции Музея.

Л.М. пребывает в расстроенных чувствах — старость прогрессирует. Сегодня ночью он проснулся, чтобы сделать запись для романа, и два часа не мог найти свой любимый черный жирный карандаш, которым он сейчас работает.

Я, как мог, успокоил Л.М., сказав, что в свои 60 лет зачастую не помню, где и что положил, так что грешно ему жаловаться.

Говорили о последних политических и экономических новостях, о наметившейся консолидации республик и центра,

выразившейся в подписании 23 апреля с.г. совместного заявления руководителей девяти республик и М.Горбачева. Л.М. за то, чтобы все политические партии на ближайшие два года прекратили свою деятельность, дабы дать народу возможность спокойно самому определиться, «что делать».

1 мая

Главным в сегодняшней нашей беседе был вопрос, который (в какой уже раз!) в последнее время задает себе Л.М.: много ли от него останется?

Не желая упрощать проблему, я сказал ему:

— Кое-что останется, — и пояснил, что имею в виду.

Перечислять написанное я не стал, а попробовал суммировать то, что мне лично импонирует.

В произведениях Л.М. я всегда ощущаю внутреннее сопротивление автора тому тоталитарному режиму, во время которого он жил и творил. Как художник и мыслитель, Леонов в лучших своих вещах стремится создать сугубо свою модель переустройства мира к лучшему (к чему призывал, кстати, и Достоевский), причем не для одних нас, русских, а ко всеобщему благу всех людей мира. В известном смысле, «оправданием» для автора могут служить его же слова, сказанные в одной из статей несколько лет тому назад. Дескать, не наша вина, а беда, что у нас ничего путного не получилось. Однако, как ни страшна Голгофа, она сулит России Воскресение.

Осмыслить и воссоздать события, которые свершались в родимом Отечестве, художнику необычайно трудно.

— Ибо это полотно — размером в полнеба, а по глубине — как послесловие к Апокалипсису.

Эти слова были сказаны Леоновым, который «встрял» в мои рассуждения и сам определил критерии, предъявляемые к нему и к его собратьям по перу.

Что касается «частных» удач в тех или иных произведениях, то я назвал образ Фаюнина из «Нашествия», а Леонов процитировал себя:

«Фаюнин. Где пешком, где опрOMETRYю — светлый день грядет. Уже скоро, шапки снявши у святых ворот Спасских, войдем мы с вами в самый Архангельский собор. И восплачем, изгнанники рая...»

Из «Evgenia Ivanovna» Леонов назвал две, как ему кажется, удачи. Это сон Евгении Ивановны, когда она лежит в кровати цинандальского дворца, а этажом ниже «прямо под нею, с папиросой в зубах лежит на тахте Стратонов и нагло смотрит на нее, нагую, сквозь ковер, простыни и потолок». Эротический сон этот заканчивается катафалком — кроватью,

двигающейся «сквозь расступившуюся толпу, притворно не замечающую происходившего...» Второй удачный эпизод — перед последним объяснением Евгении Ивановны и Стратонова, когда он распрямляет свою шляпу, на которой сидел шофер.

Из «Русского леса» Л.М. назвал нравящийся ему разговор Ивана Вихрова с мальчиком Сергеем.

Из «Вора» — пророческие стихи Доньки: «За перевалом светит солнце, но тяжкий путь за перевал...»

«Подведение итогов» Леонов заключил своими словами, сказанными в 1934 году на I съезде Союза писателей, которые он никогда не забывал. Дескать, мы, писатели, сидим в чужих креслах, которые принадлежат Пушкину, Гоголю, Достоевскому, Тургеневу, Толстому, Лескову... Л.М. при этом рассказал о том, как, проснувшись недавно ночью, про себя читал «Полтаву» Пушкина: «И он промчался пред полками...»

Читал и восхищался точности образов Пушкина. Воочию увидел, как располневшие «сии птенцы» толпой тряско и нестройно скачут за молодым Петром.

Л.М. вспомнил, как давно когда-то он читал и плакал над капитаном Тушиным.

А недавно Л.М. слушал по радио, как читали Лескова. Текст Лескова произвел на него огромное впечатление.

Продолжая тему, Л.М. рассказал, как однажды летом 1929 года в Барвихе к нему подошел В.И. Качалов, пригласил к себе и читал ему Бунина (кажется, «Мужиков»). Впечатление от Бунина и от чтения Качалова — незабываемые.

Л.М. сказал, что слова у Бунина — «отборное зерно». Однако Иван Алексеевич, как считает Леонов, нередко грешит обилием эпитетов и «излишней точностью». Отметив это, Л.М. рассказал, что в своей практике он иногда намеренно употребляет «неправильный» эпитет, чтобы не было ощущения излишней «притертости» слов, а был своеобразный «люфт», который активизирует чтение и восприятие текста.

На прошлой неделе Л.М. в течение нескольких дней слушал зарубежную радиопередачу. Читали повесть какого-то современного автора-эмигранта. Леонову понравилась повесть. Л.М. считает, что русская литература (в России и в Зарубежье) — это «зерно пшеницы» двух сортов. Какое из них лучше, покажет время. Несомненно одно, что мы здесь живем в эпицентре событий и над нами постоянно «довлеет злоба дневи его», которая многим застит глаза. Кому слезами, кому кровью...

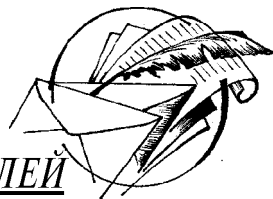
Продолжение следует

О «ПЕРЕСЕЛЕНИИ СООТЕЧЕСТВЕННИКОВ»

Вот что читали мы в одной из «путинских» статей:

«Для решения демографических проблем объективно требуется «умная» миграционная политика, построенная на четких требованиях и критериях, исключающая потенциальные этнокультурные и другие риски. Нужно будет обеспечить миграционный приток на уровне порядка 300 тысяч человек в год. В первую очередь за счет привлечения на постоянное жительство в Россию наших соотечественников, проживающих в ближнем и дальнем зарубежье, квалифицированных иностранных специалистов, перспективной молодежи.

...Я уже говорил (в статье о национальной политике), что главным, ключевым условием для того, чтобы человек переехал жить и работать в Россию, должна стать его готовность принимать нашу культуру, наши ценности. Предлагаю снять все ограничения для тех иностранных граждан, которые на общих основаниях с гражданами России (то есть, сдав экзамены и обучаясь на русском языке) хотели бы поступить в наши профессиональные учебные заведения. Значительно упростить путь к получению вида на жи-

ПИСЬМА НАШИХ ЧИТАТЕЛЕЙ

тельство и затем — гражданства России для выпускников наших вузов, устроившихся на работу по специальности».

С 1990 года, мы, русские уроженцы Киргизии, через различные созданные нами общественно-политические организации добиваемся права на массовый переезд в Россию для компактного проживания. 22 года бесконечных отказов. Отдельные добросердечные губернаторы тут не в счёт, т.к. у них нет соответствующих механизмов для этого. Само понятие «соотечественник» отдано на откуп чиновникам из Института антропологии, которые не в состоянии до сих пор решить, кто же это такие — «соотечественники». Видимо, их собственные соотечественники имеют совершенно другое государство, оттого им и непонятно, зачем кому-то переезжать в РФ.

Евреи и немцы прекрасно знают, кто для них является соотечественником, а потому уже давно вывезли их из Киргизии на историческую родину. Они сочли это своим долгом, а вот в России международные нормы почему-то объявляются чуть ли не фашистскими.

Одиночный переезд традиционно наталкивается на бюрократию: «Нужно сделать запрос, вернитесь назад за бумажкой». А нередко людей лишают и приобретённого российского гражданства. Негативный опыт огромен. Более половины русских из Киргизии едут не в Россию, а в другие страны.

По «Программе по переселению» мой двоюродный брат поехал в Калининградскую область. На каждое рабочее место «приглашённых» оказалось во много раз больше. Им сразу заявили, чтобы катились они куда подальше. Целый год люди жили в палатках. Когда наконец-то мой брат нашёл работу и смог снять небольшое жильё, недремлющие органы опеки забрали у него двоих детей, оставив лишь третьего ребенка. Пришлось снять жильё побольше, но на еду уже не хватает. Кроме того, его семью не принимает поликлиника. Каждые полгода он продлевает регистрацию, естественно, за немалые деньги.

«Принимать» культуру русским переселенцам не нужно, она им с детских лет привита. Но огромная часть русских переезжать в Россию просто не решается из-за чиновничьего беспредела на территории РФ.

В Киргизии политика «приоритета подготовки национальных кадров» практически вытеснила русских из высших учебных заведений республики. С открытием «Славянского университета» появилась какая-то надежда на улучшение ситуации с высшим образованием. Но в 2010 году его взяли штурмом киргизские фанатики-националисты. И теперь русские студенты в «Славянском университете» — в меньшинстве. Кстати, уже и в некоторых регионах РФ ситуация примерно такая же.